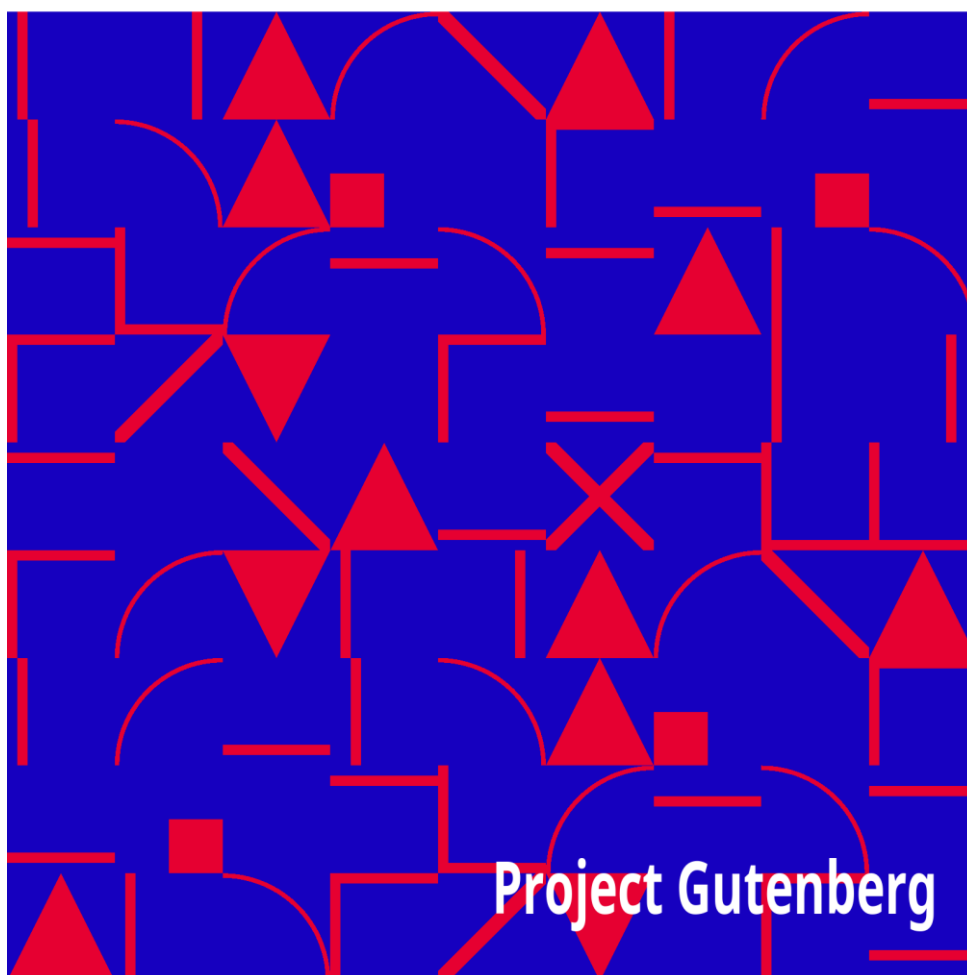

Тауматургия или разъяснения чудесного

Оксониан

**Thaumaturgia; Or, Elucidations of the
Marvellous**

Oxonian

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Тауматургии, Или Разъяснения чудесного

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Тауматургия, Или Разъяснения Чудесного

Автор: Оксониан

Дата выхода: 1 ноября 2003 г. [Электронная книга №10088]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Карло Траверсо, Эриком Кастелейном и корректорами Project Gutenberg Distributed. Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Национальной библиотекой Франции (BnF / Gallica) по адресу <http://gallica.bnf.fr>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТАУМАТУРГИЯ, ИЛИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЧУДЕСНОГО"

[Примечание переписчика: орфографические особенности оригинала были исправлены
сохранено в этом тексте.]

ТАУМАТУРГИЯ, ИЛИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЧУДЕСНОГО. ОТ ОКСОНИАНИНА.

1835

- Бомбастес держал птицу дьявола,
Спрятанную в рукояти его меча,
И обучал его всем хитрым проделкам,
прошлых и будущих шулеров.
Худибрас.

Содержание.

ГЛАВА I.

Демонология — Дьявол, самый необъяснимый персонаж — Кто он?—Его пристрастие к пожилым женщинам — Традиции, касающиеся злых духов и т.д.

ГЛАВА II.

Магия и магические обряды.

Еврейские волхвы.

ГЛАВА III.

О нескольких видах магии.

Предзнаменование, или гадания, основанные на полете и кормлении птиц.

Аруспики, или гадания, основанные на жертвоприношениях животных или людей.

Разделения древних на прорицания—вундеркинды и т.д.

ГЛАВА IV.

История оракулов — главных оракулов древности.

Оракул Юпитера Хаммона. Дельфийский оракул, или пифийский Аполлон.

Церемонии, проводимые при консультировании с оракулами.

Оракулы часто двусмысленны и неясны.

Урим и Туммим.

Репутация оракулов, насколько она утрачена.

Прекращение деятельности оракулов.

Имели ли демоны какое-либо отношение к оракулам?

Об оракулах, выдумках жрецов ложных божеств.

ГЛАВА V.

Британские друиды, или маги—Происхождение фей—Древние суеверия—Их мастерство в медицине и т.д.

Британские маги.

ГЛАВА VI.

Тайны эскулапов и т.д.

ГЛАВА VII.

Низшие божества, сопровождающие человечество от их рождения до смерти.

ГЛАВА VIII.

Судебная астрология — Ее химическое применение для продления жизни и здоровья — Алхимический бред.

ГЛАВА IX

Алхимическая и астрологическая химера.

Гороскоп, сказка о звездах.

Обреченный на отцеубийство; восточная сказка о звездах.

Применение астрологии к продлению жизни и т.д.

Реклама.

Весна. \

Лето. |_ влияние,

осени. |

зимняя четверть. /

ГЛАВА X.

Некритическое предчувствие, иллюстрирующее причину, следствия, основные явления и определение сновидений и т.д.

Причина снов.

Поэтические иллюстрации воздействия воображения на сновидения.

Основные явления сновидения.

Определение сновидений.

ГЛАВА XI.

Об инкубации, или искусстве исцеления с помощью визионерского предсказания.

ГЛАВА XII.

Об амулетах, талисманах—фильтрах, их происхождении и воображаемой эффективности и т.д.

Амулеты, которыми пользуются простые люди.

Эксцентричности, капризы и эффекты воображения.

Учение об эфлювиях — Чудесных исцелениях с помощью талисманов, оберегов и т.д.

ГЛАВА XIII.

О талисманах — некоторых любопытных природных и т.д.

ГЛАВА XIV.

О целебных свойствах, приписываемых музыке древними.

ГЛАВА XV.

Предзнаменования, чудеса, предчувствия и т.д.

ГЛАВА XVI.

Явления метеоров, оптический бред, спектры и т.д.

ГЛАВА XVII.

Разъяснение некоторых древних чудес.

Магические притязания определенных трав и т.д.

ГЛАВА XVIII.

Практика Оба, или негритянских колдовских чар — их знание растительного яда—тайное отравление.

ГЛАВА XIX.

О происхождении и суеверном влиянии колец.

ГЛАВА XX.

Небесные влияния—приметы—климактерический период—преобладания.—Счастливые и несчастливые дни.—Эмпирика и т.д.

Абсурдности Парацельса и Ван Гельмонта.

ГЛАВА XXI.

Современный эмпиризм.

ГЛАВА XXII.

Розенкрейцеры или теософы.

THAUMATURGIA,

или

РАЗЪЯСНЕНИЯ ЧУДЕСНОГО.

ГЛАВА I.

ДЕМОНОЛОГИЯ—ДЬЯВОЛ, САМЫЙ НЕОБЪЯСНИМЫЙ ПЕРСОНАЖ —КТО ОН?—ЕГО ПРИСТРАСТИЕ К СТАРУХАМ—ПРЕДАНИЯ О ЗЛЫХ ДУХАХ И Т. Д.

Дети и пожилые женщины привыкли слышать так много ужасных вещей о парноногом властителе и сформировали такие дьявольские представления о его сатанинском величии, представляя его в таком количестве ужасных и чудовищных обличей, что действительно этого было бы достаточно, чтобы напугать самого Вельзевула, если бы он случайно встретил свой прототип в темноте, одетый в несколько фигур, в которых его воплотило воображение. А что

касается самих людей, то можно было бы предположить, что дьявол ни в коем случае не смог бы напугать их и вполтину так сильно, если бы они действительно встретились и поговорили с ним лицом к лицу: настолько верно, что его сатанинское величество далеко не так черен, как его малюют.

Какой бы полезной ни оказалась попытка рассказать правдивую историю этого "воздушного тирана", этого "Бога мира", этого "ужаса и надзирателя над человечеством", в наши намерения не входит становиться биографом дьявола, несмотря на легкость, с которой можно было бы собрать материалы. О происхождении дьявола и первом возвышении его семьи мы располагаем достаточными свидетельствами; а что касается его деяний, то он, безусловно, всегда действовал втемную; хотя многие из его деяний, как моральных, политических, церковных, так и эмпирических, оставили после себя такое сильное впечатление, что подчеркивают их важность в некоторых деяниях даже в нынешний период развития христианского мира. Эти дискуссии, однако, мы оставим в руках соответствующих поборников, чтобы по ходу дела бросить беглый взгляд на некоторые изболезней, которыми человечество, подражая этому великому учителю, было заражено с первых веков существования мира.

Греки, а вслед за ними и римляне, присвоили название Демона определенным *гениям*, или духам, которые становились видимыми для людей с намерением либо служить им как друзья, либо причинить им вред как враги. Последователи Платона проводили различие между своими богами — или *Dei Majorum Gentium*; их демонами, или теми существами, которые по своему общему характеру не отличались от добрых и злых ангелов христианской веры, - и их героями. Евреи и ранние христиане ограничивали название Демона существами злобной природы или дьяволами, называемыми в собственном смысле этого слова; и именно в ранних представлениях, которых придерживался этот народ, следует проследить контуры более поздних систем демонологии.

Мы полагаем, что ученые в такого рода вопросах еще не ответили на вопрос, является ли слово *дьявол* единственным или множественным числом, то есть является ли это именем так называемого персонажа, стоящего особняком, или существительным множества. Если оно единственного числа и используется только в личном качестве как имя собственное, оно, следовательно, подразумевает одного имперского дьявола, монарха или короля всего клана ада, справедливо обозначаемого термином ДЬЯВОЛ, или, как называют его наши северные соседи, "грознорогий дьявол", а поэтически, в честь Бернса, "старый Клути, Ник или Хорни", или, согласно другим, в более широкой форме речи, "дьявол в аду", то есть "дьявол дьявола", или, в библейской фразеологии, "большой красный дракон", "дьявол в аду". - Дьявол или сатана. Но мы не будем придирается к имени этого могущественного властелина; и тем более оспаривать его личность, несмотря на высказанные сомнения, является ли упомянутый дьявол реальным или воображаемым персонажем в том виде и с теми способностями, которые были столь чудесным образом приписаны ему; ибо

Если так случится, кто может сказать,
Но, может быть, есть Бог, небеса и ад?

Человечеству лучше хорошенько подумать, из страха
Когда их ошибки проявятся, будет слишком поздно.

Дьявол, по-видимому, всегда был особенно неравнодушен к пожилым женщинам; самых уродливых и отвратительных из них он неизменно выбирал для исполнения своих приказов. Матушка Шиптон, например, наша знаменитая старая английская ведьма, о которой до сих пор рассказывают так много забавных историй, очевидно, очень сильно пострадала в своем изображении, если бы у нее не был самый ужасный вид, какой только можно вообразить; и, если это правда, Мерлин, знаменитая уэлчская гадалка, была самой устрашающей фигурой. Если верить другой истории, то он был зачат самим "*старым Ником*". Возвращаясь, однако, к тому, что агенты дьявола столь адски уродливы, нужно просто отметить, что с незапамятных времен он неизменно предпочитал таких *разумных* существ, которые больше всего противоречили "божественному человеческому облику".

Сивиллы, о которых записано так много странных пророчеств, все, если верить итальянским поэтам, представлены как очень старые женщины; и как будто уродство было *plus ultra* красоты в старости, они наделили их уродством самого дьявола. Будет видно, несмотря на все, что было сказано в ущерб дьяволу, что он значительно улучшился в управлении мирскими делами; настолько, что вместо администрации, состоящей из ведьм, волшебников, фокусников, прорицателей, астрологов, врачей-шарлатанов, юристов-оболванителей и городских торговцев, он выбрал нескольких мудрейших людей, а также величайших дураков современности для осуществления своих планов. Его сатанинское величество, по-видимому, также значительно улучшил свой вкус; несомненно, благодаря нынешнему улучшающемуся состоянию общества и повсеместному распространению полезных знаний. Действительно, мы больше не слышим о парноногих дьяволах, только в метафорическом смысле — огонь и сера потухли или почти потухли; угли ада и вечное проклятие в основном поддерживаются и раздуваются ультрас из числа сектантов, которые неизменно являются сторонниками религиозного фанатизма. Красота, остроумие, обаяние, с менее скованным сознанием, вытеснили все, что было страшным, отвратительным, уродливым и деформированным. Эта тема поэтически и более красиво проиллюстрирована в следующих демонологических строфах, которые настолько соответствуют случаю, что мы не можем удержаться, чтобы не процитировать их в качестве дальнейшего вступления к нашим темам:

Когда дьявол жаждет увесистых сообщений
Ему нужны были посланники хитрые и смелые,
Он проходил мимо красивых лиц
И выбирал уродливых и старых.

Из них он сделал чернокнижников и ведьм
Бегать по ночам по своим поручениям,
Пока переутомленные, измученные негодяи
Были готовы испугаться, как дьявол.

Но кто бы ни был его советником,
По мере того как его королевство растет,
теперь он принимает меры гораздо мудрее,
И торгует красотой и молодостью.

Замаскированный под распутника и остроумца,
Он часто бывает как в церкви, так и при дворе;
А иногда наведывается в город,
Куда прибегают все лучшие христиане.

Таким образом, нарядившись в полный маскарад,
Тот, кто посмелее, может ходить взад и вперед
Ибо он лучше может заниматься своим ремеслом,
От чьего-либо имени, чем от своего собственного.

Короче говоря, дьявол, похоже, все еще слишком хитер для человечества и продолжает управлять вещами по-своему, несмотря на епископов, священников, мирян и новые церкви. Он управляет пороками и склонностями людей с помощью своих собственных методов; хотя каждое преступление или вымогательство, уловка или умысел, будь то в отношении кошелька или личности, не сделают человека дьяволом; тем не менее следует признать, что каждое преступление, независимо от его масштаба или сложности, каким бы оно ни было, в какой-то мере отдает преступника во власть дьявола и дает ему власть и даже титул над преступником, с которым он впоследствии обращается очень по-хозяйски.

Нам говорят, что у каждого человека есть свой сопровождающий злой гений, или дух-покровитель, для выполнения приказов главного демона - что сопровождающий злой ангел видит каждый ход, который мы делаем на доске; наблюдает за всеми нашими действиями и позволяет нам творить зло и все, что пагубно для нас самих; — что, напротив, наш добрый дух, движимый более благожелательными мотивами, всегда поддерживает наши хорошие поступки и неохотно относится к плохим. Если это так, то можно справедливо спросить, как же так получается, что эти два противоборствующих духа не ссорятся и не подбивают друг другу глаза и не разбивают головы во время своего соперничества за первенство? И почему злой дух-искуситель так часто одерживает верх?

Вместо того чтобы буквально отвечать на эти трудные вопросы, их можно превратить в веский аргумент, в превосходную аллегорию, изображающую борьбу в сознании человека между добрыми и злыми наклонностями. Но если принять их такими, какие они есть на самом деле, и просто рассуждать исходя из естественных соображений — ибо рассуждать, исходя из природы, безусловно, лучший способ докопаться до сути дьявольской истории, — если нас посещают добрые и злые духи, то есть добрый ангел и дьявол, то не будет несправедливым упреком сказать, когда люди следуют указаниям последних, что *в них дьявол*, или что *они дьяволы!* или, если продолжить сравнение еще дальше, то, поскольку большинство и, безусловно, наибольшее количество людей следует за злым духом, а не за добрым, и что преобладающей силе позволено быть силой назначения, тогда, конечно, следует допустить, что в большей части человечества есть дьявол, что подводит нас к завершению нашего аргумента; и в подтверждение этого нам на память приходят следующие строфы.

Людям и местам он рассылает свои маскарадные костюмы,
И наряжает всех своих бандитов,
Которые, подобно карманникам, стекаются на сельские слушания,

Соберитесь толпой ко двору и в город.

Они у каждого локтя и у каждого уха,
И готовы по любому зову, сэр;
Бдительный разведчик, расставляет повсюду своих агентов,
И имеет какое-то отношение ко всем нам, сэр.

В некоторых он имеет часть, а в некоторых - целое,
А в некоторых (как викарий из *Баддоу*)
Нельзя также сказать, что у них есть тело или душа;
И это всего лишь дьяволы в тени.

Хорошенькие и остроумные - дьяволы в масках;
Красавицы - всего лишь призраки;
Невзрачных узнают только по их лицам,
А хороших - по их уродливым условиям.

Кавалеры ходят повсюду, как тени мужчин,
И куда бы он их ни повел, они следуют за ним;
Но такэм и шакэм - не каждый десятый
Но они легкие, как перышко, и полые.

Таким образом, все свои дела он ведет замаскированно,
И он щекочет человечество пером,
Подкрадывается к чьему-то уху и заглядывает нам в глаза,
И смешивает наши чувства воедино.

Он поднимает шумиху и пробуждает желания,
И всякому темному поступку ставит свечу;
Страсти разгораются, аппетит разжигается,
И все берет за ручку.

Таким образом, он расхаживает взад - вперед в полном маскараде
И с каждой компанией смешивается;
Продает в каждом магазине, работает на каждом предприятии,
И любая сомнительная вещь ставит в тупик.

Еврейские предания о злых духах разнообразны, некоторые из них основаны на Священном Писании, некоторые заимствованы из мнений язычников, некоторые являются баснями их собственного изобретения, а некоторые носят аллегорический характер.

Демоны евреев считались либо отдаленным потомством Адама или Евы, возникшим в результате неправильного общения со сверхъестественными существами, либо Каина. Однако, поскольку это учение было крайне отвратительным для некоторых первых христиан, они утверждали, что демоны - это души умерших людей, которым все еще было разрешено вмешиваться в земные дела, либо помогать своим друзьям, либо преследовать своих врагов. Но эта доктрина не получила распространения.

Около двух с половиной столетий назад была предпринята попытка в сжатой форме изложить различные мнения о демонах, которых придерживались на заре христианской эры; и только в гораздо более поздний период христианства была создана более четкая доктрина относительно их происхождения и природы. Эти догматы включали в себя определенные очень запутанные моменты, касающиеся падения тех ангелов, которые за непослушание лишились своей высокой обители на Небесах. Гностики раннехристианских времен, подражая классификации различных категорий духов Платона, попытались создать аналогичную систему в отношении иерархии ангелов, градация которой была следующей.

Первый и высший порядок был назван СЕРАФИНАМИ; второй - ХЕРУВИМАМИ; третий был порядком ПРЕСТОЛОВ; четвертый - ВЛАДЕНИЙ; пятый - ДОБРОДЕТЕЛЕЙ; шестой - СИЛ; седьмой - НАЧАЛЬСТВ; восьмой - АРХАНГЕЛОВ; девятый и низший - АНГЕЛОВ. Эта басня подверглась резкому осуждению апостолов, и все же, как ни странно, она почти пережила пневматологов средневековья. Эти схоласты, ссылаясь на рассказ о том, что Люцифер восстал против небес и что архангел Михаил воевал против него, долго обсуждали важный вопрос, какая категория ангелов пала при этом. В конце концов возобладало мнение, что Люцифер принадлежал к ордену Серафинов. После бесконечных исследований было также доказано, что Агарес, Велиал и Барбатос, каждый из которых был низложенным ангелом высокого ранга, принадлежали к ордену Добродетелей; что Белет, Фокалор и Феникс принадлежали к ордену Престолов; что Гаап принадлежал к ордену Сил и Добродетелей; и Ропот Престолов и Ангелов. Притязания многих благородных дьяволов были также опрошены и столь же удовлетворительным образом определены; было приведено в порядок множество связанных с этим инцидентов, которые ранее вызывали значительные сомнения и дебаты. У этих верховных дьяволов, за каждым из которых был закреплен определенный округ, в подчинении находилось множество благородных духов, различные звания и старшинство которых были установлены со всей точностью геральдического различия: — были, например, дьявольские герцоги; дьявольские маркизы; дьявольские графы; дьявольские рыцари; дьявольские президенты, дьявольские архиепископы и епископы; прелаты; и, без сомнения, дьявольские врачи и аптекари.

В средние века, когда колдовство достигло определенной степени совершенства и регулярно практиковалось в Европе, предполагалось, что выдающиеся дьяволы появлялись в определенных обликах, по которым их узнавали так же хорошо, как главу любой древней семьи узнавали по его гербу. Формы, которые они привыкли принимать, были зарегистрированы среди их имен и характеров.

Хотя ведущие догматы демонологии восходят к евреям и ранним христианам, все же они сформировались благодаря нашему раннему общению с маврами Испании, которые были главными философами темных веков, и между которыми и уроженцами Франции и Италии существовало тесное общение. Толедо, Севилья и Саламанка стали величайшими школами

магии. В последнем городе пристрастие к черному искусству из постоянного уважения к торжественности предмета выражалось в стенах огромной и мрачной пещеры. Схоласты учили, что все знания можно получить с помощью падших ангелов. Они были искусны в абстрактных науках, в обращении с драгоценными камнями, в алхимии, в различных языках человечества и низших животных; в художественной литературе, моральной философии, Пневматологии, Богословии, Магии, истории и пророчествах. Они могли управлять ветрами, водами и звездными влияниями. Они могли вызывать землетрясения, вызывать болезни или излечивать их, выполнять все обширные механические операции и освобождать души из Чистилища. Они могли влиять на страсти разума, обеспечивать примирение друзей или врагов, порождать взаимные разногласия, вызывать манию, меланхолию или направлять силу и объекты человеческой привязанности. Такова была Демонология, преподаваемая ее ортодоксальными профессорами. Тем не менее, были изобретены другие системы на этот счет, которые имели свое происхождение в причинах распространения христианства; ибо, должно быть, потребовалось много времени, чтобы искоренить почти всеобщую веру в языческих божеств, которых стало так много, что каждый ручей и уголок вселенной наполнился сказочными существами. Многие ученые люди, действительно, были склонены принять сторону популярного мнения по этому вопросу и не делали ничего, кроме попыток объединить его со своими признанными системами демонологии. Они учили, что объектами почитания язычников были падшие ангелы в союзе с Князем Тьмы, которому до явления нашего Спасителя было позволено бесконтрольно бродить по земле и погружать мир в духовную тьму и заблуждение.

В соответствии с различными рангами, которые эти духи занимали в обширном царстве Люцифера, им было позволено в их деградированном состоянии обитать в воздухе, в горах, в источниках или в морях. Но хотя различные атрибуты, приписываемые греческим и римским божествам, ранними учителями христианства рассматривались в скромном свете демонических заблуждений, все же на протяжении многих веков они обладали огромным влиянием на умы простых людей. Представление о том, что каждого человека сопровождает злой гений, было отброшено гораздо раньше, чем гораздо более приятная часть той же доктрины, которая учила, что в качестве противоядия от их влияния каждого человека также сопровождает благой дух. "Служение ангелов, - говорит автор в "Афинском оракуле", - несомненно; но способ, *каким* образом, - это узел, который нужно развязать". Ранние философы придерживались мнения, что не только королевства [1] имеют своих опекунов, но и что у каждого человека есть свой особый гений или добрый дух, который защищает и наставляет его посредством снов и видений. Таковы были объекты суеверного почитания, заимствованные из Пантеонов Греции и Рима, весь синод которых, как предполагалось, состоял из демонов, которые все еще активно пытались ввести человечество в заблуждение. Но на западе Европы в игру вступило множество других демонов, гораздо более грозных, которые берут свое начало в кельтских, тевтонских и даже восточных легендах; и поскольку об их существовании, равно как и о влиянии, смело заявляли не только ранние христиане, но даже реформаторы, прошло много времени, прежде чем обряды, к которым они привыкли, были полностью искоренены.

СНОСКИ:

[1] Таким образом, Пенаты, или домашние боги, надзирали за новорожденными младенцами. У каждой вещи был свой хранитель или особый гений: города, рощи, источники, холмы - все было снабжено хранителями такого рода, и каждому человеку было выделено не менее двух — один хороший, другой плохой (Hor. Lib. II. Epist. 2.), которые сопровождали его от колыбели до

могилы. Греки называли их *демонами*. Их называли *пренеститами* из-за того, что они руководили человеческими делами.

ГЛАВА II.

МАГИЯ И МАГИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ И т.д.

Немногие предметы представляют для философского взгляда более любопытный, важный и поучительный предмет исследования, чем естественная история религии. Было обнаружено, что тот или иной вид религиозного служения преобладал во все века и у всех народов, от самых грубых и варварских периодов развития человеческого общества до периодов культуры и утонченности. В эти периоды можно проследить образцы, сильно отмеченные проявлением чувств и способностей людей почти в любой ситуации, которую только можно предположить. Именно из созерцания этих усилий мы узнаем, что за создание человек; что мы обнаруживаем степень его возможностей и направленность его желаний; и что мы знакомимся с влиянием культуры и цивилизованности на него, сравнивая степени совершенствования, которых он достиг на различных этапах развития общества, через которые он прошел.

По-видимому, опытным путем установлено, что человечество в целом ни разу не было способно, используя свои собственные совместные силы, подняться в своих исследованиях к великому всеобъемлющему основанию истинной религии — знанию первопричины. Эта идея слишком грандиозна, слишком отчетлива или слишком утонченна для всего человечества. Они окружены чувственными объектами и сильно привязаны к ним; они в значительной степени непривычны к самым простым и очевидным степеням абстракции и едва ли могут представить себе что-либо, имеющее реальное существование, что не могло бы стать объектом их чувств. Одержимые такими чувствами и взглядами, они полностью готовы принять все безумия и нелепости суеверия. Они поклоняются всему, что они либо любят, либо боятся, чтобы обеспечить продолжение пользовавшихся ими благосклонностей или предотвратить то негодование, которого у них могут быть причины бояться. Поскольку их знания о природе совершенно несовершенны и поскольку каждое мгновение происходит множество событий, из которых они не могут сделать никакого теоретического вывода, они в поисках удовлетворения прибегают к самому простому, но самому неэффективному из всех решений — посредничеству невидимых существ, которыми, по их мнению, наполнена вся природа. Отсюда расцвет политеизма и местных божеств, которые распространились по всему лицу земли под различными титулами богов-хранителей или святых-покровителей. Поэтому были возведены великолепные храмы и статуи, чтобы помочь воображению приверженцев и воплотить в жизнь объекты поклонения, которые, хотя и должны всегда находиться поблизости, редко снисходят до того, чтобы стать видимыми.

После получения некоторой информации о существующих объектах следующей причиной беспокойства и исследования человеческого ума является небольшое проникновение в тайны будущего. Предполагалось, что те же самые боги-покровители, которые проявляли свою заботу и прилагали свои силы, чтобы обеспечить нынешнее удовольствие и счастье человечеству, не прочь были даровать им и в этом отношении небольшую поблажку. Отсюда знаменитые оракульские ответы древности; отсюда длинная череда фокусников, гадалок, астрологов, некромантов, волшебников, колдунов и ведьм, которых можно было встретить во всех местах и

во все времена; и при этом превосходящих знаний и цивилизации было недостаточно, чтобы искоренить таких персонажей, продемонстрировав тщетность и абсурдность их взглядов.

У древних это суеверие было великим двигателем государства. Уважение, оказываемое предзнаменованиям, прорицаниям и оракулам, было глубоким и всеобщим; и люди, облеченные властью, монополизировали привилегию консультироваться с ними и интерпретировать их. Они присоединились к народу в выражении своего почтения; но нет особых оснований сомневаться в том, что они проводили ответные действия таким образом, который наилучшим образом соответствовал целям правительства. По этой причине оракулу было бы нетрудно давать предсказания, которые всем тем, кто не знаком с тайной, показались бы совершенно удивительными и необъяснимыми. Казалось бы, одного этого принципа достаточно, чтобы объяснить все явления древних оракулов.

Хотя изобретательство давно перестало быть инструментом правительства, в последние века не было недостатка в изобилии изобретательных личностей, которые проявляли большой интерес к использованию слабости или доверчивости своих собратьев. Против этой чумной и покинутой расы людей большинство цивилизованных стран приняли уголовные законы. Но что делало таких людей особенно отвратительными в наше время, так это общение, которое, как предполагалось, они поддерживали с дьяволом, которому они продали себя и от которого, взамен, получали свою информацию. И по этому принципу уголовные законы, вместо того чтобы искоренять зло, разжигали его. Они встревожили воображение людей; они соблазнили их приписать причину своих несчастий и разочарований злобе или негодованию их соседей; они побудили их доверять своим подозрениям гораздо больше, чем своему разуму; и они умножили число ведьм и колдунов, предоставив в распоряжение каждого глупого доносчика средства наказания. В нескольких странах Европы эти законы все еще действуют; в Британии они были отменены только в недалеком будущем. После отмены преследований вера в колдовство исчезла даже среди простых людей. Долгое время считалось, что это несовместимо с каким-либо значительным прогрессом в философии.

По этим причинам мы с некоторой долей удивления читаем трактат философа, выдающегося врача, тайного советника тогдашней королевы-императрицы и профессора Венского университета, посвященный этому взрывному предмету. Долгое время сомневались, говорит ли профессор всерьез, но в конце концов мир был вынужден признать, что великий Антониус де Хаэн, безусловно, верил в колдовство и считал, что знание о нем при лечении болезни имеет огромное значение для врача — приобретению этих полезных знаний он посвятил большую часть своего времени. В 1758 году три старые женщины, приговоренные к смертной казни за колдовство, были доставлены по приказу императрицы из Хорватии в Вену для прохождения экспертизы на предмет справедливости вынесенного им приговора. Вопрос заключался не в том, существовало ли преступление; единственным объектом расследования была справедливость его применения. Автор и прославленный ван Свитен были назначены для проведения расследования. После тщательного прочтения показаний, представленных на судебных процессах, и *самого энергичного* допроса самих виновных с помощью хорватского переводчика, эти великие врачи обнаружили, что *три старые* женщины не были ведьмами, и убедили императрицу отправить их домой в целости и сохранности. Именно это обстоятельство побудило де Хаэна написать о магии.

Чтобы составить некоторое представление об очень необычном и любопытном произведении де Хаэна, написанном во второй половине восемнадцатого века, мы здесь представим нашим читателям краткое изложение его принципов и рассуждений, к которым приложим несколько замечаний.

Под преступлением магии, сообщает нам автор, он подразумевает любое ненадлежащее общение между людьми и злыми духами, называется ли это теургией, прорицанием, некромантией, хиромантией, заклинаниями или колдовством. Он предлагает, во-первых, доказать, что такая коммуникация действительно существует. Он цитирует египетских магов, ведьму из Эндора, имущество, упомянутое в Новом Завете, и многие другие авторитетные источники от отцов церкви и каноны церкви. Он уверен, что заклинания египетских магов были реальными действиями адских агентов, и что рассказы о них, переданные Моисеем, не допускают никаких других построений.

Не может ли искренний верующий в божественный авторитет Священных Писаний разумно колебаться относительно этого вывода? Или, скорее, не подвергает ли такое толкование откровение справедливому порицанию? Ясные предписания лучшей философии заключаются в том, что нет ничего более простого, правильного и единообразного, чем обычный ход природы; и что этот ход не может быть приостановлен или изменен иначе, как самим его автором, и он не может допустить, чтобы его прервало какое-либо низшее существо, за исключением самых важных причин. Непонятно, какой благой цели могло бы достичь Провидение, разрешив эти магические чары, предполагая их сверхъестественными; и если мы представим, что дьявол действовал спонтанно, с целью поддержать свою силу и влияние, он самым очевидным образом допустил ошибку в своем замысле. Ничто не могло быть более невежливым, чем его появление на поле боя, где он хорошо знал, что потерпит позорное поражение. Или, если бы он эффективно работал, чтобы поддержать силу и влияние своих слуг-магов, он должен был противодействовать чудесным явлениям Моисея, а не повторять их. То, что маги не обладали достаточной для этой цели силой, очевидно из того, что они ее не применяли. То, что Фараон не ожидал от них таких усилий, очевидно из того, что он никогда не просил об этом, а также из его обращения к Моисею и Аарону. Похоже, правда заключается в том, что Фараон задумал Моисея и Аарона такими же волшебниками, как и он сам. Он хотел поддержать репутацию последних; и он пришел к выводу, что это было бы эффективно сделано, если бы они только могли представить предлог для подтверждения того, что они совершили все чудеса, совершенные первыми. Без какого-либо подобного предположения о сговоре два чуда, предпринятых магами, совершенно абсурдны и противоречивы. Они притворились, что превращают воду в кровь, в то время как во всей земле Египетской не было ни одной капли воды, которую Аарон ранее не превратил бы в это вещество. Они притворились, что насылают лягушек на землю Египта, в то время как каждый ее уголок кишел этой отвратительной рептилией. Примечательно также, что они предложили посоревноваться только в трех первых чудесах Моисея; при появлении четвертого они честно отказались от состязания и очень честно признали, что в чудесах Моисея была видна рука Божья; прямое признание того, что в их собственных чудесах не действовала никакая сверхъестественная сила.

Де Хэн рассматривает дело эндорской ведьмы как еще более авторитетный источник. Он утверждает, что Самуил действительно был призван, либо в телесном, либо в фантастическом обличье, и предсказал Саулу судьбу его сражений с филистимлянами. Давайте обратимся к обстоятельствам этой истории и рассмотрим, абсолютно ли необходимо прибегать к этой

сверхъестественной гипотезе. Разум Саула был отвлечен и взволнован сверх всякой меры самой критической и тревожной ситуацией в его делах; его горе было настолько велико, что, забыв о своем достоинстве и безопасности, он отпустил своих слуг, снял царские одежды, не мог есть хлеб и, одетый как самый ничтожный из своего народа, отправился в путешествие к жилищу заклинателя. В таком состоянии духа, готовый к навязыванию, он прибывает ночью в ее резиденцию. Он уговаривает ее, настойчиво домогаясь и, вероятно, щедро вознаграждая, позвонить Сэмюэлю. Чтобы еще больше смутить расстроенный разум Саула, она объявляет о мнимом приближении призрака громкими возгласами, говорит царю, что узнала его, чего до сих пор делала вид, что не знает, и описывает воскресение пророка под ужасающим подобием восхождения Бога из земли.

За все это время король не увидел ничего необычного, либо потому, что ему не давали достаточно света для этой цели, либо потому, что он не попадал в поле зрения. Он просит рассказать о приближавшемся персонаже, и фокусник описывает хорошо известную внешность Сэмюэля. Пророк сурово бросает вызов царю за то, что тот нарушил его покой, говорит ему, что Давиду было предназначено стать царем Израиля, что он сам потерпит поражение от филистимлян и что он и его сыновья падут в битве. Король не вступает с призраком в разговор, но, не в силах больше выносить своего волнения, безжизненно падает на землю. Фокусница возвращается к Саулу, просит его съесть немного еды, которую она приготовила. Он, наконец, соглашается; и, покончив с трапезой, уходит со своими слугами до наступления утра. Очевидно, что вся эта сцена происходила в темноте. Не похоже, чтобы Саул когда-либо видел пророка; и, конечно, не требовалось сверхъестественного разума, чтобы передать всю полученную информацию. Это легко можно было бы предположить по унынию царя, силе его врагов и настроению всего еврейского народа, отчужденного от него и склоняющегося к его преемнику. Таким образом, эндорская ведьма могла быть обычной гадалкой, и в ее случае нет прямых доказательств сверхъестественной одержимости.

Мы не претендуем на то, что так легко объясняем многие свойства, описанные в Новом Завете, хотя лишь немногие из них применимы к случаю колдовства. Нам хорошо известно, что несколько выдающихся авторов, которые, как нельзя предполагать, питают ни в малейшей степени неблагоприятное отношение к откровениям, предприняли попытку объяснить эти проявления, не прибегая к чему-либо сверхъестественному, представляя их как образные описания конкретных и местных заболеваний.

Мы не собираемся принимать или защищать взгляды таких авторов, хотя, возможно, нам будет позволено заметить, что, если бы их мнения были поддержаны удовлетворительным образом, христианство ничего бы не потеряло от этой попытки. Таким образом, он был бы освобожден от небольших придилок и насмешек, которым, по мнению некоторых его врагов, он в настоящее время подвергается, и замысел ни в малейшей степени не мог бы умалить его божественность, поскольку мгновенное излечение от болезни нельзя считать менее чудесным, чем изгнание дьявола. Во всяком случае, все эти вещи экстраординарны; появились по какому-то самому экстраординарному поводу; и из них, следовательно, нельзя сделать никакого общего вывода об обычных случаях обычной жизни.

Теперь мы переведем образец авторитетов де Хаэна [2], взятый из "отцов церкви". Следующее из Джерома не нуждается в комментариях. Этот отец в своем "Житии святого" Иларион отшельник рассказывает, что молодой человек из города Газа в Сирии глубоко влюбился в

благочестивую деву, жившую по соседству. Он атаковал ее взглядами, шепотом, уверениями, ласками и всеми теми доводами, которые обычно побеждают податливую девственность; но, найдя все это безрезультатным, он решил отправиться в Мемфис, резиденцию многих выдающихся фокусников, и умолять их о магической помощи. Он оставался там в течение года, пока полностью не овладел этим искусством. Затем он вернулся домой, радуясь своим приобретениям и радуя свое воображение роскошными сценами, которые, как он теперь был уверен, воплотит в жизнь. Все, что ему нужно было сделать, это тайно прикрепить несколько грубых слов и неуклюжих цифр, выгравированных на медной пластинке, под порогом дома, в котором жила дама. Она пришла в совершенную ярость, рвала на себе волосы, скрежетала зубами и беспрестанно повторяла имя юноши, которого увела от нее сила ее отчаянной страсти. В этой ситуации ее родственники отвели ее в келью старого Иларио. Дьявол, который вселился в нее, вследствие очарования, немедленно начал выть и исповедовать правду. "Я подвергся насилию, - сказал он, - меня заставили приехать сюда против моей воли. Как счастлив был я в Мемфисе, развлекая своих друзей видениями! О боли, мучения, которые я терплю! Ты приказываешь мне удалиться, и я быстро удерживаюсь чарами за порогом. Я не могу уйти, пока молодой человек не отпустит меня". Однако святой был настолько осторожен, что не разрешал искать магические фигурки до тех пор, пока не освободит деву Марию, опасаясь, что может показаться, будто он общается с заклинаниями при излечении или верит, что дьявол вообще может говорить правду. Он заметил только, что демоны всегда лжецы и хитры на обман.

Де Хаэн приписывает силе магии чудеса, [3] как их называют, знаменитого Аполлония Тианея. Кажется, он нисколько не сомневается в их авторитете. Поскольку некоторые враги откровения выставляли Фьянея соперником Иисуса Христа, пример его действий может позабавить наших читателей. Во время народного собрания в Эфесе из соседнего леса вылетела огромная стая птиц; одна птица возглавляла всех остальных. "В этом явлении нетничего чудесного, - говорит Тяней изумленным людям, - в этом явлении. Мальчик, проходивший по одной из улиц, небрежно рассыпал в ней немного кукурузы, которую нес с собой; одна птица попробовала корм и великодушно зовет остальных присоединиться к трапезе ". Слушатели прибыли на место и сочли эту информацию правдивой.

Будучи призван усмирить эпидемию, свирепствовавшую в Эфесе, он приказал сжечь старого нищего под камнями возле храма Геркулеса как врага богов. Он снова приказал людям убрать камни, чтобы они могли увидеть, что за животное было предано смерти. Они нашли не человека, а собаку. Чума, однако, прекратилась.

Поскольку замужняя женщина высокого ранга была мертва, ее вынесли на сожжение в открытых носилках, после чего ее муж залился слезами. Приближающийся Аполлоний просит его остановить процессию, и он положит конец его горю. Он спросил имя женщины, прикоснулся к ней и пробормотал над ней несколько слов. Она сразу же пришла в себя, заговорила и снова вернулась в свой собственный дом. Флери, рассказывающий о чуде, отмечает, что некоторые люди сомневались, была ли женщина действительно мертва, поскольку они заметили нечто похожее на дыхание, выходящее у нее изо рта. Другие полагали, что с ней случился всего лишь утомительный обморок и что воздействие холодной росы и влаги на ее тело могло бы естественным образом привести ее в чувство. На замечание Флери де Хэн весьма проникательно замечает, что люди, наблюдавшие дыхание женщины, наверняка не могли скрыть радостную весть и, несомненно, остановили бы процессию до прибытия философа.

Вторая попытка Де Хаена состоит в перечислении всех возражений, которые были выдвинуты против колдовства, и присоединении к каждому отдельного опровержения. В этой части работы нет ничего, заслуживающего внимания. Он завершает следующими словами: "В таком случае я могу с уверенностью утверждать, что искусство магии, несомненно, существует. История, священная и пророческая; авторитет человеческий и божественный; эксперименты, самые бесспорные и безупречные, - все это подтверждает ее реальность".

Последняя часть работы де Хаена связана с обнаружением и лечением магических болезней, объяснение которых, по-видимому, было главной целью автора при составлении своей книги. Большая осторожность, замечает он, и внимание необходимы в этой области; и врач не должен с готовностью соглашаться с обвинением в колдовстве. Никакого отсутствия обычных симптомов, никакого необычного изменения течения болезни недостаточно для такого вывода, потому что они могут возникать по неизвестным естественным причинам. Каковы же тогда следы определенных заклинаний? Де Хаен считает бесспорным следующее: "если при каком-либо необычном заболевании будут обнаружены в набивке подушек или мебели комнаты, в которой лежит пациент, в перине или соломе его кровати, около двери или под порогом его дома какие-либо странные символы, изображения, кости, волосы, семена или корни растений; и если после удаления всего этого или после перевода пациента в другое помещение он внезапно выздоровеет; или если сам пациент или его друзья будут настолько злыми, что вызовут скорую помощь". волшебник к ним на помощь, который должен устранить болезнь; или если насекомые и животные, которые не поселяются в теле человека; если камни, металлы, стекло, ножи, заплетенные волосы, кусочки смолы выбрасываются из определенных частей тела большего размера, веса и формы, чем можно было бы предположить, чтобы пройти через эти части без гораздо большего разрушения и расслаивания проходов; во всех этих случаях болезнь, несомненно, волшебная".

Автор продолжает выяснять, может ли врач осмелиться убрать инструменты для произнесения заклинаний, чтобы облегчить состояние пациента, не навлекая на себя обвинения в нечестии из-за вмешательства в орудия и обстановку дьявола; и делает весьма формальный вывод, что, приблизившись к ним со всеми надлежащими церемониями и уважением, после того, как с подобающей преданностью и рвением попросил защиты и руководства небес в таком опасном предприятии, он может попытаться вмешаться и иногда может ожидать успешного исхода.

Таковы взгляды, рассуждения и заключения одного из первых врачей и философов Германии того времени; взгляды и рассуждения, которые были бы восприняты с энтузиазмом и аплодисментами двести лет назад, но которые философия и усовершенствования более поздних времен, по—видимому, изгнали в обители невежества и варварства.

Происхождение почти всех наших знаний можно проследить до более ранних периодов античности. Особенно это касается искусств, называемых магическими. Было немного древних народов, какими бы варварскими они ни были, которые не могли бы дать много людей, чьим чарам, как предполагалось, были подвержены силы природы и материального мира. Халдеи, египтяне, да и вообще все восточные народы привыкли приписывать все природные явления, которые они не могли объяснить, действию демонов, которые, как считалось, властвовали над травами, деревьями, реками, горами и животными. Каждый член человеческого тела находился под их властью, и все телесные болезни были вызваны их злобностью. Например, если кто-либо заболел лихорадкой, не проявлялось особого беспокойства по поводу обнаружения ее

причины или принятия рациональных мер для ее излечения; это, без сомнения, должно было быть вызвано каким-то злым духом, обитающим в теле, или влияющим каким-то таинственным образом на судьбу страдальца. Этому влиянию можно было противодействовать только с помощью определенных магических обрядов; следовательно, соблюдение этих обрядов вскоре получило постоянное распространение на Востоке. Даже в наши дни многие нецивилизованные люди считают, что вся природа наполнена гениями, из которых одни обладают благотворной, а другие разрушительной силой. Все беды, от которых страдает человек, считаются делом рук этих воображаемых существ, чью благосклонность он должен умиловать жертвоприношениями, заклинаниями и песнями. Если гренландец терпит неудачу в рыбной ловле, гурон - в охоте или на войне; если даже мало-мальски разумный готтентот обнаруживает, что все не в порядке в его уме, теле или судьбе, нельзя терять времени, прежде чем призвать духа. После устранения какого-то нынешнего зла следующим по силе желанием в человеческом уме является достижение какого-то будущего блага. Это благо часто находится за пределами возможностей и еще чаще за пределами склонности человека отдавать; следовательно, его следует искать у существ, которые, как предполагается, обладают значительным влиянием на человеческие дела и которые, будучи возвышенными над низменными страстями нашей природы, как считалось, относились с особой благосклонностью ко всем, кто признавал их силу или призывал на помощь: отсюда многочисленные обряды, которые во все века и страны соблюдались при консультировании с высшими разумными существами, и столь же многочисленные способы, которыми их удовольствие передавалось смертным.

Халдейские маги основывались главным образом на астрологии и были хорошо знакомы с определенными животными, металлами и растениями, которые они использовали во всех своих заклинаниях; сила которых была обусловлена влиянием звезд. Большое внимание всегда уделялось положению и конфигурации небесной сферы, и торжественные обряды совершались только в благоприятное время года. Эти обряды сопровождались множеством странных и фантастических жестов, прыжками, хлопаньем в ладоши, земными поклонами, громкими криками и нередко неразборчивыми восклицаниями. Жертвоприношения и всесожжения использовались для умиловления высших сил; но наши знания о магических обрядах, совершаемых некоторыми восточными народами, за исключением только евреев, чрезвычайно ограничены. Все книги, якобы написанные на эту тему, были сметены потоком времени. Однако мы узнаем, что учителя среди халдеев обычно делились на три класса: *аскафимы*, или заклинатели, в обязанности которых входило устранять настоящее и предотвращать возможное зло в будущем; изготавливать талисманы и т.д. *Мекашефимы*, или маги, собственно так называемые, которые были знакомы с оккультными силами природы и сверхъестественным миром; и *хасдимы*, или астрологи, которые составляли, безусловно, самый многочисленный и уважаемый класс. И из собрания мудрецов, собравшихся по случаю необычного сна Навуходоносора, следует, что в Вавилоне были также свои *oneirotcritici*, или толкователи снов, — поистине разновидность прорицателей, которых породил почти каждый народ древности.

Подобно халдейским астрологам, персидские маги, от которых произошло наше слово "магия", принадлежат к жречеству. Но поклонение богам не было их главным занятием; они также были великими мастерами в искусстве. Они присоединились к поклонению богам, к профессии врача и естественной магии, к притворному знакомству с высшими силами, из которых они хвастались почерпнутыми всеми своими знаниями. Подобно Платону, который, вероятно, впитал многие из их представлений, они учили, что демоны занимают среднее положение между богами и

людьми; что они (демоны) руководили не только гаданиями, авгурами, заклинаниями, оракулами и всеми видами магии, но также жертвоприношениями и молитвами, которые таким образом преподносятся от имени людей и становятся приемлемыми для богов. Действительно, суровость их жизни [4] была хорошо рассчитана на то, чтобы усилить впечатление, которое их хитрость уже произвела на толпу, и подготовить почву для любых обманов, которые они могли бы впоследствии применить.

Мы менее знакомы с индийской магией, чем с той, что практикуется любыми другими восточными народами. Можно, однако, достаточно разумно предположить, что это было очень похоже на то, за что маги в целом пользовались такой высокой оценкой, хотя они были исключены, как существа слишком священной природы, из обычных явлений жизни. К их браминам, или гимнософистам, относились с таким же почтением, как и к магам, и, вероятно, они были более достойны этого. Некоторые из них жили в лесах, а другие - в непосредственной близости от городов. Их искусство в медицине было велико; забота, с которой они воспитывали молодежь, приобщая ее к великодушным и добродетельным чувствам, делала им особую честь; а их сентенции и рассуждения, зафиксированные историками, доказывают, что они были приучены к глубоким размышлениям о принципах гражданского устройства, морали, религии и философии.

ЕВРЕЙСКИЕ ВОЛХВЫ.

Что касается иудейских магов, то Лайтфут доказывает [5], что после их возвращения из Вавилона, полностью отказавшись от идолопоклонства и более не обладая даром пророчества, они постепенно предались, до пришествия нашего Спасителя, колдовству и прорицаниям. Талмуд, к которому до сих пор относятся с благоговением, граничащим с идолопоклонством, изобилует наставлениями по надлежащему соблюдению суеверных обрядов. После того как их город и храм были разрушены, многие еврейские самозванцы пользовались большим уважением за свое мнимое мастерство в магии; и под предлогом толкования снов они ежедневно имели возможность заниматься самым постыдным мошенничеством. Многие раввины были столь же хорошо осведомлены в школе Зороастра, как и в школе Моисея. Они предписывали всевозможные заклинания, одни для лечения ран, другие от страшных укусов змей, третьи от воровства и колдовства. Их предсказания были основаны на влиянии звезд и на действиях духов, они, действительно, не считали небесные тела, подобно халдейским магам, богами и гениями, но они приписывали им огромную власть над действиями и мнениями людей.

Магические обряды евреев совершались и совершаются до сих пор главным образом по различным важным поводам, таким как рождение ребенка, бракосочетания и т.д.

Предполагается, что в таких случаях злые духи проявляют большую, чем обычно, активность в своей злобе, которой можно противодействовать только определенными чарами. [6] Они верят, что Лилиса заставит всех их детей мужского пола умереть на восьмой день после их рождения; девочек - на двадцать первый. [7] Ниже приведены средства, принятые немецкими евреями для предотвращения этого бедствия. Они рисуют стрелки круговыми линиями мелом или углем на четырех стенах комнаты, в которой происходит объединение, и пишут на каждой стрелке: *Адам, Ева! заставь Лилис уйти!* Они также пишут на определенных частях комнаты имена трех ангелов, которые руководят медициной, *Сенай, Сансенай и Санмангелоф*, в соответствии с манерой, которой научила их сама Лилиса, когда она лелеяла надежду утопить всех евреев в Красном море.

Иосиф Флавий, историк евреев, не допускает упоминания столь древнего происхождения среди них, как это делают многие еврейские писатели. Он делает Соломона первым, кто применил искусство, столь могущественное против демонов; и знание которого, как он утверждает, было сообщено этому правителю непосредственным вдохновением. Последний, продолжает этот историк, изобрел и передал потомкам в своих трудах определенные заклинания для излечения болезней и для изгнания злых духов из тел одержимых на вечные времена. Согласно его описанию, оно состояло в употреблении определенного корня, который запечатывали и держали под носом одержимого; затем произносили имя Соломона с предписанными им словами, и демона заставляли немедленно удалиться. Он даже не колеблясь утверждает, что сам был очевидцем подобного эффекта, произведенного на человека по имени Елеазар в присутствии императора Веспасиана и его сыновей. Это отношение также не удивит нас, если мы примем во внимание укоренившуюся враждебность евреев к христианской религии и попытку этого автора оценить чудеса нашего Спасителя, приписывая их магическому влиянию и представляя их легкодостижимыми для всех, кто знаком с оккультными науками.

В Каббале содержится бесчисленное множество средств для предотвращения возможных зол, таких как чума, болезни и внезапная смерть. Он указывает, как выбрать и объединить некоторые отрывки из Священного Писания, которые, как считается, делают видимыми сверхъестественные существа и производят множество чудесных и неожиданных эффектов. Самые известные чудеса были совершены с помощью имени Божьего. Священное слово "Иегова", если читать его с точками, еврейские врачи умножают на двенадцать, сорок две и семьдесят две буквы, из которых составляются слова, которые, как считается, обладают чудесной энергией. С их помощью, говорят они, Моисей убил египтян; с их помощью Израиль был спасен от ангела-разрушителя пустыни; с их помощью Илия разделил воды реки, чтобы открыть проход для себя и Елисея, и с их помощью столь же дерзко утверждалось, что наш благословенный Спаситель, вечный Сын Божий, изгонял злых духов. Имя дьявола также используется в их магических устройствах. Пять еврейских букв, из которых состоит это имя [8], в точности составляют число 364, на один меньше, чем дней в целом году. Они делали вид, что благодаря чудесному свойству числа, заключенного в имени сатаны, он не может обвинять их в течение равного количества дней: отсюда и упомянутая выше уловка, лишаящая дьявола возможности причинять им какой-либо вред в единственный день, когда ему дарована эта власть.

Ссылаясь на каббалистов, Плиний говорит: "Есть еще одна секта магов, первыми авторами которой были евреи Моисей и Латодея". Среди евреев преобладало мнение, что Каббала была передана Богом Моисею, а затем на протяжении ряда веков, вплоть до времен Ездры, сохранялась только традицией, без помощи письменности, точно так же, как учение Пифагора было передано Архиппом и Лисиадом, которые содержали школы в Фивах в Греции, где ученые заучивали все наставления своего учителя наизусть и пользовались своей памятью вместо книг. Так, некоторые евреи, презиравшие грамоту, полагались всей своей ученостью на память, наблюдение и устную традицию; отсюда они называли это каббалой, то есть восприятием на слух искусства, которое считается очень древним и известным христианам только в более поздние времена.

Евреи разделили Каббалу на три части; первая содержит знание *Бресифа*, которое они называют также космологией, целью которой является обучение и объяснение силы и действительности сотворенных вещей, естественных или небесных; также излагаются законы и

тайны Библии в соответствии с философскими соображениями, которые по этой причине мало отличаются от естественной магии, науки, в которой, как говорят, преуспел царь Соломон. Таким образом, в священных историях евреев мы находим, что он имел обыкновение говорить о кедровых лесах Ливана и низких иссопах долины, а также о рогатом скоте, птицах, пресмыкающихся и рыбах, которые содержат в себе своего рода магическую силу. Моисей также в своих толкованиях на Пятикнижие и большинство талмудистов следовали правилам того же искусства.

Другой раздел Каббалы содержит знание о вещах более возвышенных, таких как божественные и ангельские силы, созерцание священных имен и символов; являясь определенным видом символической теологии, в которой буквы, фигуры, числа, имена, точки, линии, акценты и т.д. Считаются содержащими значения самых глубоких вещей и чудесных тайн. Эта часть опять же двоякая — *Authantick*, посвященная природе ангелов, силам, именам, характерам духов и душ ушедших — и *Theomantick*, посвященная тайнам Божественного Величия, его эманациям, его именам и *Пентакуле*, постигающий которую, как предполагается, наделен самой удивительной силой. Говорят, именно благодаря этому искусству Моисей сотворил так много чудес; что Иисус Навин приказал солнцу остановиться; что Илия призвал огонь с небес; что пророк Даниил заткнул львам пасти; и что трое детей пели в раскаленной печи. И, что более того, вероломные и неверующие иудеи не придерживались мнения, что наш Спаситель сам творил все свои чудеса с помощью этого искусства и что он открыл несколько его секретов, содержащих различные чары против бесов, а также, как пишет Иосиф Флавий, против болезней. "Что касается меня, - говорит Корнелий Агриппа, намекая на этот предмет, - то я не сомневаюсь, что Бог открыл Моисею и пророкам многое из того, что содержалось под покровом слов закона, которые не должны были быть сообщены нечестивой черни: поэтому в отношении этого искусства, которым так хвалятся евреи, которое я изучал с большим трудом и усердием, я должен признать, что это простая рапсодия суеверий и не что иное, как разновидность теургической магии, о которой говорилось выше. Ибо если, как утверждают евреи, исходящее от Бога, оно каким—либо образом вело к совершенству жизни, спасению людей, истине разумения, то, несомненно, тот дух истины, который, покинув синагогу, теперь пришел учить нас всей истине, никогда не скрывал этого все это время от церкви, которая, несомненно, знает все то, что от Бога; чья благодать, крещение и другие таинства спасения в совершенстве раскрываются на всех языках; - ибо все языки одинаковы, так что существует одинаковое благочестие; и нет другого названия ни на небе, ни на земле, ни на земле. которым мы можем быть спасены, но только именем Иисуса. Поэтому евреи, наиболее искусные в божественных именах, после пришествия Христа ничего не смогли сделать по сравнению со своими предками: — следовательно, иудейская каббала есть не что иное, как самое пагубное суеверие, которое, собирая, разделяя и изменяя несколько имен, слов и букв, рассеянных по Библии, по их собственной доброй воле и удовольствию, и делая одно из другого, они растворяют элементы истины, выдвигая собственные предложения, индукции и притчи, применяют к ним оракулы божественного учения. обращаясь к ним с Писанием, пороча Священные Писания и утверждая, что их фрагменты состоят из них самих, хулят слово Божье своими вымышленными предположениями о словах, слогах, буквах и числах; пытаются подкрепить свои злодейские измышления аргументами, почерпнутыми из их собственных заблуждений ".

СНОСКИ:

[2] Antonio de Haen, S.C.R.A. *Majestate a consiliis anticis, et Archiatri, medicinae in alma et antiquissimo universitate professoris primarij, plurium eruditorium societatem socii, de magia liber.* 8vo. Вена.

[3] Слово "чудо" придавалось много значений, как древними, так и современными. Для нас чудо - это приостановка или нарушение законов природы; и чудо, которое может быть объяснено на основе физических принципов, перестает быть таковым. Все, что превосходило их понимание, рассматривалось древними как чудо, и каждый экстраординарный уровень информации, достигнутый человеком, а также любое непредвиденное событие относились к какому-то особому вмешательству божества. Следовательно, среди древних последователи различных божеств, далекие от отрицания чудес, совершенных их противниками, признавали их реальность, но стремились превзойти их; и, таким образом, в "Жизни Зороастра" мы находим, что способный новатор часто выходил на ристалище с враждебными чародеями, признавая, но превосходя чудесные дела, которые они совершали; и, таким образом, также, когда жажда власти или отличия разделяла жреческие коллегии, следовали аналогичные испытания мастерства, и считалось, что успешный воин черпает свои знания от более могущественного бога. Можно доказать, что наука, от которой зависела каждая из сторон, была основана на экспериментальной физике. 1. по поведению тауматургистов, или чудотворцев: 2. из того, что они сами говорили о магии; гении, вызываемые магами, иногда обозначающие используемые физические или химические вещества, иногда люди, которые развивали науку.

[4] Все три ордена волхвов, перечисленные Порфирием, воздерживались от вина и женщин, а первый из этих орденов - от животной пищи.

[5] Том ii. стр. 287.

[6] См. Товит. глава. viii. ст. 2 и 2.

[7] Элиас, цитируемый Беккером.

[8] В Ветхом Завете нет упоминания слова *Дьявол*, а только о *сатане*: мы также не встречаем его ни у одного из языческих авторов, которые что-либо говорят о дьяволе в том значении, которое придается ему у христиан; то есть как о существе, восставшем против Бога. Их теология не шла дальше злых духов, или демонов, которые преследовали человечество, хотя мы все еще знаем, что многие любопытные *прозвища* даны князю тьмы как древними, так и современными авторами.

ГЛАВА III.

О НЕСКОЛЬКИХ ВИДАХ МАГИИ.

Мнимое искусство вызывать с помощью слов и церемоний такие события, которые превышают естественные возможности людей, было нескольких видов и главным образом состояло в призывании добрых и благожелательных или злых и злобных духов. Первая, которая называлась Теургией, была принята мудрейшими языческого мира, которые почитали ее так же сильно, как презирали вторую, которую они называли Гоэтией.

Теургия считалась философами божественным искусством, которое служило только для того, чтобы поднять разум до более высокого совершенства и возвысить душу до большей степени чистоты; и считалось, что те, кто с помощью этого вида магии достигали того, что называется интуицией, при которой они наслаждались интимным общением с божеством, были наделены божественной силой; так что считалось, что для них не было ничего невозможного; все, кто исповедовал этот вид магии, стремились к этому состоянию совершенства. Священник, принадлежавший к этому ордену, должен был быть человеком незапятнанной морали, и все, кто присоединялся к нему, были обязаны соблюдать строгую чистоту жизни. Им предписывалось воздерживаться от женщин и животной пищи, а также запрещалось осквернять себя прикосновением к мертвому телу. В их обрядах и церемониях нельзя было забывать ни о чем; малейшее упущение или ошибка делали все их искусство неэффективным: так что это было постоянным оправданием того, что они не выполняли всего, что от них требовалось, хотя, поскольку их единственным занятием (после достижения определенной степени совершенства посредством поста, молитвы и других методов очищения) было изучение универсальной природы, они могли получить такое понимание физических причин, которое позволило бы им совершать действия, которые должны были наполнить простолюдинов изумлением; и вряд ли можно сомневаться, что это было все знание, которым обладали многие из них. к ним стремились. В этом виде магии преуспели Гермес Тресмегист и Зороастр, и она действительно приобрела большую репутацию среди египтян, халдеев, персов, индийцев и евреев. Во времена невежества часового механизма или какой-либо другой любопытной машины было достаточно, чтобы дать изобретателю право на магические произведения; и некоторые даже утверждали, что египетская магия, получившая такую известность благодаря трудам древних, состояла только в открытиях, почерпнутых из математики и натуральной философии, поскольку те греческие философы, которые путешествовали в Египет, чтобы получить знания о египетских науках, вернулись оттуда только со знанием природы и религии и некоторыми рациональными представлениями об их древних символах.

Но едва ли можно сомневаться в том, что магия в ее самом грубом и нелепом смысле практиковалась в Египте, по крайней мере среди некоторых простолюдинов, задолго до того, как Пифагор или Эмпедокл побывали в этой стране. Египтяне очень рано привыкли изменять значение своих символов, добавляя к ним несколько растений, початков кукурузы или травинки, чтобы выразить различные занятия земледелием; но, не понимая больше ни их значения, ни слов, которые использовались в этих случаях, которые были в равной степени непонятны, простолюдины могли ошибочно принять их за множество таинственных практик, наблюдавшихся их отцами; и, следовательно, они могли вообразить, что сочетание растений, даже без использования в качестве лекарственного средства, может быть эффективным для сохранения или приобретения здоровья. . "Из всего этого, - добавляет аббат Плюш, - они составили коллекцию и искусство, с помощью которого делали вид, что добывают благословения и защищают от жизненных зол". С их помощью люди даже пытались причинить вред своим врагам; и действительно, знание ядовитых или полезных простых веществ могло в особых случаях придать достаточный вес их пустым проклятиям и нововведениям. Но эти магические заклинания, столь противные человечеству, вызывали отвращение и карались почти во всех нациях; ни в одной из них их нельзя было терпеть.

Плиний, упомянув о траве, подбрасывание которой в армию, как говорили, было достаточным для того, чтобы направить ее в путь, спрашивает, где была эта трава, когда Рим так страдал от

камбри и тевтонов? Почему персы не воспользовались этим, когда Лукулл разнес их войска на куски?

Но среди всех магических заклинаний самым торжественным, равно как и наиболее частым, было заклинание вызова духов умерших; это действительно было вершиной их искусства; и читатель не может быть недоволен тем, что эта тайна здесь раскрыта. Привязанность к телу человека, которого при жизни любили, побудила первых туземцев достойно похоронить умершего и добавить к этому печальному проявлению уважения те пожелания, которые имели особое отношение к их новому состоянию существования. Место захоронения, соответствующее обычаю отмечать все любимые места или те, которые отмечены памятным событием, было указано большим камнем или колонной, воздвигнутой на нем. К этому месту семьи, и когда беспокойство было всеобщим, толпы людей приходили каждый год, когда на этом камне совершались возлияния вином, маслом, медом и мукой; и здесь они приносили жертвы и ели все вместе, предварительно проделав яму, в которой сжигали внутренности жертвы, в которые стекали возлияние и кровь. Они начали с того, что поблагодарили Бога за то, что он дал им жизнь и снабдил необходимой пищей; а затем вознесли хвалу ему за хорошие примеры, которыми они были одарены. Из этих меланхолических обрядов были изгнаны всякая распущенность и легкомыслие, и хотя другие обычаи изменились, эти остались прежними. Они поджаривали мясо принесенной им жертвы и ели его вместе, рассуждая о добродетелях того, о ком пришли оплакивать.

Все остальные праздники отличались названиями, соответствующими церемониям, которые на них проводились. Эти похоронные собрания назывались просто манес, то есть собрание. Таким образом, слова "гивы" и "мертвые" стали синонимами. На этих встречах они воображали, что возобновляют свой союз с умершими, которые, как они полагали, все еще с уважением относились к проблемам их страны и семьи и которые, как любящие духи, могли сделать не что иное, как сообщить им все, что им было необходимо знать. Таким образом, похороны умерших были, наконец, превращены в методы гадания и невинный институт одного из самых грубых проявлений глупости и суеверия. Но на этом они не остановились; они стали настолько экстравагантно доверчивыми, что поверили, будто призрак выпил возлияния, которые были излиты, в то время как родственники пировали остатками жертвоприношения вокруг ямы; и отсюда они стали опасаться, что остальные мертвецы беспорядочно соберутся на этом месте, чтобы получить долю трапезы, которую они, как предполагалось, так любили, и ничего не оставят дорогому духу, для которого предназначался пир. Затем они сделали две ямы или канавы, в одну из которых налили вина, меда, воды и муки, чтобы употребить их в пищу умершим; а в другую они вылили кровь жертвы; присев на край, они отпугнули видом своих мечей толпу мертвецов, которым не было дела до их дел, в то время как они называли его по имени, которого хотели подбодрить и посоветоваться, и желали, чтобы он приблизился. [9]

Вопросы, задаваемые живыми, были очень понятны; но ответы мертвых понять было не так-то просто; поэтому жрецы и маги взяли на себя задачу объяснить их. Они уединились в глубоких пещерах, где темнота и безмолвие напоминали состояние смерти, и там постились и лежали на шкурах животных, которых они принесли в жертву, а затем рассказывали в качестве ответа сны, которые их больше всего волновали; или открывали определенную книгу, предназначенную для этой цели, и приводили первое предложение, которое предлагалось. [10] В других случаях священник или любой другой человек, пришедший посоветоваться, при выходе из пещеры старался прислушаться к первым словам, которые он должен был услышать, и они должны были

стать его ответом. И хотя они не имели ни малейшего отношения к бормотанию, о котором идет речь, они были искажены таким множеством способов, а их смысл настолько сильно нарушен, что они заставляли их обозначать почти все, что им заблагорассудится. В других случаях они прибегали к помощи нескольких билетиков, на которых были какие-то слова или стихи, и когда их бросали в урну, первый, который вынимали, доставался семье. [11] Здоровье, процветание в мирских делах и все, что было связано с добром или злом этого мира, регулировалось реакциями или знаками, которые давали эти двусмысленные, если не сказать менее абсурдные, средства проникновения в лоно будущих событий.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ, ИЛИ ГАДАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ На ПОЛЕТЕ И КОРМЛЕНИИ ПТИЦ.

Суеверная склонность человечества заглядывать в будущее породила бесконечное разнообразие экстравагантных безумств. Римляне, которые были удивительно изобретательны в такого рода демонологических изобретениях, предложили множество способов гадания. С ними вся Природа обрела голос, и самые бессмысленные существа, самые тривиальные вещи, самые пустяковые происшествия стали предвестниками будущих событий; которые ввели церемонии, основанные на ошибочном знании древности, самые детские и нелепые, и которые исполнялись со всей торжественностью и святостью набожности. Авгуры, или гадания, основанные на полете птиц, рассматривались египтянами не только как символы ветров, но и как добрые и дурные предзнаменования любого рода, основанные или, скорее, производные от полета пернатого племени. Птицы в это время стали удивительно мудрыми; и сова, для которой, по неизвестным точно причинам, свет не так приятен, как темнота, не могла ночью пролететь мимо окон больного человека, где существо не было оскорблено мерцанием фонаря или свечи, но его уханье должно рассматриваться как пророчество о том, что жизнь бедняги была близка к завершению.

У римлян эти гадания обычно проводились на возвышенности: после марта месяца они были запрещены вследствие начала сезона линьки; также они не допускались ни при убывающей луне, ни в любое другое время после полудня, ни когда воздух был наименее взволнован ветрами или облаками. Кормление священных цыплят и способ, которым они брали предложенное им зерно, были наиболее распространенным методом получения предсказания. Были также сделаны наблюдения за щебетом или пением птиц, уханьем ворон, пирог, сов и т.д., а также за бегом животных, таких как телки, ослы, бараны, зайцы, волки, лисы, ласки и мыши, когда они появлялись в необычных местах, переходили дорогу или убегали вправо или влево. Они также притворялись, что извлекают хорошее или дурное предзнаменование из самых незначительных действий или происшествий в жизни, таких как чихание, спотыкание, вздрагивание, онемение мизинца, покалывание в ухе, рассыпание соли на стол или вина на одежду, случайная встреча суки с щенком и т.д. В обязанности авгура также входило толкование снов, оракулов и чудес.

Нет ничего более удивительного, чем обнаружить, что такой мудрый и доблестный народ, как римляне, пристрастился к подобным детским глупостям. Сципион, Август и многие другие, без каких-либо фатальных последствий, презирали священных цыплят и другие искусства предсказания: но когда у полководцев случался выкидыш в каком-либо предприятии, народ возлагал всю вину на небрежность, с которой советовались с этими оракулами; и если несчастный полководец пренебрегал советовать с ними, вина за выкидыш возлагалась на того, кто предпочитал свое собственное предсказание предсказанию птиц; в то время как те,

кто делал подобные предсказания предметом насмешек, считались нечестивцами и богохульниками. Таким образом, они истолковали поражение Клавдия Пульхра как наказание богов; который, когда священные цыплята отказались есть то, что было перед ними поставлено, приказал бросить их в море; "Если они не будут есть, - сказал он, - пусть выпьют".

АРУСПИКИ, ИЛИ ГАДАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ЗВЕРИНЫХ Или ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ.

В самые ранние века мира чувство благочестия и уважение к приличиям ввели обычай никогда не приносить в жертву Ему, откуда исходили все благословения, никого, кроме самых здоровых, упитанных и красивых животных; которые всегда осматривались с самым пристальным вниманием. Этот церемониал, который, несомненно, возник из благодарности или из каких-то представлений о пригодности и приличиях, в конце концов выродился в пустяковые тонкости и суеверные церемонии. И поскольку когда-то считалось, что от богов не следует ждать милости, когда жертва несовершенна, идея совершенства была объединена с обилием тривиальных обстоятельств. Внутренности осматривались с особой тщательностью, и если все было без изъяна, их обязанности были выполнены; будучи уверенными, что они призвали богов быть на их стороне, они вступали в войну и в самые опасные предприятия с такой уверенностью в успехе, какая имела наибольшую тенденцию к его достижению. Все движения жертв, которые вели к алтарю, рассматривались многими как пророчества. Если жертва продвигалась легко и непринужденно, по прямой и не оказывая никакого сопротивления, — если он не издавал необычного рева, когда получал удар, — если он не освобождался от человека, который вел его к жертве, это считалось определенным предзнаменованием легкого и плавного успеха.

Жертву сбивали с ног, но перед тем, как вспороть ей живот, одна из долей печени досталась тем, кто приносил жертву, а другая - врагам государства. То, что не было ни испорченным, ни увядшим, ярко-красного цвета, не меньше и не больше, чем следовало бы, предвещало большое процветание тем, для кого оно было выделено; то, что было багровым, маленьким или испорченным, предвещало самые роковые беды. Следующим, на что следовало обратить внимание, было сердце, которое также обследовали с особой тщательностью, как и селезенку, желчь и легкие; и если что-либо из них выпадало, если от них исходил неприятный запах или они были раздутыми, багровыми или увядшими, это не предвещало ничего, кроме несчастий.

После того, как осмотр внутренностей был закончен, разожгли костер, и из этого также извлекли несколько предзнаменований. Если пламя было чистым, если оно поднималось вверх, не разделяясь, и не гасло до тех пор, пока жертва не сгорала полностью, это было доказательством того, что жертва была принята; но если им было трудно разжечь огонь, если пламя разделялось, если оно играло вокруг, вместо того чтобы ободрить жертву, если оно плохо горело или погасло, это было плохим предзнаменованием. Однако деятельность Аруспиков не ограничивалась алтарями и жертвоприношениями, они имели равное право объяснять все другие знамения. Сенат часто консультировался с ними по поводу самых экстраординарных чудес. Коллегия Аруспичей, как и коллегии других религиозных орденов, имела свои реестры и записи, такие как мемориалы грома и молнии, [12] тосканские истории, [13] и т.д.

РАЗДЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ НА ПРОРИЦАНИЯ—ВУНДЕРКИНДЫ И Т.Д.

Древние делили гадание на искусственное и естественное. Первый осуществляется путем рассуждения об определенных внешних признаках, рассматриваемых как указания на будущее;

другой состоит в том, что предвосхищает события на основе простого внутреннего чувства и убеждения ума без какой-либо помощи знаков; и бывает двух видов: один от природы, а другой по внушению. Первый предполагает, что душа, собранная внутри себя, а не рассеянная или разделенная между органами тела, обладает по своей собственной природе и сущности некоторым предвидением будущих событий; свидетельствуй, например, о том, что видишь во снах, экстазах и на пороге смерти. Второй предполагает, что душа, подобно зеркалу, получает некоторое вторичное освещение от присутствия Бога и других духов. Искусственное гадание также бывает двух видов: одно основывается на естественных причинах, как в предсказаниях врачей относительно развития болезней, по языку, пульсу и т.д. Вторая - следствие произвольно проведенных экспериментов и наблюдений, и в основном она носит суеверный характер. Системы гадания, которые можно свести к этим разделам, почти неисчислимы. Среди них были авгуры или те, кто черпал свои знания о будущем из полета и различных других действий птиц; аруспики - из внутренностей животных; пальмовая ветвь или линии рук; точки, отмеченные случайным образом; числа, имена, движения сцены, воздуха, огня, пренестинские, гомеровские и виргилианские жребии, сны и т.д.

Всякий, кто читает римских историков [14], должен быть удивлен количеством чудес, о которых постоянно пишут и которые часто внушали людям самые ужасные опасения. Следует признать, что некоторые из них кажутся совершенно сверхъестественными; в то время как гораздо большая часть состоит всего лишь из некоторых необычных явлений природы, которые суеверия всегда приписывали высшей причине и представляли как предсказание каких-то надвигающихся несчастий. К этому классу можно отнести появление двух солнц, ночи, озаренные лучами света, виды сражающихся армий, мечей и копий, проносящихся в воздухе; ливни из молока, крови, камней, пепла, лягушек, животных с двумя головами или младенцев, которые имели некоторые черты, напоминающие черты животного создания. Все это были ужасные чудеса, которые повергли народ в невыразимое изумление, а Римскую империю - в крайнюю растерянность; и какие бы несчастливые обстоятельства ни последовали за ними, они, несомненно, были либо вызваны, либо предсказаны ими. [15]

СНОСКИ:

[9] Гомер приводит тот же рассказ о тех церемониях, когда Улисс воскрешал душу Тиресия; и те же обычаи встречаются в поэме Силия Италика. И на эти церемонии часто ссылаются Священные Писания, когда израильтянам запрещено собираться на возвышенностях.

[10] Магический сон, производимый в пещере Трофония, справедливо относят к лечебным напиткам. Здесь приверженцу, если он оставался в живых, был нанесен непоправимый ущерб здоровью, и весь класс искусственных снов и видений был результатом воздействия какого-то мощного наркотика, действующего на тело после того, как ум был предрасположен к определенному ряду идей.

[11] *Сорта пренестин* были известны среди греков. Метод, с помощью которого проводилась эта жеребьевка, состоял в том, чтобы положить столько-то букв или даже целых слов в урну; встряхнуть их вместе и выбросить; и все, что можно было разобрать в расположении этих букв или слов, составляло ответ оракула. Древние также использовали игральные кости, лотерейные билеты и т.д. Для разыгрывания или определения результатов. В Ветхом Завете мы встречаемся со многими постоянными законами и рядом особых заповедей, предписывающих и регулирующих их применение. Писание сообщает нам, что, когда должен был быть избран

преемник Иуды в апостольстве, жребий пал на святого Матиаса. А одежду или сюртук без единого шва на нашем Спасителе выбирали евреи. Во времена Цицерона этот способ гадания был в очень запущенном состоянии. *Sortes Homericae* и *sortes Virgilianae*, пришедшие на смену *sortes Praenestinae*, положили начало тем же средствам, которые использовались среди христиан: небрежному открытию священных книг в поисках указаний в важных обстоятельствах; чтобы узнать последствия событий и то, чего им следовало опасаться среди своих правителей.

[12] Римские древности Кеннета, Lib. XI, С. 4.

[13] Ромул, основавший институт аруспиков, позаимствовал его у тосканцев, к которым Сенат впоследствии отправил двенадцать сыновей высшей знати для обучения этим мистериям и другим церемониям их религии. Происхождение этого поступка среди жителей Тосканы описано Цицероном следующим образом: "Крестьянин, - говорит он, - пахавший в поле, его лемех довольно глубоко вошел в землю, поднял ком, из которого вырос ребенок, который научил его и других тосканцев искусству предсказания". (Цицерон, *De Divinat.* l. 2.) Эта басня, несомненно, означает не больше, чем то, что этот ребенок, о котором говорят, что он появился из комка земли, был юношей очень низкого и неизвестного происхождения, но неизвестно, был ли он ее автором, или же он узнал об этом от греков или каких-либо других народов.

[14] В частности, Ливий, Дионисий Галикарнасский, Плиний и Валерий Максим.

[15] Нет ничего проще, чем объяснить эти постановки, которые не имеют никакого отношения к каким-либо событиям, которые могут произойти за ними. Появление двух солнц часто случалось в Англии, а также в других местах, и вызывалось только тем, что облака располагались таким образом, чтобы отражать образ этого светила; ночные пожары, горящие копья, сражающиеся армии были не чем иным, как тем, что мы называем Северным сиянием, или воспламененными парами, плавающими в воздухе; дожди из камней, пепла или огня были не чем иным, как последствиями извержения какого-нибудь вулкана на значительном расстоянии; молочные дожди были вызваны каким-то качеством воздуха, например сгущается и придает воде беловатый цвет; а пятна крови, как теперь хорошо известно, представляют собой всего лишь красные пятна, оставленные на земле, на камнях и листьях деревьев бабочками, которые вылупляются в жаркую и ненастную погоду.

ГЛАВА IV.

ИСТОРИЯ ОРАКУЛОВ — ГЛАВНЫХ ОРАКУЛОВ ДРЕВНОСТИ.

Немногие суеверия были так известны и так соблазняли умы людей на протяжении ряда веков, как оракулы. В мирных договорах или перемириях греки никогда не забывали оговаривать свободу обращения к оракулам. Ни одна колония не строила новых поселений, ни одна война не объявлялась, ни одно важное дело не начиналось без предварительной консультации с оракулами.

Самыми известными оракулами были оракулы Дельфоса, Додоны, Трофония, Юпитера Хаммона и кларийского Аполлона. Некоторые приписывали оракулов Додоны дубам, другие - голубям. Мнение этих голубиных пророчиц было представлено двусмысленностью фессалийского слова, которое означало и голубя, и женщину; и дало место басне о том, что два голубя, вылетев из Фив, один из них улетел в Ливию, где это послужило причиной основания оракула Юпитера Хаммона; а другой, остановившись в дубах Додонского леса, сообщил жителям соседних

частей, что по намерению Юпитера в этом месте должен быть оракул. Геродот так объяснил эту басню: некогда в Фивах жили две жрицы, которых похитили фенекийские купцы. Та, что была продана в Грецию, поселилась в лесу Додона, куда множество древних жителей Греции отправлялось собирать желуди. Там она воздвигла маленькую часовню у подножия дуба в честь того самого Юпитера, жрицей которого она была; и именно здесь был основан этот древний оракул, ставший впоследствии таким знаменитым. Способ произнесения оракулов в Додоне был очень необычным. Рядом с медной статуей, которая также была подвешена со связкой прутьев в руке, на деревьях было подвешено большое количество чайников. Когда ветер случайно привел его в движение, он ударил по первому чайнику, который передал свое движение следующему, все они задрожали и издали определенный звук, который продолжался долгое время; после чего оракул заговорил.

ОРАКУЛ ЮПИТЕРА ХЭММОНА.

Этот оракул, находившийся в пустыне, посреди раскаленных песков Африки, объявил Александру, что Юпитер - его отец. После нескольких вопросов, спросив, была ли смерть его отца внезапно отомщена, оракул ответил, что смерть Филиппа была отомщена, но что отец Александра был бессмертен. Этот оракул дал Лукану повод вложить великие чувства в уста Катона. После битвы при Фарсалии, когда Цезарь стал властелином мира. Лабрен сказал Катону: "Поскольку у нас сейчас есть такая хорошая возможность посоветоваться со столь знаменитым оракулом, позволь нам узнать из него, как регулировать наше поведение во время этой войны. Боги ни за кого не объявят о себе охотнее, чем за Катона. Боги всегда поддерживали тебя, и поэтому ты можешь быть уверен в беседе с Юпитером. Узнайте сами о судьбе тирана и нашей страны; должны ли мы сохранить нашу свободу или лишиться плодов войны; и вы также сможете узнать, что это за добродетель, до которой вы были возведены, и какова ее награда".

Катон, преисполненный божественности, которая была в нем, дал Лабрену ответ, достойный оракула: "По какому поводу, Лабрен, ты хочешь, чтобы я посоветовался с Юпитером? Должен ли я спросить его, лучше ли потерять жизнь, чем свободу? Является ли жизнь настоящим благом? Внутри нас, Лабрен, есть оракул, который может ответить на все эти вопросы. Ничто не происходит иначе, как по приказу Бога. Давайте не будем требовать от него повторения нам того, что он достаточно глубоко запечатлел в наших сердцах. Истина не ушла в эти пустыни; она не высечена на этих песках. Обитель Бога находится на небесах, на земле, в море и в добродетельных сердцах. Бог говорит с нами всем, что мы видим, всем, что нас окружает. Пусть непостоянные и те, кто подвержен колебаниям в зависимости от событий, прибегнут к оракулам. Что касается меня, я нахожу в природе все, что может вдохновить на самую постоянную решимость. Подлый, так же как и храбрый, не может избежать смерти. Юпитер не может сказать нам большего". С этими словами Катон покинул страну, не посоветовавшись с оракулом.

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ, или ПИФИЙСКИЙ АПОЛЛОН.

Диодор Сицилийский, Плутарх и несколько других авторов рассказывают, что стадо коз обнаружило дельфийский оракул, или пифийского Аполлона. Когда козе случалось подойти достаточно близко к пещере, чтобы вдохнуть выходящий из нее воздух, она возвращалась, подпрыгивая, и ее голос издавал какие-то необычные звуки; заметив это, зрители пошли заглянуть внутрь и были охвачены яростью, которая заставляла их прыгать и предсказывать будущие события. Коретас, как рассказывает Плутарх, было именем козьего стада, открывшего

оракула. Один из стражей Деметрия, подойдя слишком близко ко входу в пещеру, задохнулся от силы выдоха и внезапно скончался. Отверстие пещеры было закрыто треножником, посвященным Аполлону, на котором сидели жрицы, называемые Пифониями [16], чтобы наполниться пророческим паром и проникнуться духом прорицания с тем пылом, который позволял им узнавать будущее и предсказывать его греческими гекзаметрами. Плутарх говорит, что после прекращения оракулов Пифия была так сильно измучена парами и страдала от таких сильных конвульсий, что все жрецы убежали, и вскоре после этого она умерла.

ЦЕРЕМОНИИ, ПРОВОДИМЫЕ ПРИ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ С ОРАКУЛАМИ.

Павсаний описывает церемонии, которые практиковались для обращения к оракулу Трофония. Каждый человек, который спускался в свою пещеру, никогда не смеялся всю последующую жизнь. Это дало повод для вошедшей в поговорку поговорки о людях с меланхолическим видом: "Он посоветовался с Трофонием". Платон рассказывает, что два брата, Агамед и Трофоний, построив храм Аполлона и попросив бога о награде за то, что он считал наиболее полезным для людей, оба умерли в ночь, последовавшую за их молитвой. Павсаний дает нам совершенно иной отчет. Во дворце, построенном там для царя Гирея, они так заложили камень, что его можно было унести, и ночью они прокрались через проделанную таким образом дыру, чтобы украсть царские сокровища. Царь, заметив, что количество его золота уменьшилось, хотя ни замки, ни печати не были взломаны, расставил ловушки вокруг своих сундуков, и, когда Агамед был пойман в одну из них, Трофоний отрубил ему голову, чтобы тот не обнаружил его. Трофоний исчез в тот момент, и поговаривали, что земля поглотила его на том же месте; и нечестивое суеверие зашло так далеко, что возводило этого нечестивого негодяя в ранг богов и заставляло обращаться к своему оракулу с церемониями, столь же болезненными и таинственными.

Тацит так говорит об оракуле кларийского Аполлона: Германик отправился посоветоваться с кларосским оракулом. Там оракул произносит не женщина, как в Дельфах, а мужчина, выбранный из определенных семей, и всегда из Милета. Достаточно назвать ему число и имена тех, кто приходит к нему за советом; после чего он удаляется в грот и, набрав немного воды из спрятанного в нем колодца, отвечает вам стихами на все, что вы подумали, хотя этот человек часто бывает очень невежественным.

Дион Кассий объясняет, каким образом оракул из Нимфеи в Эпире давал свои ответы. Та сторона, которая совещалась, взяла благовония и, помолившись, бросила благовония в огонь, пламя погналось за ними и поглотило их. Но если дело не увенчалось успехом, благовония не приближались к огню, или если они попадали в пламя, то вспыхивали и улетучивались. Так случилось для прогнозирования будущего, в отношении всего, о чем спрашивали, за исключением смерти и брака, о которых не разрешалось задавать никаких вопросов.

Те, кто консультировался с оракулом Амфиараса, лежали на шкурах жертв и получали ответ оракула во сне. Вергилий свидетельствует то же самое о фавновском оракуле в Италии.

Правитель Киликии, который мало доверял оракулам и которого всегда окружали неверующие эпикурейцы, отправил оракулу Мопса письмо, запечатанное его печаткой, требуя одного из тех ответов, которые были получены во сне. Посыльный, которому было поручено доставить письмо, вернул его в том же состоянии, не распечатанным; и сообщил ему, что он видел во сне очень хорошо сложенного человека, который сказал ему "Черный", не добавив даже другого

слова. Затем губернатор, вскрыв письмо, заверил компанию, что он хотел бы знать о божестве, следует ли ему принести в жертву белого или черного быка.

В храме богини Сирии, когда статуя Аполлона была склонена произносить оракулы, она отклонялась, двигалась и была полна волнения на своих пьедесталах. Тогда священники несли его на своих плечах, он толкал и вертел их во все стороны, и первосвященник, допрашивая его по всевозможным делам, если он отказывался дать свое согласие, отеснял священников назад; если же нет, то заставлял их продвигаться вперед.

Светоний говорит, что за несколько месяцев до рождения Августа было распространено предсказание, гласившее, что природа трудится над созданием короля, который станет повелителем Римской империи; что Сенат в великом ужасе запретил воспитывать любых детей мужского пола, которые должны были родиться в этом году, но что сенаторы, жены которых были беременны, нашли средства помешать внесению указа в государственные реестры. Похоже, что предсказание, прообразом которого был Август, касалось рождения Иисуса Христа, духовного царя всего мира; или что злой дух был готов, предложив Сенату этот строгий указ, низложить Ирода; и этим примером вовлечь Мессию в массовое убийство, которое было произведено по его приказу над всеми детьми от двух лет и младше. Весь мир тогда был полон предвкушения пришествия Мессии. Из четвертой эклоги Вергилия мы видим, что он применяет к сыну консула Азиния Поллиона пророчества, которые от евреев затем перешли к иностранным народам. Этот ребенок, объект лести Вергилия, умер на девятый день после своего рождения. Тацит, Светоний и Иосиф Флавий применили к Веспасиану пророчества, в которых говорилось о Мессии.

ОРАКУЛЫ ЧАСТО ДВУСМЫСЛЕННЫ И НЕЯСНЫ.

Оракулы часто были очень двусмысленными или настолько неясными, что их значение было понято только после события. Несколько примеров из огромного множества будет достаточно.

Крез, получив от Пифии ответ, что, перейдя реку Галис, он уничтожит великую империю, понял, что это империя его врага, тогда как он уничтожил свою собственную. Оракул, к которому обратился Пирр, дал ему ответ, который в равной степени можно было понять как в отношении победы Пирра, так и в отношении победы римлян, его врагов.

Aio te Aeacida, Romanos vincere posse.

Двусмысленность заключается в конструкции латинского языка, которую невозможно передать по-английски. Прорицательница советует Крезу остерегаться мула. [17] Царь Лидии ничего не понял из предсказания, которое указывало на то, что Кир происходил от двух разных народов: от мидян через Мандану, его мать, дочь Астиага; и от персов через его отца Камбиза, раса которого была гораздо менее величественной и прославленной. Нерон получил ответ отдельфийского оракула, что семьдесят три года могут оказаться для него роковыми, он верил, что до совершеннолетия ему ничто не угрожает, но, обнаружив, что все его бросили, и услышав, что Гальба провозглашен императором, которому было семьдесят три года, он почувствовал обман оракула.

Святой Иероним замечает, что, если дьяволы говорят какую-либо правду, по какой бы то ни было случайности они всегда присоединяют к ней ложь и используют такие двусмысленные выражения, что они могут быть в равной степени применены к противоположным событиям.

УРИМ И ТУММИМ.

В то время как лживые оракулы демонов вводили в заблуждение народы-идолопоклонники, истина покинула избранный народ Божий. Септуагинта интерпретировала *Урим* и *Туммим*, проявление и истину, [греческое: даелосин - алетейский]; что выражает, насколько отличались эти божественные оракулы от ложных и двусмысленных демонов. В Книге Чисел сказано, что Елеазар, преемник Аарона, должен допросить Урима по форме, и что решение должно быть принято в соответствии с полученным ответом.

Эфод, прикрепляемый к груди священнического облачения первосвященника, представлял собой кусок материи, покрытый двенадцатью драгоценными камнями, на которых были выгравированы имена двенадцати колен. Советоваться с Господом через Урим и Туммим разрешалось только царю, председателю синедриона, генералу армии и другим общественным деятелям, а также по делам, которые касались общих интересов нации. Если дело должно было увенчаться успехом, камни ефода излучали сверкающий свет, или вдохновленный первосвященник предсказывал успех. Иосиф Флавий, родившийся через тридцать девять лет после Рождества Христова, говорит, что прошло двести лет с тех пор, как камни ефода своим необычайным блеском дали ответ на все вопросы.

Священные Писания только сообщают нам, что Урим и Туммим были чем-то, что Моисей вложил в нагрудник первосвященника. Некоторые раввины, руководствуясь опрометчивыми предположениями, полагали, что это были две маленькие статуэтки, скрытые под нагрудной пластиной; другие - невыразимое имя Бога, выгравированное таинственным образом. Не пытаясь понять то, что нам не было объяснено, мы должны понимать под *Уримом* и *Туммимом* божественное вдохновение, заключенное в освященном нагрудном знаке.

Несколько отрывков из Священного Писания оставляют место для веры в то, что внятный голос исходил из умиловительного помещения, или святая святых, за завесой скинии, и что этот голос был услышан первосвященником. Если Урим и Туммим не давали ответа, это было знаком Божьего гнева. Саул, покинутый духом Господним, тщетно вопрошал его и не получил никакого ответа. Из некоторых отрывков Евангелия от Святого Иоанна явствует, что во времена Христа осуществление первосвященства все еще сопровождалось даром пророчества.

РЕПУТАЦИЯ ОРАКУЛОВ, НАСКОЛЬКО ОНА УТРАЧЕНА.

Когда люди стали лучше ориентироваться в свете, который философия принесла в мир, ложные оракулы незаметно потеряли свой авторитет. Хрисипп заполнил целый том ложными или сомнительными оракулами. Эноман, [18] чтобы отомстить какому-то обманувшему его оракулу, составил сборник оракулов, чтобы показать их абсурдность и тщеславие. Но Эноман еще больше недоволен ответом оракула, который Аполлон дал афинянам, когда Ксеркс собирался напасть на Грецию со всеми силами Азии. Пифия заявила, что Минерва, покровительница Афин, тщетно пыталась умиловить гнев Юпитера; и все же Юпитер, уступая своей дочери, пожелал, чтобы афиняне укрылись за деревянными стенами и чтобы Саламин стал свидетелем потери огромного количества детей, умерших у своих матерей, либо когда Церера была распространена по всему миру, либо собрана вместе. При этих словах Эноман теряет всякое терпение по отношению к дельфийскому богу: "Это состязание, - восклицает он, - между отцом и дочерью, очень приличествует божествам! Прекрасно, что на небесах существуют противоположные склонности и интересы! Бедный волшебник, ты не знаешь, кто те дети,

которые увидят гибель Саламина: греки или персы. Несомненно, это должно быть либо одно, либо другое; но тебе не нужно было так открыто говорить, что ты и сам не знаешь, что именно. Ты скрываешь время битвы под этими прекрасными поэтическими выражениями "*когда Церера распространяется по всему миру или собирается вместе*:" и ты хотел бы задобрить нас таким напыщенным языком! кто не знает, что если будет морское сражение, то оно должно быть либо во время посева, либо во время сбора урожая? Совершенно очевидно, что зимой этого быть не может. Позволь событиям идти своим чередом, ты обезопасишь себя этим Юпитером, которого Минерва пытается умиротворить. Если греки проиграют битву, Юпитер окажется неумолимым до последнего; если они выиграют ее, почему же тогда Минерва в конце концов одержит верх". [19]

Евсевий сохранил некоторые фрагменты этой критики Эноманом оракулов. "Я мог бы, - говорит Ориген, - прибегнуть к авторитету Аристотеля и перипатетиков, чтобы вызвать у Пифии большие подозрения. Я мог бы извлечь из трудов Эпикура и его сектантов множество фактов, дискредитирующих оракулов, и я мог бы показать, что сами греки не придавали им большого значения".

Репутация оракулов значительно подорвалась, когда они стали искусством политики. Фемистокл, намереваясь заставить афинян покинуть Афины, чтобы быть в лучшем состоянии противостоять Ксерксу, заставил Пифию произнести оракул, приказав им укрыться за деревянными стенами. Демосфен сказал, что Пифия произнесла филиппику в знак того, что она была покорена подарками Филиппа.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРАКУЛОВ.

Прекращение использования оракулов засвидетельствовано несколькими пророческими авторами, такими как Страбон, Ювенал, Люсьен.

Лукан и другие, Плутарх объясняют причину этого либо тем, что блага богов не вечны, как они сами; либо тем, что гении, руководившие оракулами, подвержены смерти; либо тем, что испарения земли были исчерпаны. Похоже, что последняя причина выдвигалась во времена Цицерона, который высмеивает ее во второй книге о прорицаниях, как будто дух пророчества, который, как предполагалось, возбуждался подземными испарениями, со временем испарился, как теряется вино или маринованный огурец при хранении.

Суидас, Никифор и Седрен рассказывают, что Август, посоветовавшись с дельфийским оракулом, не смог получить другого ответа, кроме следующего: "Еврейское дитя, которому повинуются все боги, изгоняет меня отсюда и отправляет обратно в ад: убирайся из этого храма, не сказав ни слова". Суидас добавляет, что Август посвятил алтарь в Капитолии со следующей надписью:

"Старшему Сыну Божьему".

Несмотря на эти свидетельства, ответ дельфийского оракула Августу кажется очень подозрительным. Седрен цитирует Евсевия в качестве этого оракула, которого сейчас нет в его трудах; а странствие Августа в Грецию произошло за восемнадцать лет до рождения Христа.

Суидас и Седренус также приводят рассказ о древнем оракуле, доставленном Тулес, царю Египта, который, по их словам, полностью аутентичен. Этот царь посоветовался с оракулом Серафиса, чтобы узнать, был ли когда-либо или будет кто-то столь великий, как он, и получил такой ответ: "Сначала Бог, затем слово и с ними дух. Они в равной степени вечны и создают единственного, чье могущество никогда не иссякнет. Но ты, смертный, уходи отсюда и думай, что конец человеческой жизни неопределен".

Ван Дейл в своем "Трактате об оракулах" не верит, что они прекратились с пришествием Христа. Он приводит несколько примеров оракулов, к которым обращались до смерти Феодосия Великого. Он цитирует законы императоров Феодосия, Грациана и Валентиниана против тех, кто советовался с оракулами, как определенное доказательство того, что суеверие об оракулах все еще существовало во времена этих императоров.

ИМЕЛИ ЛИ ДЕМОНЫ КАКОЕ-ЛИБО ОТНОШЕНИЕ К ОРАКУЛАМ?

Мнение тех, кто верит, что демоны не имели отношения к оракулам и что приход Мессии не произвел в них никаких изменений, и противоположное мнение тех, кто утверждает, что воплощение слова заставило оракулов замолчать, должно быть в равной степени отвергнуто. Причины вытекают из того, что было сказано, и поэтому следует различать два вида оракулов: один продиктован духами тьмы, которые обманывали людей своими неясными и сомнительными ответами, другой - чистая хитрость и обман жрецов ложных божеств. [20] Что касается оракулов, изрекаемых демонами, то правление сатаны было уничтожено пришествием Спасителя; истина закрыла уста лжи; но сатана продолжал свое старое ремесло среди идолопоклонников. Пришествие Мессии не заставило замолчать всех дьяволов одновременно; именно в особых случаях истина христианства и добродетель христиан заставляли дьяволов замолчать. Святой Афанасий говорит язычникам, что они сами были свидетелями того, как крестное знамение обращает бесов в бегство, заставляет замолчать оракулов и рассеивает чары.

Эта способность заставлять замолчать оракулов и обращать дьяволов в бегство также засвидетельствована Арнобием, Лактанцием, Прудентием, Минуцием, Феликсом и некоторыми другими. Их свидетельство является несомненным доказательством того, что пришествие Мессии не заставило оракулов замолчать.

Император Юлиан, прозванный Отступником, обратился к оракулу Аполлона в пригороде Антиохии, и дьявол не смог дать ему никакого другого ответа, кроме того, что тело святого Вавилы, похороненное по соседству, заставило его замолчать. Император, охваченный гневом и досадой, решил отомстить своим богам, уклонившись от торжественного предсказания Христа. Он приказал евреям восстановить Иерусалимский храм; но когда они начали рыть фундамент, вырвались огненные шары и поглотили мастеров, их инструменты и материалы. Эти факты засвидетельствованы Аммианом Марцеллином, язычником и императорским историком; а также святыми Златоустом, святым Григорием Назианзином и Феодоритом, Созоменом и Сократом в их церковных историях. Софист Либаний, который был врагом христиан, признавался также, что святой Вавила заставил замолчать оракула Аполлона в окрестностях Антиохии.

Плутарх рассказывает, что лоцман Тамус услышал голос в воздухе, кричавший: "Великий Пан мертв", после чего Евсевий замечает, что смерти демонов были частыми в правление Тиберия,

когда Христос изгонял злых духов. Об оракулах могут быть вынесены те же суждения, что и о собственности. В особых случаях, с божественного соизволения, христиане изгоняли бесов или заставляли замолчать оракулов в присутствии самих язычников и даже по их признанию. И именно так, по-видимому, следует понимать отрывки святого Иеронима, Евсевия, Кирилла, Феодорита, Пруденция и других авторов, которые говорили, что пришествие Христа заставило оракулов замолчать.

ОБ ОРАКУЛАХ, УЛОВКАХ ЖРЕЦОВ И ЛОЖНЫХ БОЖЕСТВ.

Что касается второго рода оракулов, которые были чистыми уловками и обманом жрецов ложных божеств и число которых, вероятно, превышало число тех, которые непосредственно исходят от демонов, то они не прекращались до тех пор, пока идолопоклонство не было упразднено, хотя они потеряли свой авторитет за значительное время до пришествия Христа. Именно по поводу этого более распространенного вида оракулов, о которых сказал Минуций Феликс, они начали прекращать свои ответы по мере того, как люди стали более вежливыми. Но какими бы порицаемыми ни были оракулы, самозванцы всегда находили одураченных; самые грубые мошенники никогда не терпели неудачи.

Даниил обнаружил обман жрецов Бела, у которых был тайный способ проникнуть в храм, чтобы забрать предложенное мясо, и заставил царя поверить, что идол съел его. Мундус, будучи влюбленным в Паулину, старшую из жриц Исиды, пошел и сказал ей, что бог Анубис, страстно любя ее, повелел ей устроить ему встречу. После этого ее заперли в темной комнате, где скрывался ее возлюбленный Мундус (которого она считала богом Анубисом). Когда этот обман был раскрыт, Тиберий приказал распять этих отвратительных жрецов и жриц, а вместе с ними и свободную женщину Иолею Мундус, которая руководила всей интригой. Он также приказал сравнять с землей храм Исиды, сбросить ее статую в Тибр, а что касается Мундуса, то он удовлетворился тем, что отправил его в изгнание.

Феофил, епископ Александрийский, не только разрушил храмы богов, но и раскрыл обман жрецов, показав, что статуи, некоторые из которых были из меди, а другие из дерева, были полыми внутри и вели в темные проходы, сделанные в стене.

Луций в "разоблачении обмана лжепророка Александра" говорит, что оракулы главным образом боялись хитрости эпикурейцев и христиан. Лжепророк Александр иногда притворялся охваченным божественной яростью и с помощью травы сопевки, которую он жевал, пускал изо рта пену таким необычным образом, что невежественные люди приписывали это силе бога, которым он был одержим. Он задолго до этого изготовил льняную голову дракона, который открывал и закрывал пасть с помощью конского волоса. Ночью он отправился к месту, где копали фундамент храма, и, найдя воду, то ли родниковую, то ли дождевую, которая там осела, спрятал в ней гусиное яйцо, в которое вложил маленькую змею, только что вылупившуюся. На следующий день, очень рано утром, он вышел на улицу совершенно голый, в одном шарфе до пояса, держа в руке косу и распуская волосы, как жрецы Кибелы; затем, взойдя на вершину высокого алтаря, он сказал, что это место счастливо удостоиться чести рождения бога. Затем, сбегав к тому месту, где он спрятал гусиное яйцо, и войдя в воду, он начал петь хвалу Аполлону и Эскулапу и приглашать последнего прийти показаться людям; с этими словами он опускает чашу в воду и достает таинственное яйцо, в котором был заключен бог, и когда он держал его в руке, он начал говорить, что держит Эскулапа, в то время как всем не терпелось увидеть это

прекрасное таинство, он разбил яйцо, и маленькая змея выползла наружу, и когда он взял ее в руки, он начал говорить, что держит Эскулапа. обвилась вокруг его пальцев.

Эти примеры ясно показывают, что и христиане, и язычники были настолько единомышленны, что рассматривали большее количество оракулов как чисто человеческий обман.

По самой природе вещей многое из того, что сейчас служит для развлечения, должно было раньше предназначаться для более высокого назначения. В качестве примера можно привести чрево вещание, дающее готовое и правдоподобное объяснение оракульских камней и дубах, ответа, который провидец Несс адресовал Пифагору (Ямвлих, Vit. Пит. xxxiii.) и о дереве, которое по повелению гимнософистов верхнего Египта заговорило с Аполлоном: "Голос, - говорит Филострат (см. Ап. xi. 5), - был отчетливым, но слабым и похожим на женский". Но оракулы, по крайней мере, если мы обратимся к их происхождению, не были полностью самозванцами. Мнимые толкователи предначертаний судьбы часто впадали в своего рода бред, и когда они вдыхали пары какого-нибудь опьяняющего наркотика, или сильного газа, или паров, или пили какой-нибудь напиток, который вызывал временное помрачение рассудка, разум вопрошающего был предрасположен к лихорадочным снам: [21] если жречество занималось толкованием таких снов или извлекало смысл из диких излияний расстроенного мозга Прорицательницы, Наука руководила исследованием причин этого помешательства, и разум исследователя был предрасположен к лихорадочным снам. преимущества, которые Тауматургисты могли бы извлечь из этого. Ямвлих утверждает (de Mysteriorum C. xxix), что для получения откровения от Божества во сне наиболее подходящими для успеха были самые молодые и простые создания: они были подготовлены к этому магическими заклинаниями и окуливанием особыми благоуханиями. Порфирий заявляет, что эти действия оказали влияние на воображение; Ямвлих - что они сделали их более достойными вдохновения Божества.

СНОСКИ:

[16] Ответы здесь были произнесены молодой жрицей по имени Пифия или Феба, помещенной на трипо, или табурет с тремя ножками, называемый также картиной, из кожи змеи Питона, которой он был покрыт, неясно, каким образом были произнесены эти оракулы, хотя Цицерон предполагает, что Пифия была вдохновлена или, скорее, опьянена определенными испарениями, которые поднимались из пещеры. Некоторые говорят, что Пифия была когда-то развращена, и впоследствии оракулы были произнесены старой женщиной в платье молодой служанки.

[17] Этот ответ оракула заставляет нас вспомнить не менее замечательное предписание современного провидца сэру Уильяму Уиндхэму, о котором рассказывается в мемуарах епископа Ньютона. "В молодые годы, когда сэр Уильям путешествовал за границей и был в Венеции, там была известная гадалка, к которой прибегали многие, и он сам в том числе; и гадалка сказала ему, что он должен остерегаться белой лошади. После своего возвращения в Англию, когда он проходил мимо Чаринг-Кросс, он увидел толпу людей, выходящих и заходящих в дом, и спросил, что все это значит, ему сообщили, что там живет Дункан Кэмпбелл, немой предсказатель судьбы. Его тоже привело любопытство, и Дункан Кэмпбелл тоже сказал ему, что он должен остерегаться белой лошади. Было несколько необычно, что две гадалки, одна в Венеции, а другая в Лондоне, без всякой связи и на некотором расстоянии во времени, обе случайно наткнулись на одно и то же и дали одно и то же предупреждение. Несколько лет спустя, когда в 1715 году он был арестован и заключен в Тауэр по подозрению в

государственной измене, которая так и не была раскрыта, его друзья сказали ему, что теперь его судьба сбылась, Ганноверский дом был белой лошадью, остерегаться которой его предупреждали. Но через некоторое время после этого он упал с белой лошади и получил удар, в результате которого потерял зрение одного глаза".

[18] "Когда мы придем посоветоваться с тобой, - говорит он аполлону, - если ты видишь то, что находится в утробе будущего, почему ты используешь выражения, которые не будут поняты? Если ты это делаешь, тебе доставляет удовольствие оскорблять нас; если нет, узнай о нас и научись говорить более ясно. Я говорю тебе, что если ты подразумеваешь двусмысленность, то греческое слово, которым ты утверждаешь, что Крез должен свергнуть великую империю, было выбрано неправильно; и что оно не могло означать ничего, кроме того, что Крез побеждает Кира. Если все обязательно должно сбыться, зачем ты забавляешь нас своими двусмысленностями? Что ты, несчастный, делаешь в Дельфах, бормоча праздные пророчества?" — См. *"Демонология, или Раскрытое Естественное знание"*, стр. 162.

[19] См. *Demonologia*, стр. 163.

[20] "Среди наиболее образованных людей существует довольно общее мнение, что все оракулы были простыми мошенниками и самозванцами, рассчитанными либо на то, чтобы служить корыстным целям языческих священников, либо на политические взгляды князей. Бейль положительно утверждает, что это были всего лишь человеческие уловки, к которым дьявол не приложил руки. В этом мнении его решительно поддерживают Ван Дейл, голландский врач, и М. Фонтенель, которые прямо написали на эту тему". — *Vide Demonologia*, op. citat. p. 159.

[21] Из Геродота (iv. 75) мы узнаем, что скифы и татары опьяняли себя, вдыхая пары разновидности конопли, брошенной на раскаленные камни. И один только запах семян белены, когда его сила усиливается теплом, вызывает холерический и сварливый настрой у тех, кто в таком состоянии вдыхает пары, исходящие от них. And in the "Dictionnaire de Médecine," (de l'Encyclopédie Méthodique, vii, art. Приводятся примеры, наиболее примечательный из которых заключается в том, что супружеская пара, которая, хотя и жила в совершенной гармонии везде, никогда не могла остаться на несколько часов в комнате, где они работали, не поссорившись. Квартира, конечно, считалась заколдованной, пока не было обнаружено, что возле плиты было отложено значительное количество семян белены, что было причиной их ежедневных разногласий, устранение которых положило конец их ссорам. Те же эффекты, которые производились сквозняками и окуриваниями, могли бы быть результатом применения линиментов, "Магических мазей", действующих через абсорбирующую систему, как если бы они были введены в желудок: упоминания об этих мазях постоянно повторяются у древних авторов. Филострат в своей "жизни Аполлония" (iii. 5) утверждает, что тела его товарищей, прежде чем их допустили к тайнам индийских мудрецов, были натерты таким активным маслом, что казалось, будто они были омыты огнем.

ГЛАВА V.

БРИТАНСКИЕ ДРУИДЫ, Или МАГИ—ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕЙ—ДРЕВНИЕ СУЕВЕРИЯ -ИХ МАСТЕРСТВО В МЕДИЦИНЕ И т.д.

У британских друидов, подобно индийским гимнософистам или персидским магам, было два набора доктрин: первая для посвященных, вторая для народа. То, что есть единый Бог, создатель неба и земли, было тайной доктриной брахманов. А природа и совершенство божества были среди тайн друидов.

Среди второстепенных догматов друидического жречества мы имеем повсюду очевидные доказательства их политеизма, а грубость их религиозных идей, как они представлены некоторыми авторами, очень несовместима с той божественной философией, которая считалась частью их характера. Это, однако, были популярные божества, которым якобы поклонялись друиды, и популярные представления, которые они якобы переняли в соответствии с предрассудками простонародья. Друиды хорошо знали, что простые люди не были философами. Есть также основания полагать, что большая часть идолопоклонства не была санкционирована друидами, но впоследствии была введена финикийской колонией. Но было бы невозможно сказать, насколько примитивные друиды приспособились к вульгарным суевериям или отделить свои внешние доктрины и церемонии от басен и абсурдных обрядов последующих времен. Было бы тщетно пытаться перечислить их богов: в глазах простолюдинов они бросали вызов всему, что их окружало. Они поклонялись духам гор, долин и рек. Каждый камень и каждый родник были либо инструментами, либо объектами восхищения. Лунные долины Данмониума были полны волшебного народа, а его многочисленные реки были пристанищем гениев.

Предполагается, что вымысел о феях был принесен вместе с другими причудами подобного рода восточными народами в то время, когда европейцы и христиане были вовлечены в священную войну: таково, по крайней мере, мнение гениального писателя, который выражается следующим образом: "Чудовищные приукрашивания чар не были изобретением романтиков, а были созданы на основе восточных сказок, привезенных оттуда путешественниками из их крестовых походов и паломничеств, которые действительно имеют оттенок, характерный для буйного воображения восточных народов". [22]

В том, что феи, в частности, пришли с Востока, нас уверяет ученый востоковед М. Эрбело, который рассказывает нам, что персы называли фей *Пери*, а арабы - *джиннами*, что согласно восточной фантастике, существует некая страна, населенная феями, называемая Генистан, которая соответствует нашей *стране фей*. [23] Мистер Мартин в своих наблюдениях за "Королевой фей" Спенсера придерживается мнения, что феи пришли с Востока; но он справедливо замечает, что они были завезены в страну задолго до периода крестовых походов. Раса фей, сообщает он нам, была создана в Европе в очень ранние времена, но "*не повсеместно*". Феи были ограничены севером Европы — *ultima Thule* — *британскими островами* — *территорией Британии*. В ту далекую эпоху они были неизвестны галлам или германцам; и они, вероятно, были знакомы долинам Шотландии и Данмонии, когда Галлия и Германия еще не были заселены ни реальными, ни воображаемыми существами. Действительно, вера в таких невидимых агентов, приписанных различным частям природы, преобладает и по сей день в Шотландии, Девоншире и Корнуолле, регулярно передаваемая с древнейших времен до наших дней и совершенно не связанная с ложной романтикой крестоносца или пилигрима. Отсюда те суеверные представления, которые сейчас существуют в наших западных деревнях, где до сих пор считается, что сприггиан [24] вводят в заблуждение невежественных путешественников, обнаруживают спрятанные сокровища, влияют на погоду и

вызывают ветры. "Это, - говорит Уортон, - подтверждает гипотезу о том, что северные части Европы заселены колониями с востока!"

Жители Шетландских и Островных островов совершают возлияния молоком или пивом через дырявый камень в честь духа Брауни; и, вероятно, данмонийцы привыкли приносить жертвы тому же духу, поскольку корнуолльцы и девонцы на границе с Корнуоллом и по сей день призывают духа Брауни при роении своих пчел.

Что касается рек, то бесспорным фактом является то, что первобытные бритты воздавали им божественные почести; даже сейчас во многих частях Девоншира и Корнуолла можно сказать, что простолюдины поклоняются ручьям и колодцам, к которым они прибегают в установленные сроки, совершая различные церемонии в честь этих освященных вод; а горцы и по сей день с большим уважением говорят о гении моря; никогда не купаются в фонтанах, чтобы не оскорбить и не увести пребывающий в них элегантный дух; и не упоминают воду рек, не приставив к ней названия *превосходно*; а на одном из западных островов жители до конца прошлого столетия сохранили обычай ежегодно приносить жертвы гению океана. То, что в наши дни жители Индии обожествляют свои главные реки, является хорошо известным фактом; воды Ганга обладают необычайной святостью; и современные арабы, подобно древним измаильтянам, сходятся с данмонийцами в их почитании источников. Даже названия арабских и данмонских колодцев имеют поразительное соответствие. У нас есть *поющий колодец*, или *белый фонтан*, и в пустынях Аравии есть источники с похожими названиями. Возможно, почитание данмонийцами фонтанов и рек может быть принято как нетривиальное доказательство, которое следует добавить к массе косвенных свидетельств в пользу их восточного происхождения. То, что арабы в своих измученных жаждой пустынях даже обожают свои источники с "живой водой", не должно вызывать у нас удивления, но мы можем справедливо удивляться тому, что жители Девоншира и Корнуолла поклоняются богам многочисленных рек и никогда не иссякающих ручьев, знакомых по всей Дании.

Основным временем поклонения у друидов была либо середина дня, либо полночь. Исполняющий обязанности друида был облачен в белое одеяние, ниспадавшее до земли; на голове у него красовалась тиара; у него был *anguinum*, или змеиное яйцо, как символ его ордена; его виски были обвиты венком из дубовых листьев, и он размахивал в руке волшебным жезлом. Что касается жертвоприношений друидов, то существуют расплывчатые и противоречивые представления. Однако несомненно, что они приносили человеческие жертвы своим богам. Они учили, что наказание нечестивых может быть отменено жертвоприношениями Ваалу. [25] Таким образом, за души усопших приносили в жертву паршивую овцу и применяли различные виды заклинаний. Следы священных огней и поклонения огню друидов [26] можно наблюдать в нескольких обычаях, как девонцев, так и корнуолльцев; но в Ирландии все еще можно увидеть священные огни во всей их торжественности. Ирландцы называют месяц май *Бел-тин*, или огонь Белуса; а первое мая Любел-тин, или день огня Белуса. В старинном ирландском глоссарии упоминается, что ирландские друиды каждый год зажигали два торжественных костра, через которые прогоняли всех четвероногих животных, в качестве средства защиты от заразных болезней. У ирландцев и в настоящее время есть такой обычай: они разжигают костер на доильных дворах; мужчины, женщины и дети проходят через него или перепрыгивают через него, а их скот прогоняют через пламя горящей соломы *первого мая*; а в ноябре у них также устраиваются праздники огня, когда, согласно обычаю данмонцев, а также ирландских друидов, холмы объаты пламенем. До этого торжества (накануне ноября) огонь в каждом

частном доме был потушен; тогда люди были вынуждены прибегнуть сюда, чтобы снова разжечь его. Древние персы называли месяц ноябрь, *Адур или огонь Адур*, согласно Ричардсону, был ангелом, управляющим этой стихией, вследствие чего на девятое число, в день его именин, страна запылала повсюду пылающими кострами, в то время как волхвы, по повелению Зороастра, с великой торжественностью посетили все храмы огня по всей империи; которые по этому случаю были украшены и освещены самым великолепным образом. Отсюда, вероятно, и возникли наши британские иллюминации в ноябре. Именно в это время *Баал Самхам* призвал души на суд, которым, в соответствии с их заслугами, было поручено вернуться в тела людей или животных и быть счастливыми или несчастными во время их следующего пребывания на земле.

Первобытные христиане, приверженные своим языческим церемониям, отмечали праздник Поминовения Усопших в ла-Самон, или второе ноября. Даже сейчас крестьяне в Ирландии собираются на всенощное бдение в ла-Самон с палками и дубинками, переходя от дома к дому, собирая деньги, хлебные лепешки, масло, сыр, яйца и т.д. Для праздника; повторяют стихи в честь торжества и призывают паршивую овцу. Свечи передаются из дома в дом и зажигаются на Самон. (На следующий день.) Каждый дом изобилует лучшими яствами, какие только может позволить себе хозяин; яблоки и орехи съедаются в великом изобилии; ореховая скорлупа сжигается, и из пепла многое предсказывается. Конопляное семя сеют девушки, которые верят, что если они оглянутся назад, то увидят появление своих предполагаемых мужей. Девушки прилагают различные усилия, чтобы прочесть свою судьбу; в конце праздника они вешают халат перед камином и всю ночь просиживают, спрятавшись в углу комнаты, ожидая, что любовник спустится по дымоходу и повернет *шими*; они выбрасывают клубок пряжи в окно и наматывают его на катушку изнутри, убежденные, что если они повторят заклинание Заклятия задом наперед и посмотрят на клубок пряжи снаружи, то тоже увидят его появление. У тех, кто празднует этот праздник, есть множество других обрядов, унаследованных от язычников. Они опускают яблоки в кадку с водой и пытаются вытащить одно ртом; они хватают яблоко, насаженное на один из концов некоего подобия подвесной балки, к другому концу которой прикреплен зажженный свеча, и то только ртом, пока оно совершает круговые движения, руки у них связаны за спиной. [27]

БРИТАНСКИЕ МАГИ.

У друидов, которые были магами бриттов, было бесконечное количество общих с персами обрядов. Одной из главных функций восточных магов было прорицание; и Помпоний Мела говорит нам, что наши друиды владели тем же искусством. У друидов существовал торжественный обряд гадания по падению жертвы и конвульсиям ее конечностей или по характеру и положению ее внутренностей. Но у британских священников были разные виды гаданий. По количеству криминальных причин и по увеличению или уменьшению их собственного ордена они предсказывали плодородие или дефицит. По ржанию или гарцованию белых лошадей, запряженных в освященную колесницу, по поворотам и извивам зайца, выпущенного из-за пазухи прорицателя (с множеством других зловещих проявлений) они делали вид, что определяют события будущего. [28]

Из всех созданий змей самым любопытным образом воспользовался изобретением друидов. Знаменитому *anguinum* они приписывали высокие добродетели. *Anguinum*, или змеиное яйцо, представляло собой скопление маленьких змей, свернутых вместе и покрытых скорлупой,

образованной слюной, вязкой камедью или пеной матери-змеи. Это яйцо, по-видимому, было подброшено в воздух шипением его матери, и прежде чем оно снова упало на землю (где оно было бы осквернено), его должны были принять в сагус, или священное облачение. Человек, поймавший яйцо, должен был скрыться верхом на лошади, поскольку змея преследует того, кто похитил ее детенышей, даже до берега следующей реки. Плиний, у которого взят этот рассказ (lib. 29. С. 3.), продолжает с перечислением других нелепостей, относящихся к *anguinum*. Этот *anguinum* по-британски называется *Glain-neider*, или стеклянный змей; и то же суеверное почитание, которое данмонцы повсеместно оказывали *anguinum*, до сих пор можно обнаружить в некоторых частях Корнуолла. М-р Ллхейд сообщает нам, что "корнуолльцы сохраняют множество амулетов и до сих пор хранят на Окраине Страны амулеты Мен-Магала и Гленнейдера, которые они называют *Меллпрер*, и у них есть амулет, позволяющий змее сделать это, когда они находят ее спящей, и втыкают ореховую палочку в центр ее спирали", или колец.

Кэмбден сообщает нам, что "в большинстве частей Уэльса и по всей Шотландии и Корнуоллу распространено мнение, что примерно в канун летнего солнцестояния (хотя в это время они не все согласны) змеи собираются группами и что, соединяя головы вместе и шипя, образуется нечто вроде пузыря, на который остальные, непрерывно шипя, дуют, пока он не пройдет полностью через тело, после чего он немедленно затвердевает и напоминает стеклянное кольцо, которое тот, кто найдет, преуспееет во всех своих начинаниях. Полученные таким образом кольца называются *Gleiner-nadroeth*, или змеиными камнями. Это маленькие стеклянные амулеты, обычно шириной примерно в половину наших колец на пальцах, но гораздо толще, обычно зеленого цвета, хотя иногда синего, с красными и белыми разводами".

Кэрю говорит, что "сельские жители в Корнуолле убеждены, что при дыхании змеи на ореховую палочку образуется каменное кольцо синего цвета, в котором появляется желтая фигура змеи, и что укушенные животные, которым дали выпить немного воды, в которой был настоян этот камень, прекрасно выводят яд". [29]

От животного мира друиды перешли к растительному; и они также проявляли свою силу, в то время как с помощью чар омелы, селого и самописа они предотвращали или отражали болезни. По колыханию или журчанию воды, вызванному дубовой веткой или волшебной палочкой, они предсказывали грядущие события. Суеверия друидов даже сейчас сохраняются в западных графствах. По сей день корнуолльцы привыкли советоваться со своим знаменитым колодцем в Мэдеме, или, скорее, *сдухом* колодца, относительно своей будущей судьбы.

"Сюда, - говорит Борлаз, - приходят беспокойные, нетерпеливые и суеверные и, бросая булавки [30] или камешки в воду и встряхивая землю вокруг источника, чтобы поднять со дна пузырьки, в определенное время года, луны и дня пытаются избавиться от своего беспокойства; однако предполагаемые реакции в равной степени усиливают мрачность меланхоликов, подозрения ревнивцев и страсть влюбленных. Предполагалось, что касталийский фонтан и многие другие у греков носили пророческий характер. Окуная светлое зеркало в колодец, греческие патрейцы получали, как они предполагали, некоторое извещение о последующей болезни или выздоровлении от различных фигур, нанесенных на поверхность. Жители Лаконии бросали в бассейн, священный для Юоны, лепешки из кукурузного хлеба: если лепешки тонули, это предвещало добро; если они всплывали, должно было произойти что-то ужасное. Иногда суеверные бросали в воду три камня и делали свои выводы по нескольким поворотам, которые они совершали, погружаясь ". Друиды также были способны передавать камням самые

зловещие свойства посредством посвящения, которые могли определять преемственность правителей или судьбу империй. К Качающемуся камню, или камню Логана, несколько из которых до сих пор сохранились, в частности, в Девоншире и Корнуолле, они прибегали, чтобы подтвердить свой авторитет либо как пророков, либо как судей, делая вид, что его движение было чудесным. Эти религиозные обряды совершались в освященных местах и храмах, посреди рощ. Таинственная тишина древнего леса вселяет даже тень ужаса в умы, которые все же выше суеверной доверчивости. Их храм редко представлял собой что-либо иное, кроме широкого круга вертикально поднятых скал. Искусственная груда больших плоских камней обычно служила алтарем; и вся религиозная гора обычно была окружена невысокой насыпью, чтобы предотвратить вторжение непосвященных. "В друидической разновидности язычества было что-то такое, - восклицает мистер Уитекер в истинно восточном стиле, - что было хорошо рассчитано, чтобы привлечь внимание и произвести впечатление на ум. Грубо величественный круг камней в их храмах, огромный Кромлех, массивный Логан, огромный Карнедд и великолепный лесной амфитеатр — все это очень сильно повлияло бы на ту религиозную задумчивость души, которая всегда была так естественна для человека среди всех обломков человечества - памятник его былого совершенства!" То, что друидизм, первоначально существовавший в Девоншире и Корнуолле, был немедленно перенесен во всей своей чистоте и совершенстве с Востока, кажется чрезвычайно вероятным.

Среди священных обрядов друидов не было ни одного более знаменитого, чем тот, который они проводили с омелой из дуба. Они верили, что это дерево было выбрано самим Богом. Омела была тем, что они находили, но редко; поэтому всякий раз, когда они встречались с ней, они доставали ее с большой церемонией и делали это в шестой лунный день, с этого дня у них начинались и месяцы, и годы. Они дали название этому кустарнику, обозначая, что он обладает способностью излечивать все болезни. Они приносили ему жертвы, веря, что благодаря его силе бесплодные растения становятся плодоносящими. Они также смотрели на него как на средство, предохраняющее от всех ядов. Таким образом, несколько народов мира основывают свою религию на соблюдении мелочей.

Друиды также были чрезвычайно суеверны по отношению к траве *селаго*, которую они считали средством от воспаления глаз и почти всех несчастий. Другую траву, называемую *самотис*, которая, по их мнению, обладала свойством предотвращать болезни крупного рогатого скота, они собирали очень тщательно. Человек был обязан быть одет в белое, и ему не разрешалось прикасаться к нему; церемонии предшествовало жертвоприношение хлеба и вина.

У друидов было еще одно суеверие, касающееся их змеиных яиц, которые, как они полагали, образовывались из слюны многих из этих существ в определенное время луны: они считали их верным предзнаменованием победы над своими врагами. Эти, вместе со многими другими нелепыми глупостями, были навязаны доверчивым людям, поскольку они были очень привязаны к гаданиям. Друиды считали омелу противоядием от всех ядов, и они оберегали свое *селаго* от всех несчастий. Персы были так же уверены в эффективности нескольких трав и использовали их аналогичным образом. Друиды срезали омелу золотым крючком, а персы срезали веточки *геза*, или *багульника*, называемого *бурсам*, особым острым ножом. Кандидаты на британский престол прибегали к роковому камню, чтобы определить свои притязания; и в аналогичных случаях персы прибегали к *Артизою*.

Исходя из всех взглядов на религию друидов, м-р Полуэл приходит к выводу, что она берет свое начало от персидских магов. Доктор Борласс провел длинную и сложную параллель между друидами и персами, где он ясно доказал, что они были максимально похожи друг на друга во всех аспектах религии. [31]

СНОСКИ:

[22] Дополнение к переведенному предисловию к "Дон Кихоту" Джарвиса.

[23] То, что друиды поклонялись скалам и фонтанам и воображали, что они населены и приводятся в действие *божественными разумными существами более низкого ранга*, можно ясно заключить из их каменных памятников. Этих низших божеств корнуолльцы называют *сприггианами, или духами*, которые соответствуют джиннам или феям; и простонародье в Корнуолле до сих пор говорит о них как о реальных существах.

[24] См. Введение Макферсона в историю Великобритании и Ирландии.

[25] Этот идол, названный Септуагинтой Ваалом, упоминается в других частях Священного Писания под другими именами. Чтобы понять, что это был за бог, мы можем заметить, что божества греков и римлян пришли с Востока; и среди древних и современных язычников существует традиция, согласно которой этот идол был малоизвестным божеством, что может служить оправданием тому, что некоторые отрывки, касающиеся его, не были переведены; и это согласуется с Осией (ix. 10). Они *вышли в Ваал-Феор и разделились к своему стыду*. И это мнение Иеронима, который цитирует это из древней иудейской традиции, что *Баал Феор - Приап* греков и римлян; и если вы заглянете в вульгарную латынь (1 Царств xv. 13), мы обнаружим, что это переведено таким образом: *и царь Аса отстранил Мааху, свою мать от должности царицы, чтобы она больше не могла быть верховной жрицей при жертвоприношениях Приапу*. И он разрушил роццу, которую она освятила, и разбил самого грязного идола, и сжег его у ручья *Кедрон*. Доктор Камберленд добавляет, что значение слова *Пеор*, или *Баал Феор*, означает того, кто хвастливо или публично демонстрирует свою наготу. Женщины, чтобы избежать бесплодия, должны были сидеть на этом грязном истукане как источнике плодородия, за что Лактанций и Августин справедливо высмеивают язычников.

[26] В первоначальном жертвоприношении друидов была ужасная таинственность. Descanting на человеческие жертвы из разных стран, г-н Брайант говорит нам, что среди народов Ханаана, у жертв *были выбраны в своеобразной манере*; их собственных детей, и все, что было родным и близким к ним, считались наиболее достойными подношения своим богам! Карфагеняне, которые были колонией из Тира, принесли с собой религию своей метрополии и установили такое же богослужение в тех местах, где они жили. Родители приносили в жертву своих собственных детей как самых дорогих для себя и, следовательно, более приемлемых для божества: они приносили в жертву "плод своего тела за грех своей души", друиды, без сомнения, руководствовались теми же взглядами.

[27] Нет никаких сомнений в том, что *Ваал* и *Огонь* были главными объектами церемоний и поклонения друидов. Главным временем года для них и их праздников в честь Ваала был день нового года, когда солнце начало заметно возвращаться к нам; этот обычай еще не закончился, сельские жители все еще провожают старый год и встречают новый у костров, зажженных на

вершинах холмов и в других возвышенных местах. Следующим сезоном был месяц май, когда в восточных странах начали собирать плоды земли, и первые их плоды посвящались Ваалу, или *Солнцу*, под благотворным влиянием которого они созрели; и можно почти поверить, что танец вокруг майского шеста в этом месяце является слабым отражением ритуалов, соблюдаемых в таких случаях. Следующий великий праздник пришелся на 21 июня, когда солнце, находясь в Раке, впервые, кажется, поворачивает вспять и покидает нас. По этому случаю ваалим обычно созывали народ вместе и зажигали костры на возвышенностях, и заставляли своих сыновей, дочерей и скот проходить через огонь, призывая Ваала благословить их и не оставлять.

[28] В Девоншире и Корнуолле до сих пор считается зловещим, если заяц переходит дорогу человеку.

[29] См. "*Обзор Корнуолла*" Кэрю, стр. 22. У мистера Кэрю было такое кольцо с камнем, и человек, подаривший его ему, признался, что "он сам видел, как в нем торчала часть палки", но "*Penes authorem sit fides*", - говорит мистер Кэрю.

[30] То же самое суеверие до сих пор существует в Девоншире.

[31] См. Отчет о друидизме в книге "Исторические взгляды Полуэла на Девоншир", том 1.

ГЛАВА VI.

ЭСКУЛАПСКИЕ ТАЙНЫ И Т. Д.

Говорят, что Аполлон был одним из самых нежных и в то же время, как можно заключить из его многочисленных потомков, одним из самых доблестных языческих божеств. Первым и наиболее известным из его сыновей был Эскулап, которого он родил от нимфы Корониды. Некоторые говорят, что Аполлон из-за ее неверности застрелил свою мать, когда она была беременна от него; но, раскаявшись в этом факте, спас младенца и отдал его Хирону для обучения врачеванию. [32] Другие сообщают, что, когда ее отец, царь Флегий, нес ее с собой в Пелопоннес, ее боли застали ее врасплох на границах Эпидаврии, где, чтобы скрыть свой позор, она выставила младенца на всеобщее обозрение на горе. *Правда*, однако, заключается в том, что этот Эскулап был бедным брошенным младенцем, брошенным ребенком, которого положили в лесу близ Эпидавра его ненормальные родители, которым впоследствии было стыдно владеть им. вскоре его нашли несколько охотников, которые, увидев горящее пламя или сияние, окружавшее его голову, сочли это предзнаменованием будущей славы ребенка. Младенец был передан ими кормилице по имени Триго, но поэты говорят, что его вскормила коза. Он изучал медицину под руководством кентавра Хирона, благодаря заботам которого добился таких успехов в медицинском искусстве, которые снискали ему такую высокую репутацию, что, по слухам, он даже воскрешал мертвых. Его первые исцеления были произведены на Аскле, царе Эпидавра, и Авнесе, царе Даунии, у последнего были воспаленные глаза. Короче говоря, его успех был настолько велик, что Плутон, видя, что количество его призраков с каждым днем уменьшается, пожаловался Юпитеру, который убил его своими молниями. Его познания в медицине были таковы, что его обычно почитали богом медицины.

В городе Тетраполис, принадлежавшем ионийцам, у Эскулапа был храм, полный редких исцелений, посвященный ему теми, кто приписывал ему свое выздоровление; и его стены были покрыты памятниками о чудесах, которые он совершил.

Цицерон называет три имени Эскулапа. Первый - сын Аполлона, которому поклонялись в Аркадии, который изобрел зонд и перевязочные материалы для ран; второй - брат Меркурия, убитый молнией; и третий - сын Арсиппа Арсиона, который первым научил искусству вырывания зубов и чистки. Другие считают Эскулапа египтянином, царем Мемфиса, на тысячу лет предшествовавшим Эскулапу греков. Римляне причисляли его к *Dii Adcititii*, таким людям, которые были вознесены на небеса своими заслугами, как Геркулес, Кастор и Поллукс. Греки получили свои знания об Эскулапе от финикийцев и египтян. Его главные храмы были в Пергаме, Смирне и Трике, городе в Ионии и на острове Кус, или Кос; в которых были развешаны все обетные таблички, [33] показывающие болезни, излеченные его помощью; но его самое знаменитое святилище находилось в Эпидавре, где каждые пять лет весной в его честь устраивались торжественные игры через девять дней после истмийских игр в Коринфе.

Римляне познакомились с Эскулапом совершенно случайно. В Италии случилась чума, обратились к оракулу, и ответом было, что они должны привезти бога Эскулапа из Эпидавра. Было назначено посольство из десяти сенаторов, во главе которого стоял К. Огульниус. Эти депутаты, по прибытии посетив храм бога, увидели огромного змея, который вышел из-под алтаря и, пересекши город, направился прямо к их кораблю и улегся в каюте Огульния; [34] на нем они немедленно отплыли, и, прибыв в Тибр, змей покинул корабль и удалился на небольшой остров напротив города, где был воздвигнут храм богу, и эпидемия прекратилась.

Животными, принесенными в жертву Эскулапу, были козлы; одни говорят, потому, что это животное вскормило его; другие - потому, что это существо нездорово, так как страдает от постоянной лихорадки. Собака и петух были принесены ему в жертву за их верность и бдительность; ворон также был предан ему за свои предсказания и за то, что был искусен в гадании. Авторы не согласны с тем, что он был изобретателем медицины, некоторые утверждают, что он усовершенствовал только ту часть, которая относится к режиму ведения больных.

Происхождение этой басни следующее: общественным знаком или символом, выставляемым египтянами на своих собраниях, чтобы предупредить людей о необходимости отмечать глубину разлива Нила, чтобы соответствующим образом регулировать их вспашку, была фигура человека с собачьей головой, несущего шест с обвитыми вокруг него змеями, которым они дали имена Анубиса, [35] Таута, [36] и Эскулапа. [37] Со временем они использовали это представление для настоящего короля, который, изучая медицину, стремился сохранить своих подданных. Таким образом, собака и змеи стали характерными чертами Эскулапа у римлян и греков, которые были совершенно незнакомы с первоначальным значением этих иероглифов.

Эскулапа изображали в виде старика с длинной бородой, увенчанного веткой лаврового дерева; в руках у него был посох, полный узлов, вокруг которого обвилась змея; у его ног стояла сова или собака — признаки качеств хорошего врача, который должен быть хитрым, как змея, бдительным, как собака, таким же хитрым и опытным, как старый башо, чтобы справиться с такой сложной вещью, как врачевание. В Эпидавре его статуя была из золота и слоновой кости, [38] сидящий на троне из тех же материалов, с длинной бородой, с узловатой палкой в одной руке, другой обвитой змеей, и собакой, лежащей у его ног. Филизийцы изображали его безбородым, а римляне увенчали его лавром, чтобы обозначить его происхождение от Аполлона. Узлы на его посохе обозначают трудности, возникающие при изучении медицины. У него было от жены Эпионы два сына, Махаон и Подалирий, оба искусные хирурги, которые

упоминаются Гомером как присутствовавшие при осаде Трои и оказавшие грекам большую услугу. У него также было две дочери, которых звали Гигия и Ясо.

СНОСКИ:

[32] Овидий, который рассказывает историю Корониды в своей причудливой манере, рассказывает нам, что Корвус, или ворон, обнаруживший ее доспехи, благодаря Аполлону изменил свои перья с *черных* на *белые*.

[33] Говорят, что с этих табличек, или обетных надписей, Гиппократ собрал свои афоризмы.

[34] Римляне, которые послали за Эскулапом из Эпидавра, когда их город был охвачен чумой, говорят, что змей, которому там поклонялись из-за него, по собственной воле последовал за послами на корабль, который доставил его в Рим, где он был помещен в храм, построенный на острове под названием Тиберина. В этом храме обычно лежали больные, и когда им не становилось лучше, они поносили Эскулапа: часто страждущие были так нетерпеливы, неблагодарны и сварливы, что не стеснялись упрекать того самого бога, который лечил их болезни.

[35] От *Наппобеаш*, что на финикийском языке означает *зазывалу*, или *предостерегающему увещавателю*, Анубису.

[36] Это слово означает собаку.

[37] От *Айш*, человек, и *халеф*, собака, происходит *Эскалеф*, человек-собака, или Эскулап.

[38] Это изображение было работой Фрасимеда, сына Аригнота, уроженца Пароса.

ГЛАВА VII.

НИЗШИЕ БОЖЕСТВА, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО С МОМЕНТА ЕГО РОЖДЕНИЯ ДО САМОЙ СМЕРТИ.

Было бы почти бесконечной задачей подробно описывать все низшие божества греков и римлян; наша цель состоит в том, чтобы упомянуть только о тех, которые следят за здоровьем человеческой расы, каждая неотъемлемая частица которой обладала своим руководящим гением.—Во время беременности покровительственными силами были бог Пелумн [39] и богини Интерседония [40] и Деверра. [41] Значение этих слов, по-видимому, указывает на необходимость тепла и чистоты для дам в таком состоянии.

Помимо высших богинь Джемо-Люсьен, Дианы Хитии и Латоны, которые все присутствовали при родах, были богини Эгерия [42], Проза [43] и Манагенета [44], которые вместе с *Dii Nixii* [45] полностью заботились о роженицах.

По отношению к детям Янус выполнял обязанности привратника или акушерки; и в этом качестве ему помогала богиня Описи или Опс; [46] Кума качала колыбель, в то время как Кармента пела об их судьбе; Левана поднимала их с земли; [47] и Веганус заботился о них, когда они плакали; Румина [48] наблюдала за ними, пока они кормили грудью; Полина снабжала их питьем; а Эдура едой; Осслаго сращивал их кости; а Карна [49] укреплял их телосложение. Нудина [50] была богиней очищения детей; Стилинус или Статанус учил их ходить и не давал им

упасть; Фабулина научила их лепетать; богиня Павентия оберегала их от испуга; [51] а Камена научила их петь.

Ни был младенцем, когда выросла и созрела лет, оставшись без его защиты; принимает Бог молодежи; Agenoria возбужденных мужчин к действию; и богини стимулы и Strenua вдохновили мужество и бодрость; Орта [52] вдохновил славу или любовь к славе; и Sentra дал им настроения, честности и справедливости; тихо было богини покоя и легкости, [53] и Indolena, или лень, был обожествлен под именем Мурсии; [54] Vasua защищены простоя; Отель adeona и апартаментами abeona, обеспеченных людей выезжающих за границу и возвращение; [55] и Vibilia, если они забрели, был настолько любезен, что положил их на правильный путь; Fessonia обновляется усталых и утомленных; и Meditrina исцелял болеющих; [56] Vitula-богиня радости и веселья; [57] Volupia богиня, которая дарила радость; [58] орбоны, вместе решить, что родители могут любить своих отпрысков; Pellonia предотвращенный вред и опасности; и Numeria учил людей, чтобы бросить и вести отчетность; Ангерона вылечить боль или горе от ума; [59] Haeres Тали обеспеченных наследников имения они ожидали; и stata или Статуя-матер, обеспеченных форум или рынок от огня; даже у воров была защитницей в Лаверна; [60] Averruncus предотвратит внезапные зловключения; а Conius был всегда склонен давать хорошие советы как этого хотел; Volumnus вдохновляли мужчин с предрасположенностью чтобы делать добро, и Honorus поднял их к почести и награды.

Не обошлось и без особых защитников брачного государства. Пять божеств считались настолько необходимыми, что ни один брак не заключался без просьбы об их благосклонности; это были Юпитер Совершенный, или Взрослый, Юнона, Венера, Суадела [61] и Диана. Югатин связал себя брачными узами; Домидук проводил невесту домой; Домиций позаботился о том, чтобы удержать ее там и не дать ей сбежать за границу; Матурна сохранила супружеский союз в целости; Виргиния [62] ослабила уздечку или пояс; Вириплака была благосклонной богиней, готовой примирить супружескую пару в случае любых случайных разногласий. Матута была покровительницей матрон, ни одной девице не разрешалось входить в ее храм. Замужество всегда считалось единственным почетным состоянием для женщины во времена языческой древности. Богиня Вакуна [63] упоминается Горацием (Lib. 1. Epist. X. 49.) как имеющая свой храм в Риме; крестьяне отмечали ее праздник в декабре, после сбора урожая (Ovid. Fast. Lib. XI).

Древние приписывали определенные части тела определенным божествам; голова была посвящена Юпитеру; грудь - Нептуну; талия - Марсу; лоб - Гению; брови - Юноне, глаза - Купидону; уши - Памяти; правая рука - Фидесу или Веритас; спина - Плутону; колени - Мизерикордии или милосердию; ноги - Меркурию; ступни - Фетиде; а пальцы - Минерве. [64]

Богиней, руководившей похоронами, была Либитина, [65] храм которой в Риме гробовщики снабдили всем необходимым для погребения бедных или богатых; все мертвые тела переносили через Порто-Либитина; и Rationes Libitinae, упомянутые Светонием, почти соответствуют нашим представлениям о смертности.

СНОСКИ:

[39] Либо от *pilum*, пестика; либо от *pello*, чтобы уехать; потому что он обеспечил безопасную доставку.

[40] Она учила искусству рубить дрова топором для разведения огня.

[41] Изобретательница метел.

[42] От изгнания рождения.

[43] Aulus Gellius.

[44] Элийский.

[45] От *странника* как борьбе. См. Авзония, Идиллию 12.

[46] Некоторые отождествляют ее с Реей или Вестой.

[47] У римлян повитуха всегда клала ребенка на землю, а отец или кто-то другой по назначению поднимал его; отсюда выражение *tollere liberos*, воспитывать детей.

[48] У этой богини был храм в Риме, и ее приношениями было молоко.

[49] В июньские календы Карне приносились жертвы из лепешек из бекона и бобовой муки; отсюда они назывались *Fabariae*.

[50] Мальчиков всегда называли на девятый день после рождения, а девочек - на восьмой.

[51] Из *Pavorema vertendo*.

[52] Дома у нее был храм, который всегда был открыт.

[53] У нее был храм без стен.

[54] У Мурсии был свой храм на горе Авентин.

[55] От *abeo* - уходить; и *adeo* - приходить.

[56] Праздник этой богини приходился на сентябрь, когда римляне пили молодое вино, смешанное со старым, в качестве лечебного средства.

[57] От *vitulo* прыгать или продвигаться вперед.

[58] От *voluptas* - удовольствие.

[59] Во время великого мора, уничтожившего их скот, римляне воззвали к этой богине, и она избавила их от чумы.

[60] Изображение представляло собой голову без тела. Гораций упоминает ее (Lib. 1. Epist. XVI. 60). У нее был храм без стен, который дал название Лаверналисским воротам.

[61] Богиня красноречия, или убеждения, которая всегда играла большую роль в успехе ухаживания.

[62] Ее также звали Синксия Юнона.

[63] Она была древним сабинским божеством. Некоторые отождествляют ее с Церерой, но Варрон воображает ее богиней победы.

[64] Из этого распределения возникла, возможно, схема наших современных астрологов, которые относят различные части тела к различным созвездиям или знакам зодиака: например,

голову к Овну, шею к Тельцу, плечи к Близнецам, сердце к Раку, грудь ко Льву и так далее. Мнимые проблемы астрологии всегда были неотделимы от звездного влияния, и зодиак всегда был плодотворным источником ее серьезных заблуждений.

[65] Некоторые путают эту богиню с Прозерпиной, другие - с Венерой.

ГЛАВА VIII.

СУДЕБНАЯ АСТРОЛОГИЯ — ЕЕ ХИМИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ ПРОДЛЕНИЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ — АЛХИМИЧЕСКИЙ БРЕД.

Изучение астрологии, столь лестное для человеческого любопытства, пользовалось популярностью у человечества в очень ранний период, особенно у слабых и невежественных. Первое упоминание о нем, с которым мы встречаемся, находится в Халдее; а в Риме оно было известно под названием "вавилонский расчет", против которого Гораций очень мудро предостерегал своих читателей. [66] Несомненно, это был первый метод предсказания, и, вероятно, он подготовил разум человека ко всем различным методам, применявшимся с тех пор для заглядывания в будущее; поэтому краткий обзор становления этой мнимой науки не может быть неуместным в этом месте, тем более что история этих абсурдов является лучшим методом их опровержения. Другие приписывают изобретение этого обмана арабам; как бы то ни было, судебная астрология [67] слишком часто использовалась священниками и врачами всех наций, чтобы увеличить свою собственную власть и вознаграждение. Они утверждают, что небеса - это одна великая книга, в которой Бог написал историю мира; и в которой каждый человек может прочесть о своей собственной судьбе и событиях своего времени. В этом отделе астрологии (судебной) мы сталкиваемся со всеми праздными домыслами о хорарном правлении планет, доктрине гороскопов, распределении домов, расчете рождений, состояний, счастливых и несчастливых часов и других зловещих фатальностей. Они утверждают, что она возникла из тех же рук, что и сама астрономия; что, в то время как древние ассирийцы, чье безмятежное небо благоприятствовало их небесным наблюдениям, были полны решимости проследить пути и периоды небесных тел, они обнаружили постоянную установившуюся связь или аналогию между ними и вещами внизу; следовательно, они были вынуждены заключить, что это и есть судьбы (Parcae), о которых так много говорили, которые руководят нашим рождением и распоряжаются нашим будущим состоянием.

Египтяне, унаследовавшие свои астрологические суеверия от халдеев, став невежественными в астрономических иероглифах, постепенно стали смотреть на названия знаков как на выражение определенных сил, которыми они были наделены, и как на указания на их различные функции. Солнце, из-за его великолепия и оживляющего влияния, считалось великим двигателем природы; луна занимала второе место по силе, и каждому знаку и созвездию отводилась определенная доля в управлении миром. Баран (Овен [символ: Aries]) оказывал сильное влияние на молодняк стад; весы (Libra [символ: Libra]) не могли внушить ничего, кроме склонности к порядку и справедливости; а скорпион (Scorpio [символ: Scorpio]) возбуждал только дурные наклонности. Короче говоря, каждый знак производил добро или зло, обозначенное его названием.

Таким образом, если бы ребенку случилось родиться в тот момент, когда над горизонтом взошла первая звезда овна (когда, чтобы придать этой бессмыслице вид науки, предполагалось, что звезда оказывает наибольшее влияние), он был бы богат скотом; а тот, кто

войдет в мир под знаком краба, не встретит ничего, кроме разочарований, и все его дела пойдут наперекосяк. Люди должны были быть счастливы, чей царь вошел в мир под знаком Весов; но совершенно несчастны, если бы он появился на свет под ужасным знаком скорпиона. Люди, рожденные под знаком козерога ([символ: Козерог]), особенно если солнце в одно и то же время поднималось над горизонтом, были уверены, что их ждет успех, и они поднимутся вверх подобно дикому козлу и солнцу, которые затем восходят в течение шести месяцев вместе. Лев (Leo [символ: Leo]) должен был производить героев; а дева (Virgo [символ: Virgo]) со своим кукурузным початком вдохновляла на целомудрие и соединяла добродетель с изобилием. Мог бы он что-нибудь более экстравагантное и нелепое!

Точно так же обстояло дело и с планетами, влияние которых основано только на безумном предположении, что они являются обиталищами мнимых божеств, имена которых они носят, и сказочных персонажей, которыми наделили их поэты. Таким образом, Сатурну [символ: Сатурн] они оказывали вялое и даже разрушительное влияние ни по какой другой причине, кроме как потому, что им было приятно сделать эту планету резиденцией Сатурна, который был окрашен в седые волосы и носил косу. Юпитеру [символ: Юпитер] они дали силу даровать короны и даровать долгую жизнь, богатство и величие просто потому, что он носит имя отца жизни. Предполагалось, что Марс [символ: Mars] вызывает сильную склонность к войне, поскольку считалось, что он является резиденцией бога войны. Венера [символ: Venus] обладала способностью делать мужчин сладострастными и любящими удовольствия, потому что им было угодно дать ей имя той, кого некоторые считали матерью удовольствий. Меркурий [символ: Меркурий], хотя и почти всегда невидимый, никогда бы не считался управляющим собственностью государств, а также делами остроумия и коммерции, если бы люди без малейшей причины не дали ему имя того, кто, как предполагалось, был изобретателем гражданского устройства.

Согласно астрологам, сила восходящей планеты значительно увеличивается силой восходящего знака; тогда все благотворные влияния объединяются и падают вместе на головы всех счастливых младенцев, которые в этот момент входят в мир; и все же может ли что-либо быть более противоречащим опыту, который показывает нам, что характеры и события, произведенные людьми, рожденными под одним и тем же аспектом звезд, настолько далеки друг от друга, что являются прямо противоположными.

"Что довершает смех, - говорит аббат Ла Плюш, которому мы обязаны за эти разумные наблюдения, - так это то, что то, что астрономы называют первым градусом овна, весов или стрельца, больше не является первым знаком, который дает плодородие стадам, внушает людям любовь к справедливости или формирует героя. Было обнаружено, что все небесные знаки постепенно отступили от точки весеннего равноденствия и отклонились к Востоку: несмотря на это, точка зодиака, пересекающая экватор, по-прежнему называется первым градусом овна, хотя первая звезда овна находится на тридцать градусов дальше от нее, а все остальные знаки в той же пропорции. Поэтому, когда говорят, что кто-то родился под первым градусом овна, на самом деле это был один из градусов рыб, который тогда показался над горизонтом; и когда говорят, что другой родился с царственной душой и героическим характером, потому что при его рождении планета Юпитер поднялась над горизонтом в соединении с первой звездой стрельца, Юпитер действительно был в то время в соединении со звездой в тридцати градусах к востоку от стрельца, и по правде говоря, именно пагубный скорпион руководил рождением этого счастливого, этого несравненного ребенка ". И так бы

оно и было, как говорит Шекспир, "если бы кот моей матери котенком стал. Это, - говорит наш проницательный бард, - превосходное щегольство мира, что, когда нам не везет (после избытка нашего собственного поведения), мы возлагаем вину за наши бедствия на солнце, луну и звезды; как если бы мы были злодеями по необходимости; дураками по небесному принуждению; мошенниками, ворами и предателями (предательницами) из-за сферического преобладания; пьяницами, лжецами и прелюбодеями из-за вынужденного подчинения планетарному влиянию; и все, в чем мы являемся злом, из-за божественного воздействия на нас. ; восхитительная уловка хозяина шлюхи возложить свои козлиные уловки на плечи звезды! Мой отец смешался с моей матерью под хвостом дракона; и мое рождение произошло под *большой Медведицей*; отсюда следует, что я груб и вероломен. Я был бы тем, кто я есть, если бы самая девственная звезда на небосводе мерцала при виде моего незаконнорождения ". Таким образом, очевидно, что астрология не основана ни на каких принципах, что она основана на баснях и влияниях, лишенных реальности. И все же, какой бы абсурдной она ни была, она завоевала доверие; и чем больше она распространялась, тем больший вред наносился делу добродетели. Вместо проявления благоразумия и мудрых предосторожностей оно заменило их суеверными формами и ребяческими обычаями; оно ослабляло мужество храбрых опасениями, основанными на каламбурах, и поощряло нечестивых, заставляя их возлагать на планету ответственность за те беды, которые происходят только из их собственной порочности.

Но, не довольствуясь подобными нелепостями, разрушающими саму идею свободы, они утверждали, что эти звезды, не имеющие ни малейшего отношения к человечеству, управляют всеми частями человеческого тела, и смехотворно утверждали, что баран господствует над головой, бык - над пищеводом, близнецы - над грудью, скорпион - над внутренностями, рыбы - над ногами и т.д. Фокусы астрологии были превосходно высмеяны Батлером в следующих строках:

Некоторые треплют их по носу перегаром,
Как Данстан трепал бабушку дьявола;
Другие, с символами и словами,
Ловят их, как люди ловят птиц сетями;
А некоторые с символами, приметами и уловками,
Выгравированными на планетных зарубках,
Своим собственным влиянием добудут их
Спуститесь с их орбит, арестуйте и поймите их;
Заставьте их дать показания и ответить на
все вопросы, прежде чем они их отпустят.
Бомбаст держал птицу дьявола
Закрытой в рукояти своего меча,
И обучал ее всем хитрым проделкам
О прошлых и будущих шарлатанах.
Худибрас, часть ii. песнь 3.

С помощью зодиака астрологи делали вид, что объясняют различные расстройства организма, которые, как предполагалось, были в хорошем расположении духа, в соответствии с различными аспектами [68] этих знаков. Упомяну только один пример: они утверждали, что

следует соблюдать большую осторожность при приеме лекарств под Тельцом, или быком; потому что, когда это животное жует свою жвачку, человек не сможет удержать ее в желудке.

У каждого часа дня была также своя управляющая звезда. Число семь, как число планет, приобрело огромное значение. Семь дней в неделе — период времени, передаваемый традицией, случайно совпал с числом планет; и поэтому они дали название планеты каждому дню; и с тех пор некоторые дни недели считались более удачливыми или несчастливыми, чем остальные; и, следовательно, седмижды семь, называемый кульминационным периодом часов, дней или лет, считался чрезвычайно опасным и оказывал удивительное влияние на частных лиц, судьбу принцев и правительство государств. Таким образом, разум человека был огорчен воображаемым злом, и приближение этих моментов, самих по себе столь же безобидных, как и вся остальная его жизнь, силой воображения привело к самым фатальным последствиям.

Более того, влияние планет было распространено и на недра земли, где, как предполагалось, они производили металлы. Отсюда следует, что, когда суеверие и глупость однажды наступают на пятки, никто не натравливает собак на их продвижение. Золото, как само собой разумеющееся, должно быть произведением солнца, и соответствие по цвету, яркости и ценности было наглядным доказательством этого. Исходя из того же способа рассуждения, луна производила все серебро, с которым она была связана по цвету; Марс - все железо, которое должно было быть любимым металлом бога войны. Венера управляла производством меди, которую, как вполне можно было предположить, она производила, поскольку она была в изобилии найдена на острове Кипр, предполагаемой любимой резиденции этой богини. Точно так же другие планеты доминировали над другими металлами. Вялый Сатурн властвовал над свинцовыми рудниками, а Меркурий, благодаря своей активности, управлял ртутью; в то время как олово было в ведении Юпитера, поскольку это был единственный металл, оставшийся ему в наследство, что, по-видимому, было своего рода "выбором Хобсона".

Это объясняет способ, которым металлы получили названия планет; и исходя из этого мнения, что каждая планета породила свой особый металл, они в конце концов пришли к выводу, что, поскольку одна планета была более могущественной, чем другая, металл, произведенный самой слабой, был преобразован в другую под преобладающим влиянием более сильного светила.

Свинец, хотя и был действительно металлом и таким же совершенным в своем роде, как любой другой, считался металлом лишь наполовину, который вследствие слабого влияния старого Сатурна остался несовершенным; и, следовательно, под покровительством Юпитера он был превращен в олово; под покровительством Венеры - в медь; и, наконец, в золото, при некоторых особых аспектах солнца. Отсюда, в конце концов, возникло экстравагантное мнение алхимиков, которые с поразительной проницательностью пытались найти средства для ускорения этих изменений или трансмутаций, которые, по их мнению, планеты совершали слишком медленно. Мир, однако, в конце концов убедился, что искусство алхимика столь же неэффективно, как и влияние планет, которые, как известно, за долгую череду веков ни разу не превращали свинцовый рудник в рудник олова или какого-либо другого металла. [69]

Первый известный нам автор, который говорит о получении золота путем превращения одного металла с помощью алкахеста [70] в другой, - это Зозим Помополит, живший примерно в начале пятого века, и у которого есть трактат, посвященный этому, под названием "Божественное

искусство изготовления золота и серебра", в рукописи, который, как и прежде, находится в библиотеке короля Франции.

Что касается универсальной медицины, которая, как говорят, зависит от алхимических исследований, мы не обнаруживаем более ранних или более ясных следов, чем у этого автора и у Энея Газея, другого греческого писателя, ближе к концу того же столетия; [71] также среди врачей и материалистов, от Моисея до араба Гебера, [72] который, как предполагается, жил в седьмом веке. В работе этого автора, озаглавленной "Философский камень", упоминается лекарство, которое излечивает все болезни, вызванные проказой. Этот отрывок, как полагают некоторые авторы, дал первый намек на суть дела, хотя сам Гебер, возможно, не имел в виду ничего подобного; поскольку, учитывая арабский стиль и дикцию этого автора, изобилующие аллегориями, весьма вероятно, что под человеком он подразумевает золото, а под проказой или другими болезнями - другие металлы, которые по отношению к золоту все нечистые.

Происхождение и древность алхимии вызывали много споров. Если можно поставить в заслугу легенду и предание, они должны быть такими же древними, как всемирный потоп — более того, сам Адам, как представляется, был алхимиком. Предполагается, что большая часть не только языческой мифологии, но и еврейских Священных Писаний относится к этому. Таким образом, у Суидаса [73] будет ссылка на басню о философском камне в "басне об аргонавтах"; а другие находят ее в книге Моисея, а также в других отдаленных местах. Но если эпоху этого искусства исследовать с помощью исторического теста, оно утратит большую часть своей воображаемой древности. Суидас объясняет полное молчание об алхимии среди древних авторов тем, что Диоклесиан приказал сжечь все книги древних египтян; и что именно в них содержались великие тайны химии. [74] Керхер утверждает, что теория философского камня широко представлена в таблице Гермеса, и древние египтяне не были невежественны в этом искусстве, но отказались от его изучения.

СНОСКИ:

[66]

—— nec Babylonios Tentaris numeros.—Lib, 1. ad XI.

То есть не обращайтесь к таблицам планетных расчетов, используемым астрологами вавилонского происхождения.

[67] Эта гипотетическая наука делится на естественную и юридическую. Первый ограничивается изучением природных явлений, таких как смена погоды, ветры и штормы - ураганы, раскаты грома, наводнения, землетрясения и тому подобное. В этом смысле она признана частью натуральной философии. Именно с этой точки зрения Гуд, Бойль и Мид выступили за ее использование. Первая пытается объяснить разнообразие времен года на основе положений, привычек и движений планет; и объяснить бесконечное количество явлений путем созерцания звезд. Достопочтенный мистер Бойль признавал, что все физические тела находятся под влиянием небесных тел; и мнение доктора в его трактате о силе солнца, луны и т.д. Свидетельствует в пользу этой доктрины. Но эти предсказания и влияние высмеиваются и полностью опровергаются наиболее уважаемыми современными философами, с учеными образцами которых читатель может ознакомиться в Трактате Рохо. Физика. раздел II. с 27.

[68] Под аспектом следует понимать угол, образованный лучами двух планет, встречающихся на земле, способный проявлять некоторую природную силу или влияние.

[69] Те, кто желает прочитать любопытный памятник безумств алхимиков, могут обратиться к дневнику Элиаса Эшмоула, который является скорее историком этой тщетной науки, чем адептом. Возможно, литературный досуг развлечет перелистывание его тома в кварто, в котором он собрал труды нескольких английских алхимиков, к которым он приложил свои комментарии. Это дает любопытные образцы розенкрейцерских мистерий; и он рассказывает истории, которые соперничают за чудесные, с самыми дикими фантазиями арабского вымысла.

[70] Алкахест в химии (устаревший термин) означает чистейший и универсальный менструум или растворитель, с помощью которого некоторые химики претендуют на разложение всех тел на их первичные элементы и выполнение других экстраординарных и необъяснимых операций.

[71] У этого автора мы находим следующий отрывок: "Те, кто искусен в делах природы, могут брать серебро и олово и, изменяя их природу, могут превращать их в золото". Он также сообщает нам, что "имел обыкновение называть себя *плавильщиком золота и химиком*".

[72] Основными авторами по алхимии являются Гебер, Араб, монах Бэкон, Салли, Джон и Исаак Халленды, Бэзил Валентайн, Парацельс, Ван Зухтер и Сендиругиус.

[73] Коррингиус ставит это утверждение под сомнение и спрашивает, откуда Суидас, проживший между ними всего пятьсот лет, должен знать, что произошло за восемьсот лет до него? На что датчанин Боуррихиус отвечает, что он узнал об этом от Эвдема, Элладия, Зозима, Памфилия и других, как рассказывает сам Суидас.

[74] Не похоже, что египтяне превращали золото; у них были способы извлекать его из всех видов тел, из самой грязи Нила и из камней всех видов; но, добавляет Керчер, эти секреты никогда не записывались и не предавались огласке, а ограничивались королевской семьей и традиционно передавались от отца к сыну.

ГЛАВА IX.

АЛХИМИЧЕСКАЯ И АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ ХИМЕРА.

Объяснив до сих пор хрупкую основу, на которой, можно сказать, зиждилось человеческое познание во времена безвестности и варварства средневековья, когда прогрессу истинного знания препятствовали самые абсурдные фантазии и ребяческое тщеславие, когда догадки, капризы и мечты заменяли самые полезные науки и самые важные истины, последующие иллюстративные размышления могут послужить руководством, чтобы направить внимание читателя на другие заблуждения, возникшие из общего хаоса.

Химия, наука, столь необходимая для объяснения явлений известных и неизвестных веществ, изучалась главным образом фокусниками и фанатиками; их системы, изобилующие метафизической бессмыслицей и составленные из самых грубых и разнородных материалов, служили скорее питанию суеверий, чем установлению фактов и иллюстрации полезных истин. Универсальные средства правовой защиты в различных формах встречали ярых защитников и введенных в заблуждение потребителей. Путь точных наблюдений и экспериментов был оставлен: вместо того, чтобы проникнуть в таинственные тайники природы, они запутались в лабиринте причудливых умозаключений; они переступили границы здравого смысла,

скромности и правды; и слепой вел слепого. Продление жизни также больше не стремилось к тому, чтобы соответствовать велениям природы; даже эта интересная отрасль человеческих занятий была поставлена на службу химии, или, скорее, запутанной системе алхимии. Первичная материя рассматривалась как элементарная причина всех существ, с помощью которой они ожидали буквально творить чудеса, превращать основу в благородные металлы, превращать человека в его животное состояние с помощью химических процессов, делать его более долговечным и предохранять от преждевременного упадка и разложения. Миллионы сосудов, реторт и склянок подвергались либо воздействию сильнейшего искусственного жара, либо естественному солнечному теплу; либо их закапывали в навозную кучу или другую зловонную массу с целью привлечения этого *исходного вещества* или получения его из разлагающихся веществ.

Поскольку металл, называемый золотом, всегда имел наивысшую ценность, эти грубые философы пришли к выводу на основе нелепой аналогии, что его ценность в отношении сохранения здоровья и излечения болезней также должна превосходить ценность всех других средств. Изобретательным искусством растворения его, чтобы сделать пригодным для питья и предотвратить повторное превращение в металл, занималось множество деловитых идиотов не только в укромных уголках, но и в великолепных лабораториях великих. Монархи, магистраты, советники и самозванцы, пораженные общим безумием, вступали в дружбу и союзы, создавали частные братства и иногда доходили до такой степени расточительности, что вовлекали себя и свое потомство в разорительные долги. Истинной целью многих, несомненно, было удовлетворение своей алчности и желания возвеличиться: хотя этот зловещий мотив скрывался под благовидным предлогом поиска лекарства, которое могло бы послужить жизненной настойкой как для здоровых, так и для больных, все же некоторыми из этих капризных смертных двигали более благородные мотивы, ревностные только к интересам истины и благополучия своих ближних.

Простые люди в некоторых странах, особенно в Италии, Германии и Франции, часто отказывали себе в предметах первой необходимости, чтобы сэкономить столько, сколько хватило бы на покупку нескольких капель золотой настойки, которую предлагал на продажу какой-нибудь суеверный или мошеннический аптекарь: и они были настолько глубоко убеждены в эффективности этого средства, что оно давало им в каждом случае самую верную и единственную надежду на выздоровление. Эти благотворные эффекты были положительно обещаны, но ожидалось напрасно. всемогущая смерть не поддавалась подкупу золотом, а болезнь отказывалась поддерживать какие-либо отношения с этим могущественным божеством, которое управляет промышленностью и торговлей всех наций.

Однако, поскольку эти разнообразные и почти бесчисленные эксперименты часто приводили к полезным изобретениям в области искусств и мануфактур; и поскольку благодаря этому случайно было открыто много химических средств реальной ценности, огромное и почти всеобщее внимание к этим смелым разработчикам постоянно поддерживалось. Действительно, мы в долгу перед их любопытными наблюдениями или, скорее, возможно, перед случайностью за несколько ценных лекарств, превосходство которых невозможно оспорить, но которые, тем не менее, требуют большей осторожности при их использовании и прикладывании, а также большей проницательности и усердия в исследовании их природы и свойств, чем могли или хотели позволить себе первоначальные составители таких изделий. Все их попытки продлить жизнь искусственными средствами не могли сопровождаться благотворными эффектами; и

применение изобретенных таким образом средств во многих случаях неизбежно оказывалось пагубным для здоровья пациента.

В доказательство этого утверждения будет достаточно дать краткий обзор различных взглядов золотопромышленников, розенкрейцеров, изготовителей астральных солей, капель жизни и золотых настоек, охотников за философским камнем и других столь же абсурдных химер.

Некоторые из этих экстравагантных энтузиастов воображали, что жизнь подобна пламени, от которого тело черпает тепло, дух и одушевление. Они старались поддерживать и усиливать пламя и снабжали тело материалами для его подпитки, подобно тому как мы наливаем масло в горящую лампу. Другие воображали, что обнаружили нечто невидимое и бестелесное в воздухе, ту важную среду, которая поддерживает жизнь человека. Они притворялись, что ловят, очищают, уменьшают и материализуют это неопределимое нечто, чтобы его можно было проглотить в виде порошков и капель; чтобы благодаря своей проникающей способности оно могло проникнуть во все животное тело, взбодрить и, следовательно, продлить его жизнь.

Другие снова были достаточно глупы, чтобы тешить себя мыслью, что они могут лишиться свойств материи в течение этой жизни; что таким образом они могли бы защититься от постепенного разложения, которому подвержено каждое животное тело; и что, укрепленные таким образом, не покидая своей земной обители, они могли бы по своему желанию общаться с обитателями духовного мира. Сам священный том был истолкован и прокомментирован алхимиками с целью подчинить его своим намерениям. Неоспоримые исторические факты, изложенные в этой бесценной книге, рассматривались ими как иероглифические символы химических процессов, а фундаментальные истины христианской религии были применены бессмысленным и богохульным образом для производства золота и перегонки эликсира жизни.

В мир духов также вторглись и призвали их, так сказать, для того, чтобы они способствовали продлению человеческой жизни. Предполагалось, что духи властвуют над воздухом, огнем, землей и водой; они были разделены на различные классы, и каждому приписывались особые заслуги. Злонамеренным духам противостояли и противодействовали различными средствами предотвращения: добрые и покровительствующие были вынуждены подчиняться своего рода мягкому, невольному рабству. От невидимых существ ожидалось и требовались видимые средства помощи — богатство, здоровье, друзья и долгая жизнь. Таким образом, несчастные души подвергались нечестивому обращению, более того, иногда суровому наказанию и даже жестокой порке, когда они проявляли признаки недовольства или отсутствия безоговорочной верности.

Поскольку люди таким образом, в своей слабости и безумии, покинули пределы этой земной сферы, легко поверить, что с помощью буйного воображения они совершили бы переход в высшие области — к небесным телам и звездам, которым, действительно, они приписывали не меньшую власть, чем власть вершить судьбы людей, и которые, следовательно, должны были сыграть значительную роль в сокращении или продлении продолжительности человеческой жизни — каждая нация или королевство были подчинены власти своей конкретной планеты, время правления которой было ограничено. определенный; и ряд восходящих сил были фиктивно созданы с целью подчинить своему влиянию все, что было произведено и рождено под его управлением. Профессора астрологии выступали в качестве доверенных лиц этих невидимых правителей и толкователей их воли; они были хорошо сведущи в искусстве придавать респектабельный вид этому узурпированному достоинству. При условии, что они

могли точно установить час и минуту рождения человека, они уверенно брали на себя смелость предсказать его умственные способности, будущие превратности судьбы и болезни, которые его посетят, а также обстоятельства, день и час его смерти. [75]

Не только простые люди, но и лица самого высокого ранга и положения, более того, даже люди, наиболее выдающиеся своим положением и способностями, поклонялись этим "богам своего идолопоклонства" и жили в постоянном страхе перед их оккультными силами. С озабоченным выражением лица и внимательными ушами они слушали волшебные излияния этих мнимых оракулов, которые предсказывали светлые или мрачные дни будущего. Даже врачи заботились о том, чтобы получить назначение не менее прибыльное, чем респектабельное: за ослепительными сокровищами Маммоны они забыли, что по сути своей являются учениками природы. Любознательный студент в университетах повсюду находил публичных лекторов, которые брались обучать его глубоким искусствам гадания, хиромантии и *икаббале*.

Среди других примеров приводится следующий анекдот о знаменитом Турнейзене, который в семнадцатом веке занимал в Берлине респектабельные должности придворного печатника, книготорговца, составителя календарей, астролога, химика и первого врача. Ежедневно прибывали гонцы из самых респектабельных домов Германии, Польши, Венгрии, Дании и даже из Англии с целью посоветоваться с ним относительно будущей судьбы их новорожденных младенцев, сообщить ему о часе рождества и попросить его совета и указаний относительно управления ими. Многие тома этой уникальной переписки до сих пор хранятся в королевской библиотеке в Берлине. Бизнес этого удачливого адепта рос так быстро, что он счел необходимым нанять ряд младших помощников, которые вместе со своим учителем сколотили значительные состояния. Он умер с высокой репутацией и благосклонностью у своих суеверных современников.

Знаменитый Меланхтон верил в судебную астрологию и толковал сны. Ришелье и Мазарини были настолько суеверны, что наняли и отправили на пенсию Морена, еще одного претендента на астрологию, который предсказал происхождение этих двух способных политиков. Да и сам Тацит, который обычно кажется выше суеверий, не был запятнан этим безумием, как можно видеть из двадцать второй главы шестой книги его "Анналов".

Во времена гражданских войн астрология пользовалась высокой репутацией. У роялистов и повстанцев были свои астрологи, так же как и у их солдат, и предсказания первых оказывали большое влияние на последних. Когда Карл первый был заключен в тюрьму, к знаменитому астрологу Лилли обратились за советом относительно часа, благоприятствующего его побегу; и в Истории Бернета о его собственном времени есть история, которая убедительно доказывает, насколько Карл II был фанатичен в отношении судебной астрологии, человек, хотя и король, чей ум ни в коем случае не был непросвещенным. Самые респектабельные персонажи того времени, сэр Уильям Дагдейл, Элиас Эшмоул, [77] доктор Гроу и другие, были членами астрологического клуба. Предусмотрительный персонаж Конгрива, Влюбленный в ответ на любовь, тогда не был редкостью, хотя юмор его сейчас едва ли понятен. Драйден назвал происхождение своих сыновей, и что примечательно, его предсказание, касающееся его сына Чарльза, сбылось. Поскольку инцидент произошел так поздно, можно было бы надеяться, что он был бы прояснен; но, если это факт, следует признать, что он вызывает рациональное ликование у своих иррациональных адептов. Астрологи часто, как легко понять, теряли рассудок, когда их предсказания не сбывались. Один из ремесленников предсказал Сильные

ветры примерно в 1586 году. Однако никаких необычных штормов не произошло. Боден, чтобы спасти репутацию искусства, применил его в качестве иллюстрации к некоторым революциям в государстве, примеров которых в то время было предостаточно.

В начале 18 века *иллюминаты*, секта астрологов, вызвали значительную сенсацию на континенте. Сочетая философию с энтузиазмом и соединяя со знанием каждого химического процесса глубокое знакомство с астрономией, их влияние на суеверные чувства людей было огромным; и во многих случаях увлечение сопровождалось фатальными последствиями. Мы расскажем следующее, поскольку это ближе к дому, чем многие из тех, кто сейчас перед нами.

ГОРОСКОП, СКАЗКА О ЗВЕЗДАХ.

На вершине скал Святого Винсента, в окрестностях Клифтона, с видом на Эйвон, лениво катящий свои воды к Бристольскому каналу, стоит здание, известное под названием "Прихоть Кука". Он состоит из единственной круглой башни и издали кажется скорее остатком какого-то обширного здания, чем законченным и совершенным сооружением в том виде, в каком оно существует сейчас. Он был построен более двух столетий назад человеком по имени Морис Кук; на самом деле не как надежное убежище от рук смертельного врага, а как убежище от превратностей судьбы. Он был владельцем обширных поместий по соседству; и когда его супруга была беременна своим первым ребенком, однажды вечером, прогуливаясь по их владениям, она встретила странного на вид цыгана, который, приставая к ней с просьбой о подавании, получил лишь небольшую сумму. Мужчина повертел монету в руке и попросил подарок побольше. "На это, - сказала дама, - вам пока хватит еды".

"Госпожа, - сказал цыган, - мне нужна пища не для моего несчастного тела; для этого достаточно полевых трав и воды из канавы. Я просил у вас милостыню для высших целей. Не сомневайся во мне, если моя осанка горже моих одежд; не сомневайся в силе моего запавшего глаза, когда я говорю тебе, что могу читать по небесам, поскольку они связаны с судьбами людей. Ученому его роговая книга знакома не больше, чем небеса, насколько мне известно.

"Как, ты астролог?" — "Да, леди! мои отцы были такими до меня, даже во времена, когда у нашего народа был дом среди пирамид могущественных — во времена, когда, как вам говорят, более могущественные пророки израильтян приводили в замешательство египетских прорицателей; пустые рассказы! но если это правда, то сейчас все безрассудно. Рассеянные сыновья Иуды теперь так же опустошены, как и мы сами; но они склоняются перед законами и обычаями другой земли — мы остаемся в своей суровой твердости".

"Тогда, - возразила дама, - если я дам тебе еще денег, как они будут использованы?"

- Это невежливый вопрос, но я отвечу на него. Самый искусный мастер не может работать без своих инструментов, а некоторые из моих сломаны, и я стремлюсь починить их: будет достаточно еще одной коронки".

Дама вложила ему в руку требуемую сумму и в то же время выразила желание приобрести образец его искусства.

"О! с какой целью это должно быть? зачем, зачем стремиться узнать курс будущего? судьба течет стремительным и неудержимым потоком. Не спрашивай, какие скалы поджидают твою лодку: знание не поможет тебе, ибо осторожность бесполезна против суровой необходимости".

— "Воистину, ты вряд ли разбогатеешь на своем ремесле, если будешь таким образом отпугивать покупателей". — "Я тружусь не ради богатства: я одинок на земле, и мне некого любить. Я не буду смешиваться с миром, чтобы не научиться ненавидеть. Этот подарок ничего не значит для меня. Именно в общении с духами, жившими в минувшие времена, и со звездами — историками грядущих времен — я испытываю настоящую радость. Дураки иногда требуют от меня напряжения сил, а иногда я удовлетворяю их детское любопытство. — "Несмотря на то, что меня обвиняют в безумии, я прошу вас предсказать мне судьбу ребенка, которого я рожу". — "Что ж, вы обязали меня, и я подчинюсь. Обратите внимание на драгоценный момент, когда он появляется на свет, и вскоре после этого вы снова увидите меня".

Через неделю рождение наследника вызвало шумную радость вассалов, и они вызвали странного цыгана, чтобы выяснить необходимые детали. Узнав об этом, он вернулся домой и на следующий день вручил сэру Морису свиток, содержащий следующие строки:

"Двадцать раз будет прилив Эйвона"
Цепями из сверкающего льда будут закованы —
Двадцать раз леса Ли
Помашут своими бранчами, меррил
Весной расцвети в мантии веселой,
И танцуй в палящих лучах лета:
Двадцать раз нахмурится осень,
Иссушит всю их зелень до коричневого цвета —
И все еще будешь вчерашним ребенком
Будем смеяться весь этот счастливый час напролет.
Этот период прошел, другое солнце
Разве его ежегодное путешествие не будет проходить
Перед Лицом тайного молчаливого врага,
Который нанесет этому мальчику смертельный удар.
Такова и наверняка будет его судьба:
Не стремись изменить свою судьбу".

Рыцарь прочел его; и в ту эпоху, когда астрология считалась наукой столь же безошибочной, как священные пророчества, усомниться в истинности предсказания было бы немногим меньшим, чем неверие. Сэр Морис, однако, был достаточно умен, чтобы утаить бумагу от своей супруги, и в ответ на ее расспросы постоянно утверждал, что цыган был самозванцем и что целью его выдвижения было просто увеличить ее подаяние.

Обреченный ребенок рос здоровым и красивым; и поскольку мы, как правило, сильнее привязываемся к удовольствиям пропорционально краткости продолжения рода, то печальная судьба его сына еще прочнее запечатлела его в сердце сэра Мориса. Часто удивленная леди с удивлением наблюдала за выражением лица своего мужа, когда, наблюдая за милой резвостью мальчика, его лицо, сначала озаренное улыбкой отеческой любви, постепенно омрачалось глубочайшей печалью, пока, не будучи в силах сдержать слезы, он не покрывал ребенка ласками и не выбегал из комнаты. На все расспросы сэр Морис отвечал молчанием или уклончиво.

Мы пропустим детство юного Уолтера и продолжим повествование с того периода, когда ему шел двадцатый год. Его мать к тому времени умерла и оставила еще двоих детей, обеих девочек, которые, однако, мало разделяли любовь своего отца, которая была почти исключительно сосредоточена на Уолтере и, казалось, набирала силу по мере приближения рокового времени.

Не следует предполагать, что он не принял никаких мер предосторожности против предсказанного события. Иногда Хоуп предполагал, что, возможно, в гороскопе была допущена ошибка или что астролог, возможно, проглядел какой-то знак, который обусловил это обстоятельство; и в согласии с последней идеей он решил воздвигнуть прочное здание, где в течение года, в течение которого должна была свершиться его судьба, Уолтер мог бы оставаться в одиночестве. Соответственно, он дал указания возвести единственную башню, специально построенную для предотвращения проникновения посторонних, кроме как с разрешения ее обитателей. Назначение этого странного здания, однако, он держал в секрете, и его соседи, после многочисленных тщетных догадок, дали ему название "Прихоть Кука".

Самого Уолтера держали в полном неведении по этому поводу, и на все его расспросы отвечали слезами. Наконец башня была достроена и обставлена всем необходимым для комфорта; и накануне того, как Уолтеру исполнилось двадцать лет, сэр Морис показал ему цыганский свиток и попросил воспользоваться приготовленным для него убежищем до истечения года. Уолтер поначалу отнесся к этому вопросу легкомысленно, посмеялся над пророчеством и заявил, что не потерял бы и года свободы, даже если бы все астрологи мира прокаркали свои нелепые пророчества против него. Однако, видя, что его отец так серьезно взялся за это дело, его решимость начала ослабевать, и в конце концов он согласился на это соглашение. Таким образом, в шесть утра следующего дня Уолтер вошел в башню, которую он запер изнутри настолько прочно, насколько позволяли железные буры, и которая была закреплена снаружи столь же прочно. Он вступил во владение своей добровольной тюрьмой с меланхолическим чувством, вызванным скорее потерей настоящего удовольствия, чем страхом перед будущей болью. Он вздохнул, глядя на раскинувшиеся перед ним обширные владения, и подумал, как грустно было бы услышать радостный звук рога, созывающего его товарищей на охоту, и обнаружить, что сам он не может присутствовать при этом — слышать, как зимний ветер завывает вокруг его башни и мечется между скалами под ним, и скучать по веселой песне и шуточкам, которые обычно делали даже звук трубы приятным. Конечно, он проводил время настолько приятно, насколько позволяли обстоятельства. В часы приема пищи он складывал в корзину все, что было в этом сезоне роскошного. Его отец и сестры ежедневно подолгу беседовали с ним снизу, и танцовщицы морриса часто вызывали у него смех своими гротескными движениями.

Так проходили недели и месяцы, а Уолтер по-прежнему был здоров и весел. Его собственные надежды и надежды его сестер оживились, но тревога сэра Мориса возросла. Приближался день, который должен был вернуть его сына в его объятия в полной безопасности или исполнить предсказание, оставившее его без наследника его имени и почестей.

Накануне днем Уолтер постоянно пытался подбодрить своего родителя, рассказывая о том, что он собирается делать завтра; просил сестер разослать всех своих друзей, чтобы он мог еще раз размять конечности в веселых танцах; и продолжал говорить о будущем с такой уверенностью, что даже сэр Морис уловил искру надежды в пылком настроении юноши.

Когда наступила ночь, и сестры собрались уходить, пообещав разбудить его песней в шесть, в ответ на их обычный вопрос, не нужно ли ему чего-нибудь еще в этот вечер, "Ничего, - сказал он, - и все же ночь холодная, а у меня осталось мало топлива — пришлите мне еще один хворост". Ему прислали это письмо, и, когда он достал его, "Это, - сказал он, - последний раз, когда мне приходится нырять за водой, как старухе за водой: слава Богу! ибо это изнурительная работа для руки".

Сэр Морис все еще стоял под окном, беседуя со своим сыном, который в конце концов пожаловался на холод и сонливость. - Марк, - сказал он, закрывая окно, - Марк, отец мой, Марс, звезда моей судьбы, сегодня улыбается, все будет хорошо. Сэр Морис поднял голову — темное облачное пятно внезапно пересекло планету, и он вздрогнул от этого предзнаменования. Встревоженный отец не мог покинуть это место. Во сне он знал, что заискивать бесполезно, и поэтому решил остаться там, где был. Размышления, занимавшие его ум, постоянно менялись: в какой-то момент он нарисовал себе гордую карьеру своего энергичного мальчика, известного и вызывающего восхищение у сильных мира сего своего времени; мгновение спустя он увидел, что предсказание сбылось и дитя его любви лежит в могиле. Кто может понять его чувства, когда час тянулся за часом, пока он ходил взад и вперед, наблюдая за пламенем пожара в башне, когда оно разгоралось и снова угасало, то расхаживая по двору торопливыми шагами, то горячо молясь о спасении своего сына? Час настал. Соборный колокол тяжелым ударом отозвался в сердце отца, которое не могли облегчить веселые голоса его дочерей, которые, полные надежды, прибежали к подножию башни. Они подняли глаза, но Уолтера там не было; они позвали его по имени, он не ответил. "Нет, - сказал младший, - это всего лишь шутка; он думает напугать нас, но я знаю, что он в безопасности". Слуга принес лестницу, по которой он взобрался и заглянул в окно. Сэр Морис стоял неподвижно и молча. Он поднял глаза, и мужчина ответил на тревожное выражение его глаз. "Он спит", - сказал он. - Он мертв! - пробормотал отец.

Слуга разбил оконное стекло и, открыв створку, вошел в комнату. Отец, сменив свою мрачную невозмутимость на бешеную тревогу, бросился вверх по лестнице. Слуга отбросил занавески и одежду, и глазам сэра Мориса предстал его сын, лежащий мертвым, со змеей, обвившейся вокруг его руки, и залитым кровью горлом. Рептилия подкралась к тому пидору, которого послал ему последний, и исполнила пророчество.

К этому счастливому усилию воображения, направленному на то, чтобы заглянуть в будущее, можно добавить, с тем же намерением.

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ОТЦЕУБИЙСТВО; ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА О ЗВЕЗДАХ.

Ибрагим был повсеместно известен своим богатством и великолепием. Его армии были грозны, победы блистательны, а казна неисчерпаема. Более того, он наслаждался тем, что было в десять тысяч раз прочнее и ценнее богатства, — любовью и почитанием своих подданных; и у него была красивая молодая жена, в одной только милой нежности которой он мог найти счастье — если счастье вообще возможно найти на земле. Все эти преимущества давали Ибрагиму право называться Соломоном своего времени; и все же Ибрагим не был счастлив. Сын хотел увенчать его счастье. Тщетно сердце, сформированное для всех благотворительных акций супружеского государства, пыталось восполнить отказ природы усыновлением сына; тщетно благодарность пыталась обмануть его сердце ласками, которые любой другой счел бы естественными проявлениями сыновней чувствительности, сыновнего благочестия и

привязанности; это сердце постоянно ощущало в себе одиночество. Даже утешительные видения надежды стали появляться все реже, когда небеса наконец услышали его молитвы, увы! в тот самый миг, когда Фортуна исполняет наши самые заветные желания, она часто предает нас; и ее улыбки в тысячу раз более губительны, чем ее хмурые взгляды. Рождение принца было отмечено по всей империи обычными публичными проявлениями радости. Счастье Ибрагима было полным. Он постоянно прокручивал в уме чувства и надежды, которые нация сформирует в отношении царственного младенца. Едва он появился на свет, как отеческая забота охватила, так сказать, всю его жизнь. Горю нетерпением узнать свою судьбу, этот озабоченный устремился в будущее, полный решимости, если возможно, вырвать у времени тайны, седовласым хранителем которых он был.

Во владениях Ибрахима были некоторые мудрецы, особо почитаемые доверием небес. Он приказал им обратиться к звездам и сообщить свой ответ. "Трепещи, - сказали мудрецы, - ты, несчастный отец, трепещи! Никогда прежде небеса не приносили таких неблагоприятных предзнаменований. Позволь ему улететь; позволь этому сыну, слишком дорогому для тебя, улететь; позволь ему избегать, по возможности, встречи с любыми дикими зверями. Его седьмой год - роковой; и если это случится тогда, чтобы избежать нависшего над ним несчастья, ах! не желаю, чтобы он жил. Его отец, тот самый его отец, не сможет спастись от руки отцеубийцы".

Этот ответ поверг султана в глубочайший ужас. Однако он не впал в абсолютное уныние; вскоре к нему вернулось мужество. Он решил принять все меры предосторожности, какие только могла подсказать отеческая нежность, чтобы опровергнуть предсказание астрологов. Поэтому он приказал построить нечто вроде подземного дворца на вершине высокой горы. Труд и затраты на раскопки были огромными. Были образованы обширные аллеи с множеством квартир, в которых было предусмотрено все, что могло способствовать удобствам и даже роскоши жизни. В этой великолепной пещере Ибрагим как бы похоронил своего сына вместе с его гувернанткой, в чьей заботе и верности он не сомневался. Туда постоянно доставляли провизию в установленные сроки. Король ни на один день не забывал посетить гору, где находилось его любимое сокровище, и убедиться в его безопасности собственными глазами. С каким восторгом наблюдал он за растущей красотой своего сына! С каким удовольствием и восторгом он слушал его жизнерадостные остроты, его изящные реплики и те милые *пустяки*, которые отец, в частности, любит вспоминать и повторять; над которыми может улыбнуться самая суровая серьезность и которые достойны понимания более зрелых лет. Он постоянно считал часы и минуты, которые ему предстояло провести со своим сыном, и непрестанно упрекал себя за то, что не видит его чаще.

Шах Аббас, ибо таково было его имя, наконец достиг своего седьмого года, того рокового года, который Ибрагим хотел бы отсрочить даже ценой своей короны. Он ни на минуту не оставил бы своего сына. Но, увы! возможно ли избежать нашей судьбы? Вызванный однажды в свой дворец по самым неотложным делам, он покинул гору с крайней неохотой. Никогда еще шах Аббас не казался таким дружелюбным в глазах своего отца, никогда Ибрагим не проявлял такой нежности к своему сыну! Каждого терзало тревожное чувство, необъяснимое предчувствие, что они больше не встретятся здесь!

Несколько разбойников охотились на диких зверей: азарт преследования привел их на эту гору. Лев, убежавший от них, заметил подземный ход и укрылся в нем. Разбойники, которые не

осмелились последовать за ним, однако, ждали продолжения этого приключения. Внезапно они услышали яростный крик, и вскоре все стихло. Эта тишина подсказала им, что в пещере теперь находится не живое существо, а лев. Они сбросили вниз некоторое количество камней, которые вскоре положили конец существованию грозного животного. Затем они спустились в пещеру, обезопасив себя от дальнейшей опасности со стороны льва, отрубив ему голову. Бродя по каждой части этого подземного дворца, они были поражены невероятными богатствами, которые увидели. Они увидели зарезанную женщину: это была гувернантка принца. Рядом с ней лежал окровавленный ребенок, который, однако, подавал некоторые признаки жизни. Они осмотрели его раны: ни одна из них не была опасной. Предводитель этих бандитов, после того как вынес из пещеры все ценное содержимое, сам перевязал раны молодого принца и произвел исцеление. Растущие качества шаха Аббаса расположили к нему вожда, который принял его как своего сына и отличал его как такового всей нежностью отцовского сердца.

Прошло несколько лет с тех пор, как Ибрагим впервые оплакал потерю сына, который, постоянно пребывая в неведении относительно имени и титулов своего отца, не смог объяснить грабителям свое происхождение и вскоре должен был стать их главарем. Таковы были необъяснимые капризы судьбы, которые привели к исполнению пророчества, обрекшего его однажды стать отцеубийцей. Ибрагим имел обыкновение утешать свое горе удовольствиями охоты, и вскоре это упражнение стало почти его единственным занятием. Однажды вечером, когда он забрел с очень небольшим эскортом в ущелья очень уединенной горы, на него набросилась банда разбойников. Какое-то время битва была яростной. Стрела пронзила короля; это пробудило дух мести в его приближенных, и они сражались, полные решимости победить или умереть. Вскоре они одержали победу. Убийца был схвачен и доставлен в столицу, чтобы понести наказание за свое преступление.

Ибрахим, находясь на смертном одре, призвал к себе астрологов и обратился к ним с такими словами: "Вы сказали мне, что я должен был погибнуть от руки сына; но это рука разбойника нанесла удар". — "Сир, - ответили мудрецы, - воздержитесь от поисков объяснения. Грабитель"... Они не идут дальше. Появляется молодой грабитель и рассказывает свою историю. Ибрагим, в то время как он склонился в покорности Богу и преклонялся перед Его непостижимыми указами, благословил Его также за то, что он вернул к жизни его сына; и слезы, которые он видел, текущие из глаз шаха Аббаса, были утешением в его последние минуты.

ПРИМЕНЕНИЕ АСТРОЛОГИИ К ПРОДЛЕНИЮ ЖИЗНИ И т.д.

Астрология также служила средством продления человеческой жизни; но как искусство, определяющее судьбу смертных и устанавливающее непреодолимые пределы могилы, могло быть последовательно подчинено такой цели, мы, скорее, не в состоянии понять, если не объяснить следующим образом. Учителя прорицания утверждали, что не только люди, но и все природные объекты, растения, животные, более того, даже целые страны, включая каждое место и семью, находятся под управлением какой-то определенной планеты. Как только мастера оккультной науки определяли по своим таблицам, под каким созвездием возникло несчастье или нездоровье того или иного человека, не требовалось ничего большего, чем переселиться в жилище, управляемое противоположной планетой, и ограничивать себя исключительно такими продуктами питания и питьем, которые находились под влиянием другой звезды. Таким искусственным образом они ухитрились сформировать систему или своеобразную классификацию планет, а именно Лунную, Солнечную, Меркурианскую и тому

подобное — и, следовательно, возникла запутанная карта продиктованных правил, которые, если рассматривать их применительно к целям здоровья, чистоты, физических упражнений и т.д., составляют разительный контраст с таковыми у греков. Но этот превентивный и отталкивающий метод применялся не только к лицам, страдающим каким—либо физическим расстройством: даже людям с хорошим состоянием здоровья, если несчастливое созвездие предвещало тяжелую болезнь или любое другое несчастье, предписывалось выбирать место жительства под влиянием более дружественной звезды - или принимать только такую пищу, которая, находясь под покровительством благоприятствующей звезды, могла противодействовать пагубному влиянию ее антагониста.

Также довольно широко считалось и поддерживалось, что между металлами и растениями существует своего рода интимная связь или симпатия: следовательно, названия последних были даны первым, чтобы обозначить эту предполагаемую связь и сродство. Соответствующие металлы были переплавлены в общую массу под определенной планетой и отформованы в маленькие медали или монеты с твердым убеждением, что тот, кто носит такую вещь при себе, может с уверенностью рассчитывать на всю благосклонность и защиту планеты, представленной таким образом. [78] Таким образом, мы видим, насколько легок переход от одной степени безумия к другой; и это может помочь объяснить шокирующие заблуждения, практикуемые при изготовлении и ношении металлических амулетов особой формы, которым приписывалась, благодаря своего рода магическому влиянию, сила и защита соответствующей планеты: считалось, что эти амулеты обладают достоинством, достаточным для устранения дурных последствий, предвещаемых несчастливым часом рождения, продвижения на почетные места и получения прибыли, а также огромной эффективности в вопросах торговли и супружества. Немецкие солдаты в темные и суеверные времена верили, что если носить на шее фигуру Марса, отлитую и выгравированную под знаком Скорпиона, это сделает их неуязвимыми и обеспечит успех их военным предприятиям — отсюда причина, по которой амулеты тогда были найдены на каждом солдате, убитом в бою или взятом в плен.

Пока что мы завершим эти наблюдения над химерой астрологии и медицины следующими замечаниями в словах Чемберса против работы Найта, [79] которая защищает эту причудливую науку, если ее можно назвать наукой. "Он ничего не демонстрирует, в то время как защищает все. Это опровергает, согласно собственным идеям Найта: в нем приводятся несколько разрозненных фактов в пользу астрологических разработок, которые могут быть подхвачены в том безмерном изобилии вымыслов, которое позорит историю. Он яростно отрицает или высмеивает то, что величайшие писатели говорили об этом причудливом искусстве, в то время как он делает большой упор на некоторые отрывки из малоизвестных авторов или, что еще хуже, авторов, не пользующихся авторитетом". — Однако самая приятная часть - в конце, где он защищает произведение искусства от возражений мистера Чемберса путем взаимных обвинений. Чемберс обогатился на медицинской практике, и когда он обвиняет астрологов в том, что они просто стремятся заработать несколько нищенских пенсов, сэр Кристофер вспыхивает и показывает своими цитатами, что если мы хотим презирать искусство за то, что его профессора пытаются выжить, или за возражения, которые могут быть выдвинуты против его жизненных принципов, мы должны самым искренним образом презирать медицинскую науку и медиков; он приводит здесь все, что может собрать против медицины и врачей, а также из признаний Галена и Гиппократы, Авиценны и Агриппы, медицину как таковую. создается впечатление, что наука более тщетная, чем даже сама астрология.

Мнения Лилли и его мнимая наука были настолько популярны в то время, что ученый Гейтакер [80] открыто выступил против этого популярного заблуждения. Возглавляя своих друзей-толкователей звезд, Лилли не только формально отвечал Гейтакеру, но и ежегодно преследовал его за его предсказания и даже нанес удар по его призраку, когда тот находился за пределами могилы. Гейтакер умер в июле 1654 года, и Лилли, написав в своем альманахе за тот год, за август, следующую варварскую латинскую строку —

Hoc in tumbo, jacet presbyter et nebulo!
Здесь, в этой гробнице, покоится пресвитер и лжец,

имел наглость утверждать, что он предсказал смерть Гатакера! Но правда в том, что это была пустая эпитафия "Сдаваемому жилью": оно оставалось пустым, читатель, для первого пассажира, которого бессмертному паромщику предстояло перевезти через Стикс.

Но послушайте этого архаичного Старого Патриджа-самозванца более современных времен, чьим *врагам*, кажется, нет конца. "Практика астрологии делится на умозрительную и теоретическую". (Астрономия и судебная астрология). Первая учит нас, как узнавать звезды и планеты, определять их расположение и движение. Второе направляет нас к знанию влияния и действий звезд и планет на подлунные тела, и без этого последнего от первого мало пользы. Астрономия не может направлять нас и информировать о тайных влияниях и действиях звезд и планет без помощи "*самого возвышенного искусства астрологии*". Ибо астрономия сведуща в предмете этого искусства и предоставляет астрологу материал, по которому он может применить свое суждение, но астрология превращает этот материал в предсказания или рациональные догадки, как того требуют время и обстоятельства.

"Практика снова подразделяется на две части, или четырехстороннюю, как Птолемей (lib. 2) заявляет: в первом рассматривается общее состояние мира, и на основании затмений и комет, великих соединений, ежегодных оборотов, квартальных ингрессий и лунаций, а также восхода, кульминации и захода неподвижных звезд, вместе с конфигурациями планет как по отношению к солнцу, так и между собой, делается вывод о том, что астролог составляет свои ежегодные предсказания всего чувствительного и растительного, что находится в воздухе, земле или воде; о чуме, изобилии, нехватке, изменениях воздуха, войнах, мире и других общих происшествиях в мире. страны, провинции, города и т.д.

Вторая из этих подразделенных частей, в частности, учитывает только личное состояние каждого отдельного мужчины и женщины, которое должно выполняться в соответствии со схемой рождения христового, знание которой наиболее полезно для всех людей. Поэтому следует тщательно наблюдать за рождаемостью детей на будущее, то есть как можно точнее определять день, час и минуту рождения, которые будут полезны врачу-астрологу, поскольку самое главное предположение о вредоносности болезни, излечима ли она или закончится смертью, зависит от знания о рождении; и очень редко какая-либо болезнь поражает человека, но какое-то неблагоприятное направление светил или асцендента на теле, или лучей вредоносных планет предшествовало этому или действовало тогда, или, по крайней мере, какое-то злое революция, профекция или транзит, которые не могут быть обнаружены никаким другим способом, кроме астрологии. Более того, было бы удобно, если бы истинное время

первого приступа болезни было точно соблюдено, и благодаря этому, вместе с рождением ребенка, было бы разумно сопоставлено, врач заслужил бы больше доверия, чем благодаря всем своим другим навыкам; и в этом предвидение астролога часто противоречит суждению врача; ибо, когда астролог предсказывает флегматику, что в такое время он будет поражен холерической болезнью, врач поймет по его физическим симптомам, что астролог, исходя из своих знаний о более тайных причинах природы, имеет превзошел его в своем искусстве.

"Теперь, если Всемогущий Бог не отменит или не остановит обычный ход природы, или материя элементарных тел здесь, внизу, не окажется непропорциональной и, следовательно, неприспособленной для получения их впечатлений, нет причин, по которым при естественной и физической необходимости астрологические предсказания не должны увенчаться успехом и вступить в силу, и насколько знание, которым мы обладаем благодаря известным причинам, более убедительно и безошибочно, чем то, которое мы получаем либо по знакам, либо по эффектам, настолько благодаря этому спутнику астрология кажется достойной того, чтобы ее предпочли физике ". Кардан, который был превосходным специалистом в области астрологии. врач говорит: "Если бы с помощью искусства астрологии он не лучше разбирался в своих болезнях, чем врач, который лечил бы его своим мастерством, он, несомненно, был бы вылечен смертью, а не сохранен в живых лекарствами. (Приведите его комментарий. к Птолу. Ответ.) Следовательно, представляется необходимым, чтобы врач был искусен в астрологии, но, наоборот, *ex quovis legno non fit Mercurius*, каждый астролог не может быть врачом; если только точно известно время рождения, или если только *tempus ablatum* или *suppositum*, и, кроме того, некоторые заметные случаи болезни, опасность утопления, опасность пожара, брака или другие, подобные происшествия можно предвидеть ".

Астрологи были сборищем хитрых, двусмысленных мошенников; наиболее осторожные из них лишь излагали свои предсказания неясным и двусмысленным языком, который можно было применить ко всем вещам, временам, правителям и нациям, каким бы они ни были. Составитель альманаха, испанский монах, ясными и точными словами предсказал смерть Генриха Четвертого Французского; и Пиерезе, хотя он и не верил в созерцание звезд, все же, встревоженный тем, что угрожало жизни любимого монарха, посоветовался с некоторыми друзьями короля и передал испанский альманах его величеству, который вежливо поблагодарил их за заботу, но совершенно пренебрег предсказанием: событие произошло, и в следующем году испанский *Лилли* распространил свою славу по-новому. календарь. Это предсказание монаха было результатом либо того, что он был знаком с заговором, либо того, что его сделали орудием в руках тех, кто им был.

Корнелий Агриппа справедливо называет астрологов "порочным и нелепым поколением людей, которые утверждают, что знают будущее, но в то же время совершенно не осведомлены о прошлом и настоящем; и, берясь рассказывать всем людям самые темные и сокрытые секреты за границей, в то же время не знают, что происходит в их собственных домах".

Но Агриппа, на глубокое

И сплошной лжи, было бы известность:

Антропософ и Флуд,

И Джейкоб Бехмен понял;

Знал много амулетов и оберегов

Которые не приносили ни пользы, ни вреда.

Он понимал речь птиц
Так же хорошо, как они сами понимают слова;
Мог бы сказать, что означают тончайшие попугаи
Которые говорят и думают вопреки, чисты;
О ком они говорят,
Почему они плачут, веревка и — гуляй, негодяй, гуляй.
Он мог предсказать все, что должно было произойти
Вследствие чего это должно было произойти;
Как смерть великих людей, перемены,
Болезни, битвы, наводнения:
Все это без "солнечного затмения",
Или ужасной кометы, он совершил
внутренним светом, способом столь же хорошим,
И простым для понимания:
Но с более удачным попаданием, чем у тех
Которые используются для смещения звезд
Как будто они соглашались со
Всеми пакостями в мире, которые творят мужчины:
Или, подобно дьяволу, искушал и склонял их
К мошенничеству, а затем предавал их.

Мы завершим наши астрологические рассуждения следующим объявлением, представляющим собой самый прекрасный сатирический образец шарлатанства, какой только можно встретить. Оно взято из альманаха "Бедный Робин" за 1773 год; и, возможно, многим оно пригодится и в наши дни. Мы ручаемся за то, что оно безвредно, но поскольку мы не посвящаем в тайну всего, что в нем содержится, наши читатели должны постараться получить информацию, которая может потребоваться по некоторым важным вопросам, из других источников. Однако это покажет, что астрологи альманаха жили не в лучших отношениях, но, как и их предшественники, постоянно оскорбляли и нападали друг на друга.

Реклама.

"Лучшее время для стрижки волос. Как следует толковать родинки и сны. Когда самое подходящее время для кровотечения. При каком аспекте луны лучше всего рисовать зубы и срезать мозоли. Сопряжение ногтей, в какой день неудачное. Какой самый добрый знак для прививки; открывать пчелиные ульи и убивать свиней. Сколько часов требуется для варки пудинга "Миледи Кент". С другими примечательными вопросами, полностью и добросовестно разрешенными мной, Сильвестром Патриджем, студентом факультета физики и астрологии, возле "Пушки" в Мурфилдсе".

"Из которых также можно получить, по разумным расценкам, связки, противоядия, эликсиры, любовные порошки. Средства для умывания от веснушек, пополнения, стеклянных глаз, накладных икр и носов, челюстей цвета слоновой кости и новый рецепт для превращения рыжих волос в черные".

"Альманах старого Робина", очевидно, был лучшим в то время и свободным от всего астрологического жаргона, которым был наполнен "Мерлин Либератус" Патриджа; бедный Робин немало возражал против этого. Девиз к его титулу звучит так:—

"Мы не пользуемся прогнозами погоды
Или какими-либо подобными воздушными выдумками;
Но (что, по нашему мнению, гораздо лучше)
Напишите чистую правду или пошутите:
И (без каких-либо дальнейших притворств)
Признаемся, что мы пишем и думаем о пенсах:
Ибо это цель всех, кто пишет, -
Извлечь выгоду, смешанную с наслаждением".

Бедный старина Робин с немалой яростью нападал на астрологов своего времени: "Насколько это необычная задача, - говорит он, - для человека вести себя в этом мире так, чтобы нравиться всем людям, его населяющим! Человек, который прилагает все усилия, чтобы угодить всем, несомненно, понравится лишь очень немногим, и тем самым вызовет недовольство очень многих; что, весьма возможно, и произошло с бедным Робинсом в этом году. Но (как бы то ни было) *старина Боб* иногда бывает очень доволен, когда жулики, остроухие хлыщи, дураки и им подобные больше всего им недовольны: поэтому да будет известно, что он (меньше всего) уважает только разумных и честных людей (независимо от того, много у них денег или совсем их нет): я очень ясно вижу, что скромного человека (обычно) считают *низменным*; в противном случае его почитают *гордым*; на дерзкий взгляд смотрят с презрением. как *дерзость*; если скромн, (тогда, конечно) он должен быть *лицемерным*; если его поведение серьезно, то это из-за *угрюмости* характера; если приветлив, то его *мало* ценят; если строго справедлив, то, должно быть, его характер *жесток*; но, если милосерден и снисходителен, то (как следствие) глупый, тупоголовый дурак! Теперь я призываю всех ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ и ФОКУСНИКОВ по всему королевству продемонстрировать, что все причудливые мнения, которых придерживаются разные люди о различных действиях, вместе с тем, что они так сильно отличаются друг от друга в разное время; Я говорю, я призываю их ВСЕХ доказать, что они (полностью) обусловлены ЗВЕЗДНЫМИ влияниями! (Я полагаю), что в целом в сознании человечества существует столько же различных идей и концепций, сколько существует разнообразия телосложения".

Его наблюдения о четырех *неравных* четвертях года, как он их называет, не менее сатиричны, юмористичны и полны правды, и настолько сильно "расходятся" с другими в своей профессии, что бедный старина Робин в здравом смысле и банальных замечаниях отбирает пальму первенства у всех своих предшественников и современников; более того, он настолько неважный астролог, что, вместо того чтобы консультироваться с углами, аспектами, соединениями и тринами планет, он достаточно вульгарен, чтобы придавать большее значение существу и действиям других людей. этот нижний мир. Мы представляем нашим читателям нижеследующее в качестве примера, который, хотя и в своей обычной манере, немного грубоват, иногда свободен от того альманаха, который характеризует призвание его коллег в той же области.

ВЕСНА,

который, являясь самым восхитительным временем года, наступающим на следующий день после долгой и холодной зимы, делает его столь же желанным, сколь и восхитительным; ибо теперь удлиняющиеся дни дают всем, кроме пьяниц и сторожей, достаточно времени, чтобы закончить свои дневные дела при свете дня, к тому же остается немного свободного времени, чтобы прогуляться по городу и посмотреть на прекрасную новую ливрею, которой госпожа Флора украсила Мать-Землю. С наступлением весны, когда вся природа начинает приходить в себя, то же самое животное наслаждение, которое заставляет петь птиц и радоваться все грубое творение, очень ощутимо поднимается в сердцах человечества. К этому блюду можно подать целые косяки скумбрии и много зеленого горошка, а также крыжовник, вишню, сырники и заварной крем.

Но давайте теперь морализируем и превратим эти весенние радости в настоящую добродетель; и, когда мы обнаружим внутри себя тайное удовлетворение, проистекающее от красот творения, давайте подумаем, кому мы обязаны всеми этими разнообразными удовольствиями и забавами чувств; кто раскрывает таким образом свою руку и наполняет мир добром! Но как только закончится эта четверть; то есть там, или тогда, или около того, ибо в этом случае день или два не могут принести больших результатов — я говорю, что за этой четвертью (как обычно) последует

Лето,

когда и в какое время дни достигнут наибольшей продолжительности, а следовательно, и ночи - наименьшей продолжительности. Июнь, в котором, как говорят, начинается этот квартал, сохранит некоторое сходство, если не продемонстрирует совершенства весны; но два следующих месяца, возможно, будут менее энергичными, но более теплыми; ибо по мере того, как они будут проходить, будут созревать плоды земли; пока звезда-Пес распространяет свои лучи среди других, у трудолюбивого фермера будет достаточно дел: ибо сейчас он рассчитывает пожинать плоды своего труда; но тогда он, тем не менее, должен ожидать, что перенесет жару и бремя дня.

Эта четверть очень справедливо представляет мужчину в полном расцвете здоровья и сил; красота весны прошла! Сила лета в кратковременности! Очень скоро за ней последует Осень: таким образом, и таким образом (о читатель) тогда подумай, видел ли ты, как сменяются времена года два, три или четыре раза в правильной последовательности: помни, что приближается время, когда все возможности такого рода навсегда скроются от твоих глаз: помни, если с тех пор прошло сорок лет, говорю я, я бы хотел, чтобы ты помнил, что твоя весна прошла, твое лето почти закончилось! Имей тогда, следовательно, очень серьезный ретроспективный взгляд на свое прошлое и, (если будет угодно Богу), твердое решение внести изменения в свою затянувшуюся жизнь: тогда, будучи теперь прибывшим почти накануне

ОСЕНЬ

который начинается в этом году (как обычно), когда, или тогда, или около того, заканчивается Летний квартал, а именно, когда ночи начинают становиться длиннее, а дни короче: это время, когда амбары наполняются пшеницей, которую вскоре нужно перебирать, чтобы снова засеять. Это также время, когда сады изобилуют подобными фруктами, и, следовательно, самое подходящее время для приготовления сидра.

Прискорбно сейчас, должно быть, положение тех бедных женщин, которые в этой четверти тоскуют по зеленому горошку или клубнике; ибо я смею заверить их, подчестное слово астролога, что по эту сторону следующей Пасхи они ничего не получают. Некоторые новоприбывшие под видом солдат совершат ночную вылазку на *Пулленили*, возможно, залягут в эмбускаде за связкой лука, как если бы они были валлийскими флибустьерами. Потеря времени и денег может быть возмещена трудолюбием, но быть глупцом от рождения или негодяем по натуре - это болезни неизлечимые.

Помните, что в любой квартал года это почти всегда определенное предзнаменование свадьбы, когда все стороны согласны, а священник готов; и тогда вы должны быть уверены, что у вас тоже есть деньги наготове, иначе ваш предполагаемый брак может оказаться неудачным. Но те, кто в состоянии заплатить за то, чтобы связать себя узами брака, когда они надежно связаны, могут идти домой обедать и веселиться; идти в таверну и веселиться; идти ужинать и веселиться; вставать на следующее утро и веселиться: и пусть мир знает, что супружеская жизнь - это изобильная жизнь, когда у людей хорошее состояние; плодотворная жизнь, когда у них много детей; и счастливая жизнь, когда муж и жена любят друг друга так, как должны, и никогда не ссорятся и не расходятся во мнениях.

ЗИМНЕГО КВАРТАЛА.

Но вот наступает на холодный, грязный, сглаживание, надув губы, дождей, дрожа, замерзая, дует, бурный, буйный, жестокий квартал под названием Зима; сами мысли об этом достаточно, чтобы страх; но что он очень, к счастью, случается быть введен (в этом году) хороший, толстый счастливого Рождества: еще это последний и хуже, и очень сильно напоминает глубокой старости сопутствует бедности; в этом квартале тоже довольно много, как фараона худой коровы; для этого, как правило (мы видим) пожирает и пожирает большую часть продукции предыдущих сезонов: сейчас Солнце вступает южного тропика, дает нам хоть часть своего света, и, соответственно, самая длинная ночь: но, тем не менее, в этом неудобном квартал, вы, возможно, подобрать какие-то крохи комфорта, если у вас хорошее здоровье, хороший магазин готового носорога, хорошая жена, и другие хорошие вещи о вас: и особенно чистой совестью: тогда звездное воздействие обязательно должны быть отражены очень благоприятной, несмотря на превратностей погоды, ибо в таких случаях появятся частые союзы из филе и ребрышки говядины; *аспекты* ног и плеч баранины, с *refrenations* чресл из телятины, сияющей возле водной тройственности лота-каша—вместе с трин и секстиль фарша пироги; кольчатая холодец из Урсус майор, и балыком из рыбы—все в честь Рождества Христова: и я думаю, что это гораздо приятнее зрелища, чем Ковент-Гарден комедии, чтобы увидеть, с десятков или два виноградарей, крестьян и честных жильцов, на дворянский стол (который ни разу не повысил арендную плату) беспокоиться вырезка, и срубим, (я имею в виду отрезок до) гусь, как бревно: а хорошо Чеширский сыр, и много подгузник эля, и сильное мартовское пиво, запивает веселая бокалы, наборы всю свою смекалку на плаву, и направляет их к себе домой, так же счастливы, как короли.

А теперь, добрые, любящие читатели, все до единого, пошли вам Бог хорошего нового года, когда старый ушел.

СНОСКИ:

[75] Следующее предсказание и его подтверждение относятся к столь недавней дате, что мы не можем удержаться от того, чтобы поместить его на наших страницах. В отчете о путешествии покойного капитана Флиндера "Дискавери" содержится печальное сообщение о гибели капитана, мистера Тисла, и еще семи человек в лодке у негостеприимных берегов Терра Австралия. К этому повествованию прилагается следующая заметка, которую мы процитируем здесь собственными словами капитана Флиндера: "Этим вечером мистер Фаулер, лейтенант, рассказал мне об обстоятельствах, которые я счел очень необычными, а впоследствии они подтвердились еще больше. Однажды, когда мы стояли в Спитхееде, мистер Тисл ждал на берегу и, от нечего делать, пошел к некоему старику по имени Пайн, чтобы ему погадали. Хитрый человек сообщил ему, что он отправляется в долгое плавание и что к кораблю, по прибытии в пункт назначения, присоединится другое судно. О том, что так было задумано, он мог бы узнать в частном порядке; но он добавил, что мистер Тисл погибнет до того, как к нему присоединится другое судно. Что касается причины его пропажи, фокусник отказался сообщить какую-либо информацию. Команда моего судна, услышав, что сказал мистер Тисл, отправилась посоветоваться с мудрецом, и после предварительной информации о долгом путешествии им сказали, что они потерпят кораблекрушение, но не на том корабле, на котором отплывают; спасутся ли они и вернутся ли в Англию, ему не разрешили разглашать. Эту историю мистер Тисл часто рассказывал за обеденным столом; и я с некоторой болью отмечал в дальнейшей части путешествия, что каждый раз, когда команда моего судна отправлялась на "Леди Нельсон", среди них возникало некоторое опасение, что наступило время предсказанного кораблекрушения. Я не делаю никаких комментариев, (говорит капитан. Флиндерс) по поводу этой истории, но рекомендовать командиру, если возможно, запретить кому-либо из его команды обращаться к гадалкам ". — Следует отметить, что, каким бы странным это ни казалось, каждое из этих предсказаний в точности сбылось, поскольку шкипер и команда его лодки погибли до того, как к Исследователю присоединилась "Леди Нельсон" из Порт-Джексона; и когда прежнее судно было осуждено, люди вместе со своим командиром поднялись на борт "Дельфина", который потерпел крушение на коралловом рифе, и девять человек из команды погибли.

[76] В 1670 году страсть к гороскопам и толкованию звезд царила во Франции среди первых лиц общества. Новорожденного ребенка обычно представляли обнаженным астрологу, который читал первые линии на его лбу и поперечные линии на руках и на основании этого записывал его будущую судьбу. Екатерина де Медичи отнес Генриха IV, когда он был ребенком, к старому Нострадамусу, которого антиквары почитают больше за его "Хронику Прованса", чем за его пророческие способности. Вид почитаемого провидца с сердцем, которое "пронеслось в воздухе подобно метеору", привел в ужас будущего героя, который опасался порки от столь серьезного персонажа.

[77] Халдейские мудрецы были почти уничтожены артиллерийским залпом кварто, выпущенным по ним мистером Джоном Чемберсом в 1691 году. Аполлон не использовал Марсия более бесчеловечно, чем его бичевательское перо для этой мистической расы; и его личность заставила их остро это почувствовать. Однако норвичский рыцарь, настоящий дон Кихот астрологии, облаченный в зачарованные доспехи своих оккультных авторов, столкнулся с этим язычником во время самого величественного пирушки. Он выступил с "Защитой судебной

астрологии" в ответ на трактат, недавно опубликованный мистером Джоном Чемберсом. Кристофером Найтом. Напечатано в Кембридже в 1693 году".

[78] Смотрите Амулеты пассивно.

[79] Работа Лилли, объемистый памятник безумию эпохи в кварто, первоначально была продана за четыре гиней; она озаглавлена "Христианская астрология", скромно изложенная в трех книгах Уильямом Лилли, студентом-астрологом, 2-е издание 1659 года. Каждая страница украшена гороскопом, который, сидя на притворном треножнике, он объясняет с предельной легкостью. Есть также портрет этого закоренелого мошенника и звездочета, замечательная иллюстрация для Лафатера. Что касается большого мастерства Лилли в пророчестве, то есть приятная история, рассказанная родственником доктора Кейса, его преемника, а именно, что человек, желающий проконсультироваться с ним по определенному вопросу, однажды утром пришел к нему домой, и Лилли, сам подойдя к двери, увидел кусок грязной падали, который оставил там кто-то, у кого было больше ума, чем манер, и, будучи сильно оскорбленным его неприглядным видом, от всей души желал бы знать, кто поступил с ним подобным образом, оставив такое нежелательное наследие, так сказать, у него в зубах, чтобы он мог получить его обратно. накажите их соответствующим образом, на что его клиент заметил, когда фокусник потребовал свое дело: "Вообще ничего, — сказал он, — потому что я уверен, что если вы не можете выяснить, кто осквернил вашу собственную дверь, то вы не сможете обнаружить ничего, относящегося ко мне", — и с этим едким замечанием он ушел.

[80] Преподобный и образованный Томас Гатакер, с которым у Лилли был спор, в своих Комментариях к десятой главе Книги Пророка Иеремии и 10-му стиху назвал его "слепым канюком", и Лилли снова вспомнила о его противнике в своем *"Annus Tenebrosus"*. Ответ г-на Гейтакера был озаглавлен "Томас Гейтакер, Б.Д." в защиту опубликованного им примечания к этим словам "так говорит Господь" (Иер. х. 2) против оскорбительной клеветы этого великого самозванца Уильяма Лилли; а также против различных заявлений двух его защитников г-на Джона Суона и еще одного, которого он цитировал, но не назвал. Вместе с самими примечаниями, в которых обсуждаются и опровергаются мнимые основания судебной астрологии и представленные к ней доказательства из Священных Писаний. Лондон, 1653, 4-я часть 192. Наш автор, комментирующий это произведение в своем "Английском Мерлине", 1654 год, представил третье произведение мистера Гатакера, названное "Апологетическая речь", в котором непристойная и громкая ложь Лилли в его "Мерлине или пасквиле" за 1654 год, ясно раскрыта; его бесстыдное отступление от своего дела далее раскрыто, его отвратительная клевета полностью опровергнута, а его злобный и *кровожадный* ум, подстрекающий к всеобщей резне Божьих служителей, очевидно, известен из-под его собственного пера и т.д. Лондон, 1654 год.

ГЛАВА X.

НЕКРИТИЧЕСКОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ, ИЛЛЮСТРИРУЮЩЕЕ ПРИЧИНУ, СЛЕДСТВИЯ, ОСНОВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ И Т.Д.

Поскольку нам придется говорить об искусстве лечения болезней с помощью медиума, называемого инкубацией, возможно, будет уместно сказать кое-что ранее об истолковании сновидений, с помощью которых, как утверждалось, эти события осуществлялись.

Онейрокритиков, или толкователей снов, называли гадалками — очень подходящее название для этих мирских мудрецов, согласно следующим строкам, переведенным из Еврипида:

Тот, кто меньше всего ошибается в своих предположениях
Лучший из пророков.

Заблуждению сновидений поддавались многие из древних философов. Среди них были Демокрит, Аристотель и его последователь Фемистий, Сирезий Платоник; которые до такой степени полагались на сны, вызванные тем или иным несчастным случаем, что оттуда пытались убедить людей, что это не сны, а то, что основано на реальности. Ибо, говорят они, как небесные влияния производят различные формы и изменения в телесной материи, так и из-за определенных влияний, преобладающих над силой воображения, создается впечатление видений, согласующихся, благодаря расположению небес, с произведенным эффектом; особенно в снах, потому что ум, будучи тогда свободен от всех телесных забот и упражнений, более свободно воспринимает божественные влияния: поэтому случается, что тем, кто спит, открываются многие вещи, которые скрыты от тех, кто бодрствует. По этим и подобным причинам утверждается, что многое передается посредством сновидений:

При мягком сне тело расслабляется,
И от тяжелой массы освобождается фантазия,
То, что доставляет нам удовольствие,
То, о чем мы думаем днем, чаще всего снится ночью.

Переход от сна к сновидениям очень естественен, к чудесным и таинственным явлениям этого состояния, к идеальным действиям и тщетным иллюзиям ума. Согласно Вольфиусу, выдающемуся философу из Силезии, каждое сновидение берет начало в каком-либо ощущении и продолжается чередой фантомов; но ни один фантазм не может возникнуть в уме без какого-либо предшествующего ощущения. И все же нелегко подтвердить это на опыте, поскольку часто бывает трудно отличить те слабые ощущения, которые порождают сны, от фантазмов или объектов воображения. [81] Последовательность фантазмов, которые, таким образом, составляют сновидение, по-видимому, объясняется законом воображения, или ассоциации идей; хотя может быть очень трудно установить причину мельчайших различий не только в разных предметах, но и в одном и том же, в разное время и при разных обстоятельствах. И отсюда г-н Формей, который разделяет мнение Вольфиуса, заключает, что сверхъестественны те сновидения, которые либо не начинаются ощущением, либо не продолжаются по закону воображения. [82]

Это мнение так же старо, как Аристотель, который утверждал, что сновидение - это всего лишь [греч. Phantasma] или *видимость* вещей, возбуждаемых в уме и остающихся после удаления объектов. [83] Мнение Лукреция, переведенное в "нашем девизе", аналогично мнению Талли. [84] Локк также прослеживает происхождение сновидений от предыдущих ощущений. "Сны спящих людей, - говорит этот глубокий философ, - все состоят из идей бодрствующего человека, хотя по большей части странно составленных". [85] А доктор Хартли, который объясняет все явления воображения своей теорией вибраций и ассоциаций, говорит, что сны - это не что иное, как воображение или грезы спящих людей, и что они выводимы из трех причин,

а именно: полученных недавно впечатлений и идей, и особенно тех, что были за предыдущий день, состояния тела, особенно желудка и мозга, и ассоциаций. [86]

Макробий упоминает пять видов снов. 1. видение — 2. открытие чего-то между сном и бодрствованием — 3. внушение, внушаемое нашему воображению, названное Цицероном *visum*, — 4. обычный сон - и, в-пятых, божественное явление или откровение во сне; такое, какими были сны пророков и Иосифа, а также восточных магов.

ПРИЧИНА СНОВ.

Авиценна считает, что причиной сновидений является высший разум, перемещающий луну среди того света, которым озаряются фантазии людей, пока они спят. Аристотель относит причину их возникновения к здравому смыслу, но помещает в область воображения. Аверроэс, арабский врач, относит это к воображению; Демокрит приписывает это маленьким образам, или репрезентациям, отделенным от самих вещей; Платон - к специфическим и конкретизированным понятиям души; Альберт - к высшим влияниям, которые постоянно исходят с неба по многим специфическим каналам.

Некоторые врачи приписывают причину сновидений испарениям и настроениям, а также чувствам и заботам людей, преобладающим во время бодрствования; ибо, говорят они, из-за обилия испарений, которые выдыхаются вследствие неумеренного питания, мозг настолько забит ими, что образуются чудовища и странные химеры, из которых самые неумеренные едоки и пьяницы предоставляют нам достаточные примеры. Они утверждают, что некоторые сновидения частично зависят от температуры тела, а частично от настроения, которым оно в основном изобилует; к этому можно добавить опасения, предшествовавшие предыдущему дню; и которые часто наблюдаются у собак и других животных, которые лают и шумят во сне. По их наблюдениям, сновидения зависят от настроения и температуры тела; мы видим холерические сны об огне, сражениях, желтых цветах и т. Д. флегматик водных ванн, плавания по морю; меланхолик густых испарений, пустынь, фантазий, отвратительных лиц и т. Д. тем, у кого задняя часть мозга забита вязкой влагой, называемой врачами *Ephialtes incubus*, снится, что они задыхаются. А тех, у кого отверстие желудка заполнено злокачественными выделениями, пугают странные видения из-за тех ядовитых паров, которые поднимаются к мозгу и вызывают в нем расстройство.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВООБРАЖЕНИЯ НА СНОВИДЕНИЯ.

Если бы мы более глубоко проникли в таинственные феномены сновидений, наши нынешние рассуждения могли бы стать слишком туманными; и, в конце концов, им нельзя дать ни философского, ни удовлетворительного объяснения. Поэтому те из наших читателей, которые, возможно, пожелают более подробно ознакомиться с высказанными выше мнениями, мы просим разрешения сослаться на соответствующих авторов, которых мы уже цитировали. Читатель, который любит находить развлечение даже в серьезном предмете, в сценах ночного воображения, будет рад, возможно, на мгновение, перенестись в область поэтической фантазии. И здесь мы обнаруживаем, что фантазия не более резва в снах, чем поэты в своих описаниях ее ночных капризов. Что касается воздействия воображения на сновидения, то следующая капля, попавшая в рот летучего Меркурио, является замечательной иллюстрацией:

О, тогда я вижу, что королева Мэб была с тобой.

Она акушерка фэнси, и она приходит

По форме не больше камня агата
На указательном пальце олдермена,
Нарисованном командой маленьких атомщиков,
Напротив носов спящих мужчин:
Ее тележные спицы сделаны из длинных ножек прядильщиц;
Чехол из крыльев кузнечиков;
Следы мельчайшей паутины;
Воротнички водянистых лучей лунного света;
Ее хлыст из сверчковой кости; плоть из пленки;
Ее возница, маленький мошара с серой шерстью,
размером вполтину не больше круглого червячка,
Уколотый ленивым пальцем служанки.
Ее колесница - пустой лесной орех,
Сделанный столяром сквиррилом, стариной граб,
С незапамятных времен кучером фей:
И в этом состоянии она скачет ночь за ночью,
Проникая в мозги "влюбленных", и тогда они мечтают о любви;
На коленях придворных, которые мечтают о прямых реверансах;
На пальцах юристов, которые мечтают о гонорарах;
О женских губах, которые мечтают о поцелуях,
Которых часто преследует сердитая Мэб с волдырями,
Потому что их дыхание испорчено сладостями.
Иногда она скачет перед носом юриста,
А потом ему снится, что он нюхает костюм,
А иногда она приходит с хвостиком из пороссячьей десятины,
Щекоча священника, когда он спит;
Тогда мечтает он о другом благодеянии;
Иногда она сводит с ума солдата
И тогда ему снятся сны о перерезании чужеземных глоток,
О прорывах, засадах, испанских клинках,
О целебном огне неизмеримой глубины; и тут же у него в ушах
стучит, отчего он вздрагивает и просыпается,
И, испугавшись, произносит пару молитв,
И снова засыпает.

Лукреций и Петроний в своей поэме "О тщете мечтаний" опередили нашего бессмертного барда в описании воздействия сновидений на различные типы людей. Оба отрывка, на которые здесь ссылаются, служат лишь для того, чтобы показать огромное превосходство безграничного гения Шекспира: их смысл так превосходно выражен Степни:

Глубокой ночью имперский разум спит,
А фантазия со своим шлейфом продолжает свои пирушки;
Затем воздушные фантомы демонстрируют смешанные сцены,
Из того, что мы слышали, или видели, или желали бы видеть днем;
Ибо память хранит эти образы
Страсть, которая сформировалась, и по-прежнему правит сильнейшей.

Охотники возобновляют погоню, которую они недавно вели,
А генералы снова сражаются в своих выигранных битвах.
Призраки и феи преследуют убийцу во снах;
Пожалования и немилость - темы придворных.
Скряга выслеживает вора или новое сокровище;
Горожанин - рыцарь, подхалим - лорд,
Таким образом, фантазия потеряна в диком увлечении тем,
что мы больше всего ненавидим или чего больше всего жаждем.
Почести и состояние перед этим призрачным падением;
Ибо сон, как и смерть, его образ, равен всему.

У Чосера в его "сказке о петухе и лисе" есть прекрасное описание, переложенное Драйденом следующим образом:

Сны - это всего лишь интерлюдии, создаваемые фантазией:
Когда монарх разума спит, этот имитатор просыпается;
Составляет смесь из разрозненных вещей,
двор кобблеров и толпа королей:
Легкие испарения веселы, более грубые испарения печальны:
И то и другое - разумная душа, сходящая с ума;
И мы видим во сне множество чудовищных форм,
Которых не было, нет и быть не может.
Иногда забытые вещи, давно оставленные позади,
всплывают в мозгу и приходят на ум.
Легенды медсестры приняты за истину,
И мужчина мечтает о том, во что верил мальчик,
Иногда мы лишь репетируем прежнюю пьесу,
Ночь восстанавливает наши действия, совершенные днем;
Как гончие во сне бросаются на свою добычу.
Короче говоря, фарс сновидений состоит из пьесы
Во всех химерах; и более абсурдных, и менее.

Снова Шекспир:—

Я говорю о снах,
порождениях праздного мозга,
Порожденных ничем иным, как пустой фантазией,
Которая столь же разрежена, как воздух,
И более непостоянна, чем ветер.

Также нельзя опускать Милтона —

В душе
Есть много меньших способностей, которые служат
Разум как главный; среди этих Фантазий следующая

Ее обязанность; из всех внешних вещей,
которые представляют пять бдительных чувств,
Она формирует воображение, воздушные формы,
которые разум, соединяя или разъединяя, обрамляет,
И все, что мы утверждаем, или что отрицаем, или называем
Наши знания или мнение; затем удаляется
в свою личную келью, когда природа отдыхает.
Часто в ее отсутствие имитирует пробуждение фантазии,
Подражать ей; но, неправильно соединяя формы,
Дикие произведения часто возникают, но чаще всего во снах,
Плохо сочетая слова или поступки, давнее прошлое или сказку.

ОСНОВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ СНОВИДЕНИЯ.

Исходя из этих практических описаний, давайте перейдем к рассмотрению основных явлений сновидения. И во-первых, прекрасные *способы* работы мистера Локка, которые в значительной степени проиллюстрируют предыдущие наблюдения.

"Когда разум, - говорит Локк, - обращает свой взор внутрь, на самого себя, и созерцает свои собственные действия, первое, что возникает, - *этомышление*. В нем ум наблюдает великое множество модификаций и отсюда получает отчетливые *идеи*. Таким образом, восприятие, которое фактически сопровождает любое впечатление на тело, производимое внешним объектом, и присоединяется к нему, будучи отличным от всех других модификаций мышления, снабжает ум отчетливой идеей, которую мы называем *ощущением*; которая является, так сказать, действительным проникновением идеи в разум посредством чувств.

"Та же самая идея, когда она возникает снова без воздействия аналогичного объекта на внешние органы чувств, является *воспоминанием*: если ее ищет ум, находит с болью и усилием и снова представляет себе, это *воспоминание*; если ее долго удерживать в поле зрения, это *созерцание*; когда идеи всплывают в нашем уме без какой-либо рефлексии или учета рассудка, это то, что французы называют *réverie*; [87] в нашем языке для этого почти нет названия. Когда идеи, которые приходят сами собой (ибо, как я наблюдал в другом месте, пока мы бодрствуем, в нашем уме всегда будет череда идей, сменяющих друг друга), замечены и, так сказать, зафиксированы в памяти, это и есть *внимание*; когда ум с большой серьезностью и по собственному выбору фиксирует свой взгляд на какой-либо идее, рассматривает ее со всех сторон и не отвлекается на обычные запросы других идей, это то, что мы называем *намерением* или *изучением*. Сон без сновидений - это отдых от всего этого: *исновидение* само по себе является возникновением идей (в то время как внешние чувства остановлены, так что они не воспринимают внешние объекты со своей обычной быстротой) в уме, не подсказанных никакими внешними объектами или известным случаем, и вообще никаким выбором или поведением разума, и не является ли то, что мы называем *экстазом*, сновидением с открытыми глазами, я оставляю для рассмотрения".

У доктора Битти в его "Моральных и критических диссертациях" есть остроумное эссе на эту тему, в котором он пытается установить не столько *действенные*, сколько *конечные* причины этого явления и развеять те суеверия в отношении него, которые иногда беспокоят слабые умы. Он с большой серьезностью старается показать, что сновидения могут быть полезны в качестве

физического наставления; что люди, которые обращаются к ним с этой целью, могут сделать важные открытия в отношении своего здоровья; что они могут быть полезны как средство нравственного совершенствования; что, обращая на них внимание, мы можем распознать наши преобладающие страсти и получить хорошие подсказки для их регулирования; что они, возможно, были предназначены Провидением для развлечения умственных сил; и что сновидения не универсальны, потому что, вероятно, не все конституции требуют такого интеллектуальное развлечение. В наблюдениях такого рода мы можем обнаружить изобретательность фантазии и проницательность догадок. Мы можем находить развлечение в спорах, но тщетно ищем удовлетворения. Природа, конечно, ничего не делает напрасно, и все же мы далеки от мысли, что человек способен в любом случае разгадать ее намерения. Конечные причины, возможно, никогда не должны быть предметом человеческих спекуляций, но только тогда, когда они ясны и очевидны. Подменять пустыми домыслами замыслы Провидения там, где эти замыслы находятся за пределами нашей досягаемости, служит лишь поводом для придиорок скептиков и насмешек распушенных людей.

Среди многих поразительных явлений в наших сновидениях можно отметить, что, пока они длятся, память, по-видимому, пребывает в полном оцепенении, а понимание используется только в отношении тех объектов, которые тогда представляются, без сравнения настоящего с прошлым. Когда мы спим, мы часто беседуем с другом, которого либо нет, либо он мертв, не помня, что между нами могила или океан. Мы плывем, как перышко, по ветру; ибо в этот момент мы оказываемся в Англии, а в следующий - в Индии, не задумываясь о том, что законы природы приостановлены, и не задаваясь вопросом, как сцена могла так внезапно поменяться перед нами. Мы знакомы с вундеркиндами; мы приспособляемся к любому событию, каким бы романтическим оно ни было; и мы не только рассуждаем, но и действуем в соответствии с принципами, которые в высшей степени абсурдны и экстравагантны. Более того, наши сны настолько далеки от того, чтобы быть результатом добровольного усилия, что мы даже не знаем, что нам приснится и приснятся ли нам вообще.

Но сон - не единственное время, когда странные и не связанные между собой объекты приводят наши мысли в замешательство. Помимо *реверий* дня, о которых уже говорилось, с моральной точки зрения у нас есть наши *сны наяву*, которые не менее химеричны и неосуществимы, чем ночные фантазии.

Ночные видения могут стать другом -

Наши сны наяву фатальны. Как я мечтал

О невозможных вещах (может ли сон сделать больше?)

О вечных радостях в вечных изменениях!

О неизменных удовольствиях на набегающей волне!

Вечный солнечный свет в жизненных штормах!

Как богато были увешаны мои трансы полуденного прилива,
великолепными гобеленами с живописными радостями!

Пока не наступило время смертей...

Вздрыгнув, я проснулся и обнаружил, что погиб.

Многие сказочные истории о призраках или видениях, несомненно, возникли во сне. Бывают периоды дремоты, когда мы чувствуем, что спим. "Когда мысли сильно встревожены, - говорит

Гоббс, - и когда человек спит, не ложась в постель и не снимая одежды, например, когда он клеветает носом в своем кресле, очень трудно отличить сон от реальности. Напротив, тот, кто настраивает себя на сон, в случае какой-либо грубоватой или абсурдной фантазии легко заподозрит, что это был сон". [88] Исходя из этого принципа, Гоббс остроумно объяснил призрак, который, как говорят, явился Бруту; и хорошо известная история, рассказанная Кларендоном о появлении отца герцога Бекингема, допускает аналогичное решение. В то время в королевстве не было человека, который был бы такой темой для разговоров, как герцог; и, судя по испорченности его характера, он, весьма вероятно, пал жертвой развращенности времени. Говорят, сэр Джордж Вильерс явился этому человеку в полночь — следовательно, существует наибольшая вероятность того, что этот человек спал; и напугавший его сон произвел сильное впечатление и, вероятно, должен был повториться.

История предоставляет нам многочисленные примеры того, как предсказания передавались через сны, некоторые из которых настолько необычны, что почти поколебывают нашу веру в то, что рука Провидения иногда не проявляется через их посредство. Цицерон в своей первой книге о гадании сообщает нам, что Гераклд, умный человек, который был учеником Платона, пишет, что мать Фаларида видела во сне статуи богов, которые она освятила в доме своего сына; и среди прочего ей показалось, что из чаши, которую Меркурий держал в руке, он пролил немного крови, и что едва кровь коснулась земли, как, поднимаясь большими пузырями, она заполнила весь дом. Эта мечта матери впоследствии слишком верно подтвердилась в жестокости сына. Сайрусу приснилось, что, увидев солнце у своих ног, он предпринял три разные безуспешные попытки прикоснуться к нему рукой, и при каждой из них оно ускользало от него. Персидские маги, истолковавшие этот сон, сказали ему, что эти три попытки захватить солнце означают, что он будет править тридцать лет. Это предсказание подтвердилось: он умер в возрасте семидесяти лет, начав править, когда ему было сорок лет.

"Несомненно, - говорит Цицерон, - даже среди варваров есть нечто, свидетельствующее о том, что они обладают даром предчувствия и прорицания". Индеец Каланус, взобравшись на пылающий хворост, на котором его собирались сжечь, воскликнул: "О, какой прекрасный уход из жизни, когда мое тело, подобно телу Геркулеса, будет поглощено огнем, мой дух свободно насладится светом". И когда Александр спросил, есть ли ему что сказать, он ответил: "Да, я скоро увижу тебя", что и произошло, как он и предсказывал, Александр умер через несколько дней после этого в Вавилоне. Ксенофонт, ревностный ученик Сократа, рассказывает, что во время войны, которую он вел в пользу юного Кира, ему приснились сны, за которыми последовали самые чудесные события. Должны ли мы сказать, что Ксенофонт говорит неправду или слишком экстравагантен? Что? такая великая личность и такой божественный дух, как Аристотель, может ли он быть обманут? Или он хочет обмануть других, когда рассказывает нам об Эвдеме Кипрском, одном из своих друзей, который, желая отправиться в Македонию, проезжал мимо Фереса, знаменитого города в Фессалии, который в то время находился под властью тирана Александра; и что, сильно заболев, он увидел во сне очень красивого молодого человека, который сказал ему, что вылечит его, и что тиран Александр вскоре умрет, но что касается его самого, то он вернется домой по истечении пяти лет. Аристотель отмечает, что два первых предсказания действительно вскоре сбылись; что Эвдем выздоровел и что тиран был убит братьями своей жены; но что по истечении пяти лет, когда, как надеялись, Эвдем, согласно сновидению, должен был вернуться на Сицилию, свою родину, было получено известие, что он был убит в бою близ Сиракуз; что дало начало другому толкованию сна, а именно, что, когда дух или душа Эвдема покинула его тело, она отправилась оттуда прямо в его собственный дом.—Из

храма Геркулеса была украдена чаша из массивного золота, и этот бог трижды подряд являлся Софоклу во сне и указал ему на вора; который был подвергнут пыткам, сознался в преступлении и отдал чашу. Впоследствии храм получил название Индикатора Геркулеса.

Можно привести бесконечное множество подобных примеров, как из древней, так и из современной истории, свидетельствующих об необычности снов, а также об их роли в раскрытии тайн, которые без такого посредничества навсегда остались бы в забвении; однако этого достаточно для нашей цели здесь; и одно из событий совсем недавнего времени, связанное с обнаружением тела убитой Марии Мартин в красном амбаре, все еще свежо в памяти наших читателей. Нельзя отрицать, что некоторые люди испытывают нелепое увлечение сновидениями, которые не имеют никакого значения и являются порождением повседневных мыслей, даже среди лиц, чье образование должно было бы информировать их лучше, особенно среди представительниц прекрасного пола; действительно, между ними редко завязывается разговор, но какой-нибудь непоследовательный сон или что-то другое составляет главную черту их сплетен и, несомненно, является у них истерическим симптомом.

Иногда во сне мы представляем себя вовлеченными в неизбывное горе и, проснувшись, наслаждаемся экстазом избавления от него. "И такое избавление, - говорит доктор Битти, - наконец-то испытает каждый порядочный человек, когда он будет избавлен от жизненных невзгод и проснется в царстве вечного света и покоя; оглядываясь назад на мир и его беды, он испытывает удивление и удовлетворение, сходные по характеру (хотя и гораздо более высокие по степени) с теми, которые мы испытываем сейчас, когда избавляемся от ужасающего сна и открываем глаза навстречу сладкой безмятежности летнего утра". Иногда в наших снах мы представляем сцены чистой и невыразимой радости; и как сильно мы сожалеем, просыпаясь, что небесного видения больше нет! Но каким должен быть восторг доброго человека, когда он вступает в области бессмертия и созерцает сияющие поля постоянного восторга! Идея такой счастливой смерти, такого сладостного перехода от земных грез к реальности небес прекрасно описана Драйденом в его стихотворении под названием "Элеонора":

"Она прошла спокойно, на одном дыхании;
В этот момент она была совершенно здорова, в следующий - мертва;
Один вздох обеспечил ей вечное блаженство;
Так мало покаяния требуется, когда души чисты.
Как нежные сны, преследуют наши мысли наяву;
Или, пройдя один сон, мы соскальзываем в новый;
Они следуют так близко и соблюдают такой дикий порядок, что
Мы думаем, что бодрствуем, а на самом деле спим;
Смерть так мягко сменила в ней жизнь:
Ей всего лишь приснился рай, и она была там".

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ.

Сны - это причуды воображения, и в большинстве случаев они проистекают из внешних ощущений. Они имеют место только тогда, когда наш сон нарушен, и в этом случае мозг и нервная система способны выполнять определенные движения. Мы редко видим сны в первые часы сна; возможно, потому, что нервная жидкость тогда слишком сильно истощена; но сны в основном снятся ближе к утру, когда эта жидкость в какой-то мере восстановлена.

Все, что способно нарушить спокойствие ума и тела, может вызывать сновидения; таковы различные виды горя и печали, напряжения ума, привязанности и страсти, сырая и непереваренная пища, жесткое и неудобное положение тела. Те идеи, которые в последнее время занимали наш ум или производили на нас живое впечатление, обычно составляют главный предмет сновидения и в большей или меньшей степени задевают наше воображение, когда мы спим.

Животные также склонны видеть сны, хотя и редко; и даже люди, живущие умеренно и наслаждающиеся совершенным состоянием здоровья, редко бывают обеспокоены этой игрой воображения. И действительно, есть примеры живых и энергичных людей, которые вообще никогда не видят снов. Великий физиолог Галлер рассматривает сновидения как симптом болезни или как стимулирующую причину, из-за которой нарушается совершенное спокойствие сенсориума. Следовательно, наиболее освежающим является тот сон, который не нарушается сновидениями или, по крайней мере, когда мы отчетливо помним о них. Таким образом, большинство наших сновидений являются не более чем игрой воображения и берут свое начало главным образом из внешних впечатлений; почти все, что мы видим и слышим в состоянии бодрствования, приводит наше воображение к побочным понятиям или репрезентациям, которые определенным образом, спонтанно и без малейших усилий ассоциируются с внешними ощущениями. Место, где раньше жил человек, которого мы любим, платье, похожее на то, которое мы видели на ней, или предметы, привлечшие ее внимание, как только попадают на глаза, они сразу же занимают наш ум. И хотя эти образы, ассоциирующиеся с внешними ощущениями, не достигают полного осознания силой воображения, все же даже в своем скрытом состоянии они могут стать очень сильными и постоянными.

Цицерон рассказывает нам историю о двух аркадцах, которые, путешествуя вместе, прибыли в Мегару, город в Греции, расположенный между Афинами и Коринфом, где один из них остановился в доме друга, а другой - на постоялом дворе. После ужина человек, поселившийся в частном доме, лег спать, и, засыпая, ему приснилось, что его друг из трактира явился ему и умолял о помощи, потому что трактирщик собирался убить его. Человек немедленно встал с постели, сильно напуганный этим сном; но, придя в себя и снова заснув, его друг явился ему во второй раз и пожелал, чтобы, поскольку он не смог вовремя оказать ему помощь, он позаботился, по крайней мере, о том, чтобы его смерть не осталась безнаказанной; что хозяин гостиницы, убивший его, бросил его тело в телегу и засыпал навозом; поэтому он умолял, чтобы утром он был у городских ворот, прежде чем телега отъедет; пораженный этим новым сном, он рано подошел к воротам, увидел телегу и спросил возницу, что случилось. В нем возница немедленно скрылся, мертвое тело было извлечено из повозки, а хозяин гостиницы задержан и казнен.

Очень часто наблюдается, что в сновидении ряд представлений внезапно прерывается, и его место занимает другой ряд совершенно иного рода. Это происходит, как только идея ассоциируется сама с собой; которая, по какой бы причине, ни была более интересной, чем непосредственно предшествующая. Тогда последняя становится преобладающей и определяет ассоциацию. Однако и этим воображение часто возвращается к предыдущему ряду. Отмечается перерыв в ходе предшествующих событий, и сила абстрагирования сходств заключается в поиске причины этой неправильности. Следовательно, в таких случаях обычно происходит какое-то неприятное событие, которое приводит к прерыванию повествования.

Представляющая сила может снова внезапно привести нас к другому ряду идей, и, таким образом, воображение может быть уведено ранее определенной вспомогательной силой от одной сцены к другой. К такого рода, например, относится следующий замечательный сон, описанный и объясненный в работах профессора Мааса из Галле: "Однажды мне приснилось, - говорит он, - что меня посетил папа Римский. Он приказал мне открыть мой письменный стол и тщательно просмотрел все бумаги, которые на нем лежали. Пока он был таким образом занят, из его тройной короны на мой стол выпал очень сверкающий бриллиант, на который, однако, никто из нас не обратил никакого внимания. Как только папа удалился, я лег в постель, но вскоре был вынужден встать из-за густого дыма, причину которого мне еще предстояло узнать. При осмотре я обнаружил, что алмаз поджег бумаги в моем столе и сжег их дотла".

В связи с особыми обстоятельствами, вызвавшими этот сон, он заслуживает следующего краткого анализа. "Накануне вечером, - рассказывает профессор Маас, - меня навестил друг, с которым у меня состоялся оживленный разговор о подавлении Джозефом II монастырей. С этой идеей, хотя я и не осознал ее во сне, был связан визит, который папа публично нанес императору Иосифу в Вене в связи с мерами, принятыми против духовенства; и с этим снова сочеталось, хотя и слабо, представление о визите, нанесенном мне моим другом. Эти два события были объединены в одно в соответствии с установленным правилом — то, что согласуется в своих частях, соответствует и целому; следовательно, визит Папы был заменен визитом ко мне. Затем, чтобы объяснить этот необычный визит, специалисты по дополнительному обоснованию сосредоточились на том, что было самым важным предметом в моей комнате, а именно на письменном столе, или, скорее, на бумагах, лежавших на нем. То, что бриллиант выпал из тройной короны, было сопутствующей ассоциацией, которая объяснялась всего лишь изображением письменного стола. Несколько дней ранее, открывая письменный стол, я разбил стекло своих часов, которые держал в руке, и осколки упали среди бумаг. Следовательно, бриллианту больше не уделялось внимания, поскольку он был символом сопутствующего ряда вещей. Но впоследствии представление о сверкающих камнях снова возникло и стало преобладающей идеей; следовательно, оно определило последующую ассоциацию. Из-за своего сходства он вызвал представление огня, с которым его смешали; отсюда возникли огонь и дым. — Но в данном случае были сожжены только рукописи, а не сам письменный стол; поскольку он представлял сравнительно меньшую ценность, на него вообще не было направлено внимание". Далее, можно заметить, что в человеческом уме существуют определенные неясные представления и что необходимо убедиться в реальности этих образов, если мы желаем постичь связь, существующую между операциями воображения. Из многочисленных явлений, основанных на неясных идеях и которые, следовательно, доказывают их существование, мы отметим только следующее. Хорошо известный факт, что многие сновидения возникают из впечатлений, произведенных в теле во время сна; и они состоят из аналогичных образов или таких, которые связаны с ощущениями, которые возникли бы в результате этих впечатлений во время бодрствования. Следовательно, например, если наши ноги расположены перпендикулярно, нас часто пугает сон, который подразумевает неминуемую опасность падения с отвесной скалы или пропасти. Ум должен живо представлять себе эти внешние впечатления, иначе никакая идеальная картина не могла бы возникнуть таким образом; но поскольку мы совсем не осознаем их, они представлены лишь слабо и смутно.

Если мы примем решение вставать утром раньше обычного и запечатлеем это решение в своем уме непосредственно перед отходом ко сну, мы почти наверняка добьемся успеха. Теперь самоочевидно, что этот успех не может быть приписан усилиям тела, но в целом разуму,

который, вероятно, во время сна воспринимает и вычисляет продолжительность времени, так что это производит впечатление на тело, которое позволяет нам проснуться в назначенный час. Однако все это происходит вне нашего сознания, и представления остаются неясными. Многие произведения искусства настолько сложны, что для их создания требуется множество простых концепций; однако художник почти полностью не осознает этих индивидуальных представлений. Таким образом, человек исполняет музыкальное произведение, не будучи обязанным сознательно размышлять о значении нот, их значении и порядке пальцев, который он должен соблюдать; более того, он даже не различает четко струны арфы или клавиши клавесина. Мы не можем приписать это механизму тела, которое могло бы постепенно привыкнуть к точному расположению пальцев. Это может быть применено только там, где мы помещаем музыкальное произведение, часто разучиваемое; но это совершенно неприменимо к новому произведению, которое профессор играет с такой же легкостью, хотя он никогда раньше его не видел. В последнем случае неизбежно должно возникать идеальное представление, или акт суждения, предшествующий каждому движению пальца.

Мы полагаем, что этих аргументов достаточно, чтобы доказать существование этих неясных понятий и репрезентаций, из которых происходят все наши сны. Однако прежде чем мы закроем эту тему, мы расскажем следующий необычный сон знаменитого Галилея, который в очень преклонном возрасте потерял зрение. Во время одной из своих прогулок по прекрасной равнине, которую проводил его ученик Тройчелли, достопочтенный мудрец рассказал ему следующий сон. "Когда-то, - сказал он, - мои глаза позволяли мне наслаждаться прелестью этих полей. Но теперь, когда их свет погас, эти удовольствия потеряны для меня навсегда. Небеса справедливо налагают наказание, которое было предсказано мне много лет назад. Находясь в тюрьме и нетерпеливо томясь по свободе, я начал испытывать недовольство путями Провидения; Коперник явился мне во сне; его небесный дух повел меня над сияющими звездами и угрожающим голосом упрекнул меня за то, что я роптал на него, по чьему указанию все эти миры возникли из ничего. "Придет время, - сказал он, - когда твои глаза откажутся помогать тебе созерцать эти чудеса".

Теперь мы перейдем к рассмотрению предмета сновидений с другой точки зрения, то есть с точки зрения использования в качестве средства гадания при лечении болезней, при которых фантазии мозга на самом деле приносят так же мало пользы, как и при любых других соображениях, при которых существуют такие мнимые предзнаменования.

СНОСКИ:

[81] Вольфиус, Психолог. Эмпир. Раздел. 123.

[82] *Mém. de l'acad. de Berlin*, tom. ii. p. 316.

[83] Арист. о бессоннице. глава 3.

[84] *Quae in vita usurpant homines, cogitant, curant, vident quaeque agunt vigilantes, agitantque, ea cuique in somno accidunt. De Div.*

[85] Эссе о человеческом понимании, книга, глава i, раздел 17.

[86] Обс, о человеке, том 1, раздел. 5.

[87] В уме есть явление, которое, хотя и происходит с нами, когда мы совершенно бодрствуем, все же ближе всего ко сну из всех, которые я знаю. Это называется *мечтательностью*, или, как некоторые называют это, *коричневым изучением*, своего рода средним состоянием между бодрствованием и сном; в котором, хотя наши глаза открыты, наши чувства, кажется, полностью отключены, и мы совершенно нечувствительны ко всему, что нас окружает, и все же мы все время погружены в задумчивую леность мыслей или как бы блуждаем от одной сказочной сцены к другой, без всякого самообладания; из которого, если какой-либо шум или несчастный случай разбудит нас, мы проснемся, как от настоящего сна. , и часто мы так же затрудняемся сказать, как были задействованы наши мысли, как если бы мы пробудились от самого крепкого сна. Это часто называют *сновидением*, иногда *отсутствием*, что часто наблюдается у влюбленных и людей меланхоличного или даже спекулятивного склада. *Диалоги Фордайса об образовании, том II. стр. 255.*

[88] Левиафан, часть. 1. с. 1.

ГЛАВА XI.

ОБ ИНКУБАЦИИ; ИЛИ ИСКУССТВЕ ИСЦЕЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ ВИЗИОНЕРСКОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ.

Медицина, несомненно, относится к числу древнейших из всех гуманитарных наук. На начальном этапе развития общества, когда простота нравов характеризовала занятия человечества, в медицинской помощи мало кто нуждался; но когда природа человека выродилась, а порок и роскошь развратили его привычки к невинности и воздержанию, возникли болезни, которые только эти средства могли остановить или искоренить. Знание о них поначалу не могло не быть эмпирическим и ненадежным. Больных помещали на возвышенных путях, чтобы путешественники и случайные прохожие могли помочь им своим советом; и в конце концов священство присвоило эту привилегию исключительно себе.

Не только жреческое достоинство делало их объектами благоговения неграмотной толпы; священники считались хранителями науки и образованности и проявили себя столь же искусными, сколь и успешными, укрепляя свое влияние теми искусствами, которые лучше всего были рассчитаны на то, чтобы разжечь предубеждения простонародья в их пользу.

Это работа веков - отучить людей и нации от популярных иллюзий и глубоко укоренившихся мнений, передаваемых от отца к сыну: поэтому нас не может удивлять, что даже тогда, когда интеллектуальная энергия Греции проявляла себя усилиями, которые вызвали восхищение в последующие века, в медицине все еще оставалась популярной догма, "что люди, страдающие телесными немощами, могут быть повергнуты в состояние зачарованного оцепенения, в котором, хотя они и лишены каких-либо предыдущих медицинских знаний, они были бы способны установить природу своего недуга, а также болезней сердца". других и изобрести средства их излечения". На этой догме была основана тайна инкубации, или искусство исцеления с помощью визионерского прорицания.

Нашей целью здесь не является обсуждение того, может ли человек быть способен к прорицанию: такая способность, однако, была присвоена ему не только простолюдными, но и большим числом философских сект древности; и, по-видимому, имеет некоторый привкус безрассудства в том, что Эпикур и киники осмелились отвергнуть веру, столь универсально и усердно поддерживаемую и основывающуюся на бесконечном количестве традиций и

рассказов о пророках, которыми Греция изобиловала с древнейших времен и в божественном даре пророчества которых в настоящее время было самое твердое убеждение. развлекался. Эсхил, Плутарх, Апулей и другие греческие авторы достаточно убедительно подтверждают это убеждение и говорят нам, что необычными и нерегулярными движениями тела, опьяняющими парами или определенными священными восклицаниями люди могли быть повергнуты в зачарованный транс; в котором, находясь в состоянии между сном и бодрствованием, они были невосприимчивы к внешним впечатлениям и, получая проблеск будущего, были одарены силой пророчества. Однако здесь их упоминание касается только знаменитых предсказаний Пифии. [89] Поэтому мы должны исследовать несколько глубже, чтобы проиллюстрировать тот вид гадания, который был результатом сновидений и источником гаданий о природе болезней и средствах от них.

Этот вид суеверия был не менее распространен, чем первый, среди древних, чьи храмы были постоянно переполнены больными и оглашались их мольбами о прорицательных снах, которые рассматривались как непосредственный дар богов. Действительно, народы древности повсеместно признавали небесное происхождение снов, а отсюда и их эффективность в качестве оракулов. Ничто не могло быть более естественным, чем такая идея. Исходя из грубых и несовершенных представлений, которые долгое время преобладали в отношении души, для них едва ли было возможно приписать впечатления, которые сохранила их память о создании их фантазии во время сна, инструменту их собственного тщеславия; следовательно, они не могли не приписать их вмешательству какого-то постороннего агента, и к кому же более естественно они могли отнести их, как не к божеству? Когда они бодрствовали, они воображали, что их всегда сопровождают боги собственной персоной, и приписывали каждую мысль и разрешали каждое явление или несчастный случай, которые отклонялись от обычного хода природы, непосредственному влиянию надзирающего божества. Именно под таким впечатлением столь многие народы изначально основывали свою веру в гадательные сны. Таким образом, записи древности изобилуют примерами (по большей части относящимися к раннему периоду), когда действия людей были результатом сна, чье тщеславие полностью расходилось с реальным положением их дел. Прошло совсем немного времени, прежде чем разнообразие снов привлекло их внимание: некоторые были связаны и просты, другие были неясны и состояли из любопытных фантазий, хотя и не лишенных разрешения с помощью витков аллегории.

Не было ничего противоестественного в переходе от общепринятой веры в сны к идее, что они могут стать средством получения наставлений от богов: отсюда институт оракулов, чьи ответы давались во снах; и добавление спальных комнат ко многим храмам, таким как в Эпидавре и в Оропосе. Здесь было так, что после благочестивых церемоний и молитв люди ложились спать в ожидании снов; когда ожидание сбывалось, хотя сон оказывался очень запутанным или запутанным, сновидцу всегда удавалось согласовать его со своими обстоятельствами: его собственная вера и уловки священников легко приводили к решению. Тщеславие, связанное с мечтами, в соответствии с желаниями приверженца, было настолько сильно усилено пройденным им подготовительным посвящением, что было бы несколько необычно, если бы он был полностью разочарован. Обычно он стремился приумножить славу своего божества своим сном и испытывал высокое почитание и глубокое впечатление от чудес, которые творило это божество. С такими предрасположенностями он отправился в темпл, где у него был целый день впереди, чтобы поразмыслить о своей болезни и о всевозможных лекарствах, которые могли быть ему предложены; насколько естественным было поэтому для его напряженного воображения сосредотачиваться во сне на одном конкретном средстве сильнее, чем на

другом? Добавьте к этому, что торжественный одинокий ночной час был назначенным часом для его сна, которому предшествовали молитва и другие вдохновляющие церемонии, которые, естественно, подняли бы его набожность на самую высокую ступень. Ранее он также совершал прогулку по храму и с полным сердцем рассматривал приношения тех, чья болезнь отступила от них.

Если бы все эти приготовления оказались безрезультатными, у служителей храма все еще оставались в запасе средства, с помощью которых левоверных следовало привести в то телесное состояние, которое было необходимо для гадательного сна: последующие примеры этого будут приведены ниже. В те дни, однако, были некоторые люди, которым была отказана снотворная способность: поэтому им было рекомендовано повторять свои молитвы и приношения, чтобы завоевать благосклонность божества; и последним и общепринятым средством было, если успех неувенчает его упорство, объявить это знаком того, что такие пациенты были бельмом на глазу божества.

Из этого гадательного сна возникли вульгарные выражения в Греции [греч. *enkoimasdai*] и [греч. *enkoimaesis*] [90] Латинские термины *incubare* и *incubatio* являются точным переводом греческих слов. Таким образом, представляется, что римляне и греки были одинаково знакомы с этим институтом; хотя мы находим лишь очень мало упоминаний о нем у латинских авторов, все же это не аргумент против его распространенности среди римлян, поскольку у нас остались столь же скудные сведения о многих других суевериях, которые были в моде среди них. Весьма вероятно, что это ни в коем случае не было так популярно в Риме, как в Греции; и причину этого, возможно, можно искать в рассудительном характере надменного римлянина, которому легкий и изменчивый темперамент грека составлял столь разительный контраст.

То, что инкубация была готовым средством погружения в будущее, не нуждается в доказательстве. Хотя к его практике прибегали в основном в тех случаях, когда требовалась медицинская помощь, к нему все еще прибегали во всех других случаях, когда обращались к древним оракулам. Возникло ли оно в Греции или мигрировало туда с Востока, древние оставили нас неизвестными, хотя и указывают на его распространенность среди тех, кого называли варварами. У Страбона есть несколько примеров этого, и он, в частности, упоминает место на Каспийском море, где существовал такой оракул; [91] он также рассказывает в своем знаменитом рассказе о Моисее, что этот законодатель установил вместе со священниками Эскулапа, что тем, кто вел целомудренную и добродетельную жизнь, божество будет даровать пророческие видения в своем святилище; но тем, кто имел праздные и нечистые привычки, в них будет отказано. [92]

Помпонию Мелу даже упоминает о дикарском народе во внутренней части Африки, который укладывался спать на могильных камнях своих предков и смотрел на сны, которые они видели в этих местах, как на оракулов из мертвых. [93] Позже мы увидим, что это суеверие было столь же исконным среди египтян. Хотя сомнительно, были ли греки обязаны этим видом гадания своему собственному изобретению или нет, его существование, по крайней мере, можно проследить вплоть до самых ранних эпох их истории; несмотря на то, что ни Гомер, ни авторы, следовавшие за ним, не упоминали о нем положительно.

Оракульная сила снов и святилища, где они, как предполагается, рассеяны, подробно освещались в сборниках Ван Дейла и других ученых авторов. Эти виды оракулов пользовались большим уважением даже в самые просвещенные и процветающие периоды Греции; однако

несколько странно, что ни один народ не ценил их более преданно, чем спартанцы, которые полностью зависели от оракулов в своих самых важных государственных делах. Из всех цивилизованных народов Греции Спарта всегда считала себя самой суеверной; ее прогресс был скорее результатом ее политики, чем какого-либо стимула, приданного ее цивилизации наукой. Это соображение позволит нам объяснить то мощное влияние, которое даже на последних этапах лакедемонянской истории оказывали ответы Пассифеи, местной богини Таламе, но малоизвестной за пределами Лаконии. Степень их влияния особенно очевидна в истории Агиса и Клеомена. [94]

Большая часть этих сомнамбулических предсказаний приписывалась людям, которые еще на земле проявили себя как великие сновидцы. В древние времена существовали описания пророков, которые делали вид, что готовятся к предчувствию будущих событий посредством священных снов. Они были классифицированы под названием [греч. *Oneiroploi*], к этому рангу принадлежали самые знаменитые вейты героической эпохи. Таким образом, Кальху было посвящено священное место, откуда он давал свои ответы в снах после своей кончины: это место находилось в Даунии, на побережье Адриатики. Служение просителя начиналось с принесения в жертву барана, на шкуре которого он ложился и в этой ситуации получал наставления, которых искал. [95] У Амфилока, современного прорицателя, сопровождавшего эпигонов в первой фиванской войне, был похожий оракул в Маллосе, в Киликии, который, по утверждению Павсания, даже в конце второго века был самым заслуживающим доверия в его эпоху; он также упоминается Дионом Кассием в его "истории Коммода". [96]

Однако самым известным из этого класса оракулов был оракул Амфиарая, отца Амфилока, который был одним из пяти главных оракулов Греции; он проявил себя как мудрый прорицатель во время первой фиванской войны; и его оракул находился в Оропосе, на границе Боэции и Аттики. Из всех других приемов этот заслуживает нашего самого особого внимания, поскольку к нему прибегали чаще в случаях немощи и болезней, чем при любых других обстоятельствах. Его ответы всегда были даны в снах, в толковании которых, поскольку он был первым, кто обладал этой способностью. Павсаний говорит, что он удостоился божественных почестей. Те, кто отправлялся к оракулу Амфиарая, чтобы молить его о помощи, ложились так, как мы только что описали, после нескольких подготовительных обрядов очищения и жертвоприношений, на шкуру барана, заколотого в честь бога, и ожидали снов, которые должны были раскрыть способы их различных исцелений.

Очищения и жертвоприношения были, однако, не единственными подготовительными средствами для пробуждения провидческого настроения. Священники подвергали пациентов различным другим процедурам, которые, по утверждению Филострата [97], очень помогли сделать разум спящего ясным и незамутненным. Часть этих приготовлений состояла в однодневном воздержании от еды и трехдневном, нет, даже в некоторых случаях пятнадцатидневном воздержании от вина, распространенного напитка греков. Так поступали и с другими оракулами; в то же время жрецы не были равнодушны к своим собственным интересам в этих случаях; тем, кто был исцелен откровениями Амфиарая, разрешалось омыться в священных водах источника, в который им было предписано бросать золотые и серебряные монеты, которые, по всей вероятности, должны были подсластить труды его служителей.

Оракулы, чьего вмешательства в основном или полностью добивались для исцеления больных посредством гадания, основанного на снах, были рассеяны по Греции, Италии, Египту и другим

странам. Что касается египетских оракулов, то можно отметить, что, хотя многие египтяне верили в существование тридцати шести демонов, или воздушных божеств, каждое из которых заботилось об определенной части человеческого тела и, когда эта часть была больна, исцеляло ее по искренней молитве пациента, все же множество их оракулов, таких как оракулы Сераписа, Исиды и Фтаса, греческого Гефеста, принадлежали к классу, который является настоящим объектом нашего исследования.

Оракул Серапис находился недалеко от Канопуса; его с величайшим почтением посещали самые богатые и прославленные египтяне, и в нем содержалось множество записей о чудесных исцелениях, которые этот бог совершал над спящими. [98] Говорят, что Исида при жизни совершала аналогичные исцеления, поэтому после обожествления ее обязанностью стало открывать больным во сне наиболее эффективные средства. Действительно, целебная сила этой богини была такова, что, как нам сообщает Диодор, [99] лекарства, которые она прописывала, никогда не теряли своего эффекта, и что ежедневно видели выздоравливающих, возвращающихся из ее храма, многие из которых были оставлены врачами как неизлечимые.

Третье оракул больных было посвящено Фтасу и находилось недалеко от Мемфиса, но древние редко упоминали о нем. [100]

В Италии существовало два оракула, ответы которых передавались во сне, еще до того, как культ Эскулапа был перенесен из Греции. Одно из них относится только к этому месту, к дому врача Подалируса в Даунии, [101] о котором упоминает Ликофрон. [102] Впоследствии хорошо известно, что инкубация практиковалась по греческой форме в римском храме Эскулапа на Тиберском острове. [103]

Этим описанием оракулов изобиловала вся Греция; самым запоминающимся из них было то, что произошло на азиатском побережье, между Траттисой и Ниссой, которое Страбон описал более подробно, чем любое другое. Недалеко от города Нисса, говорит он, есть место под названием Чарака, где мы находим рощу и храм, посвященные Плутону и Прозерпине, а рядом с рощей - подземную пещеру самой необычной природы. Рассказывают, что больные люди, которые верят в лекарства, предсказанные этими божествами, привыкли прибегать к ним и проводить некоторое время с опытными жрецами, которые живут рядом с пещерой. Эти жрецы укладываются спать в пещере, а затем приказывают, чтобы те лекарства, которые были открыты им там, были предоставлены их пациентам в храме. Они часто сами уводят больных в пещеру, где те остаются вместе в течение нескольких дней, не прикасаясь ни к одному кусочку пищи; также непосвященным не отказывают в участии *вгадательном* сне, хотя это разрешается только под контролем и со священного разрешения священников. Однако нет ничего более удивительного в этом месте, чем то, что оно считается *вредным и смертельно опасным для здоровья*. [104] Это последнее замечание нашего географа, доказывает, насколько ревнив священническое врачи медицинских монополии, и как ужасно, если *вразумной* части человечества должны обнаружить и разоблачить мнимых добродетелей их медицинский комплекс.

До сих пор мы упоминали имя Эскулапа лишь вскользь, хотя в древности не было бога, более знаменитого тем, что он излечивал все виды болезней путем инкубационного процесса. Греки

особо называли его "отправителем снов" (греч. Oneiropompon); ни одно другое божество не могло похвастаться таким большим количеством этих оракулов. Самым выдающимся из них был оракул в Эпидавре, на территории Аргивян; оттуда его поклонение распространилось на значительную часть старого света; сюда, как место его рождения и место расположения его богатейшего храма, постоянно направлялись толпы больных в поисках сновидений. Сопутствующий им успех был старательно развешан на каждой стене храма; там, где *в табличках votive* были записаны имена тех, кто был исцелен, природа их болезней и лекарство, которое предписал бог. Аналогичные обстоятельства рассказываются о его Храме в Трикках, в Фессалии, где Эскулапий пользовался большим почитанием в очень ранний период; по-видимому, также существовал другой такой храм либо в Афинах, либо недалеко от них, [105] где мы должны искать сцену нелепого исцеления, которое Аристофан заставляет Эскулапа совершить над слепым богом богатства. Хотя в "Плутусе" греческого драматурга, несомненно, присутствует богатая жилка бурлеска, все же мы можем многое почерпнуть по нашему нынешнему предмету из сцены, в которой раб, сопровождавший Плутуса в Храме, рассказывает обо всем, что происходило с женой его господина. Здесь также ночь была выбрана в качестве периода высиживания. Прежде чем был подан сигнал ко сну, служители храма погасили все огни в комнате больных; таким образом, они погрузились в торжественную тишину и мрак, весьма благоприятные для предстоящей работы, но особым образом способствующие уловке жрецов, которые разыграли ночное видение Эскулапа своему больному клиенту.

Этот отрывок из *Plutus*, безусловно, является самым ранним подробным описанием практики этого вида инкубации, которым мы располагаем. [106] Вольность, дозволенная греческой комедии, была такова, что позволяла высмеивать и презирать самые популярные божества; следовательно, из этих сцен мы не должны делать вывод, что среди них было много неверующих или что эта древняя система лечения приобрела дурную славу: история великого современника нашего комедианта Гиппократа сообщает нам, что в то самое время храм Эскулапа на Косе изобиловал табличками, на которых больные указывали средства, которые были открыты им во время вынашивания, и что он сам был в большом долгу перед ними за их изобретение. большая часть его медицинских познаний.

Если бы это не было подтверждено самыми неопровержимыми свидетельствами, казалось бы невероятным, что обман учеников Эскулапа и всеобщая вера в его возрождающие силы сохранялись с такой же силой и признанием в течение веков, непосредственно следовавших за христианской эрой. Не следует, однако, забывать, что это были также времена, когда бесконечное количество суеверий всех мастей позорило римский мир; хотя казалось бы необходимым следствием, что их распространенность должна была быть сдержана растущим стремлением к образованию и науки.

Если в этот период количество пациентов со сновидениями на Косу и в Эпидавре сократилось, то дефицит был с лихвой компенсирован растущей популярностью святилищ Эскулапа в Риме, Пергаме, Алее, Маллосе и других местах, где в точности сохранялись древние ритуалы. Высшие должностные лица римских государств не только одобряли это суеверие, но и покровительствовали ему: Марк Аврелий - дружбой, которой он чтит пафлагонского самозванца Александра, и Каракалла - путешествием, которое он предпринял в Пергам, чтобы получить лекарство от поразившей его болезни. Этот Александр, Калиостро своего времени, чьи мемуары были переданы нам Лукианом, переложил на отца новый вид манипулирования древним процессом инкубации: он притворяется, что ему было необходимо провести ночь в

запечатанных суммах, содержащих вопросы, которые он должен был разрешить для тех, кто посещал его оракула. [107] В течение этого промежутка времени он ловко вскрыл переписки и снова запечатал их, притворившись, что ответы, которые он передал спрашивающим утром, были ниспосланы ему божеством во сне.

Жрецы Эскулапа обладали неиссякаемым источником информации о рецептах или обетных табличках, которыми изобиловали эти храмы. Иногда их выгравировали на колоннах, как в Эпидавре; из которых, по словам Павсания, в его время сохранилось шесть, и, кроме них, одна особенно выделялась среди остальных, на которой было записано, что Ипполит принес в жертву двадцать лошадей в обмен на то, что он вернул ее к жизни. Только пять мемориалов такого рода дошли до нашего времени. Одно из них можно найти вначале пятой книги Галена "De Compro", medic.: оно взято из храма Фтаса, недалеко от Мемфиса, и является наименее интересным из всего. Его предметом является использование Диктамна, заимствованного у Гераса Каппадокийского, писателя-медика, часто цитируемого Галеном. Остальные четыре гораздо важнее: они были выгравированы на мраморной плите [108] более позднего времени в Риме и, как полагают, с большой вероятностью, принадлежали храму Эскулапов на Тиберском острове. Настоящий перевод, в котором исправлены некоторые ошибки либо художника, либо переписчика, взят из первого тома Gruter's Corp. Inscriptionum. Повествования прозорливы и лаконичны.

1. "В эти последние дни некий слепой человек по имени Гай получил такое предсказание от оракула— "чтобы он приблизился к алтарю, как зрячий; затем пройдите справа налево, положите пять пальцев правой руки на алтарь, затем поднимите руку и приложите ее к своим глазам". И вот! толпа увидела, что слепой открыл глаза, и возрадовалась: такие великолепные чудеса должны были ознаменовать правление нашего императора Антонина".

2. "Луцию, который был настолько истощен болями в боку, что все сомневались в его выздоровлении, бог дал такой ответ: "Подойди к алтарю, возьми с него пепел, смешай его с вином, а затем ляг на свой больной бок". И человек выздоровел и открыто вознес благодарность богу среди поздравлений народа".

3. Юлиану, который плевался кровью и был предан всеми, бог дал такой ответ: "Подойди поближе, возьми кедровые яблоки с жертвенника и ешь их с вином в течение трех дней. И этот человек выздоровел, и пришел, и возблагодарил в присутствии людей".

4. "Слепой солдат по имени Валериус Аспер получил такой ответ от бога: чтобы он смешал кровь белого петуха с молоком, приготовил из нее глазную мазь и натирал ею свои глаза в течение трех дней. И вот! слепой прозрел, и пришел, и публично возблагодарил бога".

Успех, с которым жрецы Эскулапа занимались своим обманом, и популярность, которую приобрели их ловкие манипуляции, не меньшая, чем вульгарная доверчивость, перестанут нас удивлять при более зрелом рассмотрении. Для них не могло быть трудной задачей внушить своим пациентам такое предубеждение, которое наилучшим образом соответствовало бы их целям. Эти доверчивые существа провели в храме несколько дней и ночей, и на их воображение не могло не произвести сильного впечатления то, что им усердно рассказывали о рецептах и излечениях Эскулапа; они также не сохранили во время сна многих живых впечатлений от своих дневных медитаций; их священнические сиделки также не были настолько слепы к своим собственным интересам или настолько небрежны к своей репутации,

чтобы не предписывать такие режимы питания и медицинские средства, которые были рассчитаны на облегчение страданий их пациентов. Кроме того, какими бы обманчивыми и эмпирическими ни были их внешние церемонии и смелые претензии, мы должны помнить, что священники, имеющие некоторое представление о медицинской науке, обычно отбирались для совершения богослужений в тех местах, где инкубационный процесс [109] был обычным делом. К этому знакомству добавлялись результаты повседневного опыта и частые возможности, которые непрекращающиеся требования немощных к их мастерству предоставляли им для исправления предыдущих ошибок и совершенствования своих практических знаний: постепенного выяснения различных видов и проявлений человеческих расстройств; и переваривания таких данных, которые позволили бы им с наименьшей вероятностью неудачи назначить способы лечения, подходящие для различных стадий и видов болезней заявителя. С такими средствами было бы немало странного, если бы жрецам Эскулапа не удалось обратить народное почитание в свою пользу.

СНОСКИ:

[89] Жрица Аполлона, через которую он передавал оракулы. Ее называли Пифией в честь самого бога, которого звали Аполлон Пифий, за то, что он убил змея Пифона. Жрица должна была быть чистой девственницей. Она сидела на крышке медного сосуда, установленного на треножнике, и оттуда, после бурного энтузиазма, произносила его предсказания; то есть она отрепетировала несколько двусмысленных и неясных стихов, которые были приняты за предсказания.

[90] Лучшие греческие лексикографы плохо объясняют эти слова. Servius ad Virg., Aen. vii. 88, says: *Incubare dicuntur proprie hic, qui dormiunt accipienda responsa*. Тертуллиан де Анима, С. 49, отсюда называет их *Incubatores fanorum*.

[91] Lib. XI. стр. 108. Париж, 1620 год.

[92] Там же. lib. XVI. стр. 761.

[93] De situ orbis, lib. I. глава 1.

[94] Plutarch apud Agis et Cleomen. Цицерон (de Div. 1. с. 48), вероятно, ссылается на этого оракула, когда говорит, что эфоры Спарты имели обыкновение спать в храме Пасифаи в случае чрезвычайных государственных обстоятельств. В окрестностях Таламе был похожий оракул, но не мех из Этилума, посвященный Ино.

[95] Страбон, lib. VI. p, 284.

[96] Pausanias, 1, 35.

[97] De vita Apoll. Тьян, 11. 37.

[98] Страбон, lib. xvii. стр. 801. Аниан. Дополнение. Алекс, vii. 6.

[99] В Египте lib. I, 25.

[100] Гален де сост. Мед. ст. Быт. v. 2.

[101] Подалирий и Махаон, два сына Эскулапа. Состояние медицины во времена Троянской войны было очень несовершенным, о чем мы видим на примере этих двоих, исполнявших

обязанности главных хирургов греческой армии. Их простая практика заключалась главным образом в извлечении дротиков или стрел, в остановке крови каким-нибудь настоем горьких трав, а иногда они добавляли чары или заклинания; которые, казалось, были поэтическим способом намереть, что часто раны заживали или болезни излечивались способом, необъяснимым никакими известными свойствами, которые они могли обнаружить либо в действии своих грубых средств, либо в известной тогда способности человеческого организма справлять нужду. В описании Гомером раны, которую Улисс в молодости получил в бедро от клыка разъяренного дикого кабана, кровотечение было остановлено божественными заклинаниями и песнями, а также какой-то повязкой, которая, должно быть, действовала под действием давления. Если бы какая-либо добродетель могла действовать как заклинание, то сам стих, описывающий рану, имел бы такое же право, как и любой другой; но нелегко объяснить, каким образом хирурги Древней Греции, до открытия кровообращения, могли накладывать повязки для упомянутых здесь целей; хотя, несомненно, эти повязки должны были действовать подобно жгуту, который в настоящее время является наиболее эффективным средством для пережатия поврежденной артерии и, таким образом, остановки кровотечения.

[102] Александр. 1050.

[103] Сало. Клейд. с. 28.

[104] Страбон. lib. xiii. Pausan. библиотека ii.

[105] Scholia ad Plut. v. 621

[106] Аристофан, закон Плута. ii, ст. 6 и iii. ст. 2.

[107] Лучани, опера. т. ii. изд. Рейции.

[108] Антиквары часто называют его *Tabella Marmorea apud Maffaeos*, поскольку он впервые сохранился в коллекции.

[109] Несколько странно, что в трактате Цицерона о гадании, а также в трудах Гиппократ и Галена так мало информации о способе лечения, который имел такую давнюю историю и пользовался таким всеобщим уважением. От двух последних следовало, по крайней мере, ожидать чего-то более удовлетворительного: Кос был местом рождения одного, а Пергам - другого.

ГЛАВА XII.

ОБ АМУЛЕТАХ, ТАЛИСМАНАХ—ФИЛЬТРАХ, ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВООБРАЖАЕМОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И Т.Д.

Амулеты - это определенные вещества, которые носят на шее или других частях тела под суеверным предлогом предотвращения болезней, излечения или устранения их.

Происхождение амулетов можно проследить до самых отдаленных эпох человечества. В наших исследованиях, направленных на выявление и фиксацию периода, когда средства правовой защиты впервые применялись для облегчения телесных страданий, мы вскоре теряемся в догадках или увлекаемся баснями. Действительно, ни в одной стране мы не можем достичь того периода, когда жители были лишены медицинских ресурсов, и даже среди самых некультурных племен мы находим медицину, почитаемую как благословение и практикуемую как искусство.

Чувства страдальца и тревога окружающих, должно быть, при самом грубом состоянии общества пробудили дух трудолюбия и исследований, направленных на облегчение, изменение температуры и холода, влажности и сухости; а регулирование и изменение рациона питания и привычек, должно быть, интуитивно напрашивались сами собой для облегчения боли; и когда эти средства истощались, чары, амулеты и заклинания были естественными средствами варваров, все более склонных потворствовать обманчивым надеждам суеверий, чем прислушиваться к голосу трезвого разума.

Следы амулетов могут быть обнаружены в очень ранней истории, хотя доктор Уорбертон, очевидно, ошибается, когда относит происхождение этих магических инструментов к эпохе Птолемея, которая была не более чем за триста лет до Рождества Христова. Это утверждение опровергается Галеном, который сообщает нам, что египетский царь Нечепс, живший за 630 лет до Рождества Христова, писал, что зеленая яшма, ограненная в виде дракона, окруженного лучами, при наружном применении укрепляет желудок и органы пищеварения. Более того, это мнение подтверждается Священным Писанием: ибо чем были серьги, которые Иаков закопал под дубом Сечем, как рассказывается в Книге Бытия, как не амулетами? Иосиф Флавий в своих "Иудейских древностях" [110] сообщает нам, что Соломон открыл растение, эффективное для лечения эпилепсии, и что он использовал амулет, чтобы усилить его действие. Корень травы был спрятан в кольцо, которое прикладывалось к ноздрям бесноватого; Иосиф Флавий отмечает, что он сам видел, как еврейский священник с полным успехом практиковал искусство Соломона в присутствии императора Веспасиана, его сыновей и трибунов римской армии. Благодаря этому искусству Соломона, демонстрируемому с помощью кольца или печати, у нас есть восточные истории, прославляющие печать Соломона и свидетельствующие о силе его власти над различными отрядами демонов или гениев, которые считались непобедимыми учителями или благодетелями рода человеческого.

Подобные средства не ограничивались только темными и варварскими веками. Теофраст объявил Перикла сумасшедшим, увидев его с амулетом, висевшим у него на шее. И в эпоху упадка Римской империи мы находим этот суеверный обычай настолько распространенным, что император Каракалла был вынужден издать публичный эдикт, предписывающий никому не носить при себе никаких суеверных амулетов.

Все средства, действующие как бы сочувственно и явно неравнозначные по эффекту, могут быть названы амулетами; независимо от того, используются ли они на расстоянии другим человеком или находятся непосредственно при пациенте. У евреев амулеты назывались *камеа*, а у греков *филактериями*. Латиняне называли их *amuleta* или *ligatura*; католики - *agnus dei*, или освященные реликвии; а туземцы Гвинеи - *фетиши*. Разные люди используют различные вещества, которые они почитают и считают способными уберечь их от опасности и инфекции, а также устранить болезнь, когда она присутствует. Плутарх говорит о Перикле, афинском военачальнике, что, когда к нему пришел друг и поинтересовался его здоровьем, он протянул руку и показал ему свой амулет; этим он хотел показать правду о своей болезни и, в то же время, доверие, которое он питал к этим народным средствам.

Амулеты по-прежнему распространены в католических странах и в наши дни; испанцы и португальцы сохраняют свою популярность. Среди евреев они одинаково почитаемы. Действительно, есть несколько примеров древних суеверий, часть которых не сохранилась, и нередко они были приняты людьми с хорошим пониманием в остальном, которые в оправдание

ссылаются на то, что они безвредны, стоят недорого, и если они не могут принести пользы, то не могут и навредить.

Лорд Бэкон, которого никто не может заподозрить в невежестве, говорит, что если мужчина наденет костяное кольцо или печать планеты, твердо веря, что таким образом он сможет заполучить свою любовницу и что это сохранит его невредимым в море или в битве, это, вероятно, сделает его более активным и менее робким; поскольку смелость, которую они могли бы внушить, покорила бы и сковала более слабые умы при исполнении особого долга.

АМУЛЕТЫ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗУЮТСЯ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ.

Простые люди носят на себе самые разные вещи для лечения лихорадки; и, каким бы принципом это ни объяснялось, воображением или естественным прекращением болезни, многие из них, по-видимому, были вылечены ими там, где ранее не помогала перуанская кора, хваленый специфический препарат. Доктор Уиллис говорит, что на запястье часто с успехом накладывались заговоры, препятствующие лихорадке. Говорят, что АБРАКАДАБРА, написанная особым образом, то есть в форме конуса, излечивает лихорадку; трава лунария, собранная при лунном свете, по свидетельству некоторых авторитетных источников, оказывала удивительное лечебное действие. Возможно, это было собрано под призывным воздействием следующего заклинания, которое можно найти в 12—й книге, глава XIV. стр. 177 "Открытия Шотландца в области колдовства", которая озаглавлена так:

"Еще одно заклинание, которое ведьмы используют при сборе своих лекарственных трав."

Да здравствует ты, священная трава,
Растущая в земле.
И на горе Кальвер
Впервые мы нашли тебя.
Ты полезен для многих болячек,
И исцеляешь многие раны,
Во имя сладкого Иисуса
Я поднимаю тебя с земли.

Нам говорят, что Нееман исцелился, семь раз окунувшись в реку Иордан. Определенные формальности были также выполнены в бассейне Вифезды. Обезболивающие ожерелья доктора Чемберлейн долгое время были объектами самой трепетной материнской заботы, пока их оккультные достоинства не были утрачены из-за того, что почтение к ним было уничтожено; а те, что пришли им на смену, уже давно закончили свой путь или почти закончили.

Одно время предполагалось, что серая липовая трава была специфическим средством при гидрофобии — что она не только излечивала тех, кто страдал этим заболеванием, но и, если носить ее при себе, считалось, что она обладает необычайной способностью предотвращать укусы бешеных собак. Калверт помолился святому Хьюберту за выздоровление своего сына, который был вылечен этим средством. Сын также выполнил необходимые обряды в святилище и был излечен не только от гидрофобии, "но и от более тяжелой френзии, которую привил ему отец". Также использовались скобы; и по сей день вокруг ног обвязывают кожу угря, чтобы предотвратить это спазматическое заболевание; и, укладывая палки на пол перед сном, также предотвращают судороги.

В наши дни для удаления бородавок используются многочисленные заговоры, многие случаи которых не на шутку удивляют. И лорд Верулам, который, как считается, был самым великим гением, какого когда-либо рождала эта страна, рассказал нам, что, когда он был в Париже, у него на руках было более сотни бородавок; и что супруга английского посла, находившаяся в то время при дворе, и женщина, стоящая гораздо выше суеверий, удалила их все, всего лишь натерев жирной стороной кожуры куска бекона, который они впоследствии прибили к столбу жирной стороной к югу. Через пять недель, говорит милорд, все они были удалены. Ниже приводятся наблюдения его светлости, по его собственным словам, относительно силы амулетов. После глубоких метафизических наблюдений над природой и аргументации в пользу смягчения последствий колдовства и гаданий, которые намного превосходят веру в амулеты, он замечает: "Мы не должны отвергать все такого рода, потому что неизвестно, насколько те, кто способствует распространению суеверий, зависят от естественных причин. Чары обладают силой не из-за контакта со злыми духами, а исключительно из-за усиления воображения: точно так же, как образы и их влияние преобладали в религии, будучи вызванными другим способом использования - сигилами, заговорами и заклинаниями".

ЭКСЦЕНТРИЧНОСТИ, КАПРИЗЫ И ЭФФЕКТЫ ВООБРАЖЕНИЯ.

Некий писатель, извиняясь за неправильности великих гениев, высказывается следующим образом: "Дары воображения возлагают на нас самую тяжелую задачу - бдительность разума; и чтобы использовать эти способности с безошибочной прямоотой или неизменной пристойностью, требуется определенная степень твердости и холодного внимания, которые не всегда сопутствуют высшим дарам ума. И все же, какой бы трудной ни казалась сама природа, сводящая задачу регулярности к гениальности, высшим утешением в тупости является использование тех излишеств, которыми они никогда не обладали". [111] *Нели дары воображения* ошибочно принимаются здесь за силу страстей? Несомненно, там, где сильные страсти сопровождают большие части тела, как, возможно, это часто бывает, воображение может усилить их силу и активность; но там, где страсти спокойны и нежны, воображение само по себе должно казаться находящимся в конфликте с разумом лишь умозрительно. Там, действительно, она ведет вечную войну; и, если ее не пресекать и строго не регулировать, она приведет пациента к бесконечным сумасбродствам. Термин "терпеливый" здесь употреблен правильно, потому что мужчины под влиянием воображения действительно страдают расстройством психики. Степень этого расстройства будет пропорциональна преобладанию воображения над разумом и, в соответствии с этим соотношением, будет более или менее причудливой; но когда разум, так сказать, исчезнет и воображение будет править единолично, тогда расстройство будет безумием в самых диких и фантастических формах. Таким образом, один из этих инвалидов, возможно, будет опечален тем, что был самым несправедливым образом лишен короны; хотя его призвание, бедняга! быть школьным учителем. Другой, подобно безумцу Горация, сам по себе радость; и исцеление его может показаться даже жестокостью.

Операции и капризы воображения разнообразны и бесконечны; и, поскольку они не могут быть сведены к регулярности или системе, крайне маловероятно, что для них когда-либо будет найден какой-либо определенный метод лечения. Обычно считалось, что бреду воображения с наибольшим успехом можно противопоставить факты как доказательство для чувств и неизбежную убедительность для разума; но мы скорее подозреваем, что способность к

пониманию или рассуждению имеет мало общего во всех этих случаях: по крайней мере, так должно казаться из двух следующих фактов, которые отнюдь не плохо подтверждены.

Фиенус в своей любопытной книжечке *"О воображении"* описывает со слов Доната случай с человеком, которому показалось, что его тело увеличилось до таких размеров, что он не осмелился даже попытаться пройти через дверь своей комнаты. Врач, полагающий, что ничто не может более эффективно вылечить эту ошибку воображения, чем показать, что это действительно можно сделать, заставил пациента пройти через это с силой: он был поражен ужасом и внезапно впал в агонию, жаловался, что его разорвало на куски, и вскоре после этого скончался. [112]

Другой случай, описанный Ван Свитеном в его комментариях к Бурхааве, связан с ученым человеком, который учился до тех пор, пока ему не показалось, что его ноги сделаны из стекла; вследствие чего он не осмеливался пошевелиться, но постоянно беспокоился о них. Его служанка, однажды принеся немного дров для камина, небрежно бросила их вниз; и получила строгий выговор от своего хозяина, который был не на шутку напуган своими стеклянными ножками. Угрюмая девица, потеряв всякое терпение к его выходкам, как она их называла, ударила его бревном по больным частям; это так взбесило его, что он мгновенно поднялся и с этого момента снова мог передвигаться на ногах. — Был ли здесь больше замешан разум; или, скорее, один слепой импульс действовал вопреки другому?

Несомненно, воображение оказывает самое мощное воздействие на разум и во всех этих чудесных исцелениях является, безусловно, самым сильным ингредиентом. Доктор Стротер говорит: "Влияние разума и страстей действует на разум и тело при разумных действиях подобно лекарству и обладает гораздо большей силой, чем физические упражнения. Выражение лица выдает доброе или злое намерение; и это доброе или злое намерение будет вызывать у разных людей силу противостоять или слабость уступать преобладающей стороне". Доктор Браун говорит: "Наша внешность обнаруживает наши страсти, на наших лицах мистически присутствуют определенные черты, которые несут в себе девиз нашей души и, следовательно, вероятно, оказывают тайное воздействие на другие части". Эта идея прекрасно проиллюстрирована Гартон в его "Наставлении" в следующих строках:

"Так бледнеют взоры, возвещая безудержную ярость,
И зябкие девы вспыхивают пламенем.

Смотрите, как зависть часто превращается в бледную маску,
А веселье сидит веселым и улыбается в глазах,
Часто о цвете нашего лица говорит душа,
И какие страсти таятся в чертах лица.

Следовательно, мы ищем чудесную причину, чтобы найти,
Как тело действует на бесстрастный разум".

Основываясь на силе и удовольствии воображения, на удовольствиях и муках, которые оно причиняет здесь, внизу, Аддисон приходит к выводу, что Бог, которому известны все способы причинять нам страдания, может переносить нас в будущее такими прекрасными и славными видениями или мучить такими отвратительными и жуткими призраками, которых даже самих по себе может быть достаточно, чтобы составить целый рай или ад для любого будущего существа.

УЧЕНИЕ ОБ ЭФФЛЮВИЯХ — ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ С ПОМОЩЬЮ ТАЛИСМАНОВ, ОБЕРЕГОВ И Т.Д.

Доктор Уиллис в своем Трактате о нервных расстройствах без колебаний рекомендует амулеты при эпилептических расстройствах. "Возьмите, - говорит он, - несколько свежих корней пиона, нарежьте их квадратными кусочками и повесьте на шею, меняя их так часто, как они высыхают". Не исключено, что из этого обстоятельства был взят намек на болеутоляющие ожерелья, которые некоторое время назад пользовались такой репутацией, поскольку Доктор, немного дальше, прописывает тот же корень при слабости, лихорадке и конвульсиях у детей во время прорезывания зубов, смешанный, чтобы придать ему более чудодейственный эффект, с каким-нибудь лосиным копытом.

Говорят, что танец святого Вита был исцелен больным человеком, посещавшим могилу святого близ Ульма каждый май. В самом деле, в этом утверждении есть немалый резон; ведь физические упражнения и смена воздуха излечивают многие упрямые болезни. Укус тарантула излечивается музыкой; и это только под определенные мелодии. Тернер, чьи идеи настолько экстравагантно абсурдны, когда он утверждает, что симптомы гидрофобии могут не проявляться в течение сорока лет после укуса собаки, и который утверждает, что "запах крови или дыхание такой собаки заразно"; и что люди, укушенные бешеными собаками, снова будут кусаться по-собачьи и умрут сумасшедшими; хотя он смеется над обезболивающими ожерельями, рассуждает во многом в том же духе. На самом деле не так уж и странно, что побочные эффекты от внешних лекарств, поступающих в наш организм, должны вызывать такие значительные изменения, когда мы видим, что действительная причина апоплексии, эпилепсии, истерики, чумы и ряда других расстройств заключается, так сказать, в незаметных испарениях. Считается, что камень крови (ляпис Этит), прикрепленный к руке каким-то секретным способом, предотвращает аборт. Сиденхэм в "страсти по подвздошной кости" приказывает постоянно прикладывать к животу живого котенка; другие с успехом использовали голубей, разделанных заживо и прикладываемых к подошвам ног при чумной лихорадке и конвульсиях. Несомненно, создалось впечатление, что облегчение может быть получено с помощью внешних факторов, что двор царя Давида посоветовал ему поискать юную девственницу, чтобы часть естественного тепла могла быть передана его телу и придать сил разложению природы. "Возьмите сердце и печень рыбы и приготовьте дым, и дьявол почует это и убежит". Во время чумы в Марселе, которую Белорт приписал личинкам червей, заражавшим слюну, пищу и хилус; и которые, по его словам, "вылупились в желудке, достигли определенного размера и попали в кровь, затрудняя кровообращение, поражая соки и твердые части". Он советовал носить ртутные амулеты в мешочках, подвешенных к груди и ноздрям, либо в качестве защиты, либо как средство лечения; таким способом, *через пропускную способность* пор, в кровь попадали выделения, особенно разрушительные для всех ядовитых насекомых. "Прославленный принц, - говорит Белорт, - благодаря ношению такого амулета избежал оспы".

Итальянский врач Клогнини предписал носить с собой две или три драхмы неочищенной ртути в качестве средства защиты от желтухи, а также в качестве консерванта от ядовитых паров ненастного времени года: "Она разрушается, - замечает он, - и уничтожает различные фигурки семян чумных болезней, витающих в воздухе; или же, смешиваясь с воздухом, убивает их там, где они вылупились". Другие исследователи приписывали силу ртути в этих случаях избирательной способности, проявляемой теплом тела, которое вытягивает заразные частицы. Ибо, согласно этому распространенному представлению, все тела постоянно испускают вокруг

себя, в большей или меньшей степени, испарения, причем некоторые из них являются внутренними или внешними. Например, вода для ванн меняет цвет серебра в кармане тех, кто ими пользуется. Ртуть производит тот же эффект; Рвотное средство из винного камня, втираемое в подложечку желудка, вызывает рвоту. Зевота и смех заразительны, так же как страх и стыд. От вида кислых блюд или даже от мысли о них у вас сводит зубы. Оспа, зуд и другие болезни заразны; если это так, говорят они, то ртутные амулеты вполне способны уничтожить зародыш некоторых заболеваний, если их использовать только для наружного применения, либо путем растирания вручную, либо носить как амулет. Но медикаментозные они или нет, все амулеты ненадежны, и им ни в коем случае нельзя доверять в излечении болезней.

На Берберийских маврах и вообще во всех мусульманских владениях люди поразительно привязаны к чарам, которым и природе они оставляют лекарство почти от любого расстройства; и это наиболее сильное впечатление на них произвела их вера в предопределение, которое, согласно их вероучению, определяет зло, которое должен претерпеть человек, а также продолжительность времени, в течение которого ему предписано жить на земле своих предков; следовательно, они воображают, что любое вмешательство второстепенных средств им ничего не даст, мнение, которого, как говорят, придерживался Вильгельм III, но на самом деле это не так. ни в коем случае не рассчитанный на нации, свободу и торговлю; исходя из принципа, что, когда за ним закрепятся, люди, вероятно, будут более внезапны в своей мести и не будут любить медицину и род занятий; а когда им движет религиозный энтузиазм, ничто не сможет им противостоять.

Здесь стоит привести мнение старого военно-морского хирурга [113] по этому поводу. "Мы видим, что длительная и сильная страсть к одному объекту, будь то гордость, любовь, страх, гнев или зависть, вызвала у одних всеобщую дрожь; у других - конвульсии, безумие, меланхолию, чахотку, истерику или такое хроническое расстройство, которое истощило их плоть или силы, так же несомненно, как и прием любых ядовитых лекарств. Все страшное, внезапное или неожиданное для мягких, робких натур не только проявляется в дальнейшем, но и приводит иногда к очень неприятным последствиям — например, испуг перед парламентом заставит даже взрослых мужчин *предать* самих себя, напугает их до полусмерти, волосы поседеют. Удивление избавляет от коклюша; взгляд с обрыва или видение быстро вращающихся колес вызывает головокружение. Должны ли тогда эти мелкие случайности или страсти (возможно, вызванные капризом или юмором) произвести такие эффекты и ничего не смогут сделать с помощью амулетов? Нет; поскольку спиртные напитки во многих случаях прибегают в изобилии, мы находим то, что подсказывает фантазия, даруя радость сердцу, силу и быстроту конечностям и сильное сердцебиение. Обращение к амулетам при сильном воображении с большей силой воздействует на большую часть тела, и при таких обстоятельствах его естественная сила лучше проявляется при обсуждении.

"Лекарства, составленные таким образом, - говорит наш автор, - не более восхитительны, чем многие из самих недугов. Кто может определить, каким непостижимым способом укус бешеной собаки или тарантула может вызвать эти симптомы? Прикосновение торпеды вызывает онемение? Если им позволено делать это, несомненно, они могут делать и другое; и не чудесами, возможность которых Спиноза отрицает, а естественными и закономерными причинами, хотя и непостижимыми для нас. Следовательно, наилучший способ использования амулетов должен заключаться в том, чтобы привести их в соответствие с воображением пациентов: пусть новизна и неожиданность превзойдут изобретение, и поддержите настроение

длинным списком лекарств и ваучеров; этими и подобными средствами было излечено много болезней. Шарлатаны снова, в соответствии с их смелостью и манерой обращения (особенно бархатным и непогрешимым), добиваются успеха, поражая воображение аудитории. Если некоторые, более здравомыслящие, чем остальные, видят выкидыши доктора и их нелегко обмануть с первого взгляда, все же, когда они видят, что мужчине никогда не бывает стыдно, со временем бросайтесь ему на помощь".

В некоторых из приведенных выше замечаний много правды и уместности, и они практически применимы к общей практике наших дней. Фарсы и капризы людей часто требуют от врача такой же разборчивости, как и сама болезнь. Тем, кто лучше всех знает, как польстить таким капризам, часто больше всего платят за их беспокойство. Нервные заболевания всегда в моде, и именно здесь некоторая профессиональная сноровка вполне простительна. Природа, когда она непрерывна, часто делает больше, чем искусство; но наша неспособность во всех случаях оценить усилия природы в лечении болезней всегда должна делать наше представление о силах веры подверженным многочисленным ошибкам и обману. На самом деле, нет ничего более естественного и в то же время более ошибочного, чем возлагать излечение от болезни на последнее лекарство, которое было прописано. Благодаря этим средствам защитники амулетов и заговоров всегда имели возможность ссылаться на свидетельство того, что им угодно называть опытом, в оправдание своих претензий и вопиющих суеверий; и случаи, которые, по правде говоря, следовало бы отнести к разряду или, скорее, обозначить как счастливые избавления, были с триумфом расценены как искусное излечение; и, таким образом, лекари и практикующие врачи одинаково получали либо незаслуженную похвалу, либо клеймо несправедливого порицания. Из всех отраслей гуманитарной науки медицина является одной из наиболее интересных для человечества: и, соответственно, поскольку она культивируется ошибочно или разумно, очевидно, способствует предрассудкам или благополучию общественности. Из того, насколько велико значение того, что наши усилия должны быть направлены на пресечение распространения ошибок, происходящих либо от невежества, либо вызванных мотивами низменной алчности, на содействие распространению полезных истин и совершенствованию гениальных открытий.

СНОСКИ:

[110] Глава viii. глава 2. 5.

[111] "Жизнь мистера Коллинза" Лэнгхорна

[112] Reverii Praxis Medica, стр. 188.

[113] Джон Эйлкин, автор книги "Военно-морской хирург", 1742. Раздел "Демонология", стр. 64 и далее.

ГЛАВА XIII.

О ТАЛИСМАНАХ — КАКИХ-НИБУДЬ ЛЮБОПЫТНЫХ, НАТУРАЛЬНЫХ И Т.Д.

Египетские амулеты не такие древние, как вавилонские талисманы, но по своему назначению они были точно такими же. Несколько маленьких фигурок, предположительно предназначенных в качестве амулетов, были найдены на нескольких мумиях, которые в разное время были привезены в Европу. Плутарх сообщает нам, что солдаты носили кольца, на которых было

выгравировано изображение насекомого, напоминающего нашего жука; и мы узнаем от Элиана, что судьи всегда вешали себе на шею маленькую фигурку Истины, сделанную из изумрудов. Суеверная вера в достоинства талисманов еще далека от исчезновения, копты, арабы, сирийцы и, действительно, почти все жители Азии к западу от Ганга, будь то христиане или магометане, все еще используют их против возможного зла.

Существует небольшое различие между талисманами, амулетами и гри-гри африканцев в том, что касается их предполагаемой эффективности; хотя некоторые различия есть во внешней конфигурации. Магические фигурки, выгравированные или вырезанные в соответствии с суеверными соблюдением характеристик и конфигураций небес, называются талисманами; астрологи, философы-герметики и другие адепты приписывают им чудесные свойства, в частности способность вызывать небесные влияния. [114]

Талисманы самофракийцев, столь известные в древности, представляли собой куски железа, отформованные в виде определенных изображений и вставленные в кольца. Они считались предохранителями от всех видов зла. Были и другие талисманы, сделанные из овощей, а другие - из минералов. В первую очередь обычно выделялись три вида талисманов. *астрономические* знаки или созвездия небес, выгравированные на них, с другими фигурами и некоторыми непонятными символами; 2. *магический*, изображающий очень необычные фигуры, с неслыханными суеверными словами и именами ангелов; 3. *смешанные* талисманы, состоящие из знаков и варварских слов, но без каких-либо суеверных или имен ангелов.

Некоторые рабины утверждали и поддерживали, что медный змей, выращенный Моисеем в пустыне для уничтожения змей, досаждавших израильтянам, на самом деле был талисманом. Все чудеса, сотворенные Аполлоном Тианцем, приписываются силе и влиянию *талисманов*; и этот волшебник, как его называют, даже считается их изобретателем. Некоторые авторы принимают несколько рунических медалей, — по крайней мере, медалей, надписи на которых сделаны руническими знаками, — за талисманы, поскольку общеизвестно, что северные народы в их языческом состоянии были очень преданы им, М. Кедр, однако, показал, что медали, о которых здесь говорится, представляют собой совсем другие вещи, чем талисманы.

Из Евангелий явствует [115], что, когда святой Павел, после того как он потерпел кораблекрушение и спасся на острове Мальта, гадюка вцепилась ему в руку, когда он подкладывал в огонь собранную им вязанку хвороста; и что чудом и к великому изумлению зрителей, жителей острова, он не только не пострадал, но и исцелил божественной силой главу острова и множество других от очень опасных болезней. На этом острове до сих пор сохранилось множество трофеев, добытых Апостолом над этим ядовитым зверем, - множество маленьких камней, представляющих глаза и языки змей, которые в течение нескольких столетий считались мощными амулетами против различных видов болезней и ядов. Поскольку мальтийцы до сих пор хвастаются свойствами этих камней, а некоторые, напротив, утверждают, что это окаменелые зубы рыбы под названием ламия, здесь будет уместно привести некоторые наблюдения лучших авторов по этому интересному предмету, которые так важны для нашей цели.

Говорят, что эти змеиные глаза и языки мальтийцы находят только тогда, когда роются в земле, которая по всему острову беловатая, или вытаскивают камни, особенно около пещеры Святого Павла. Этот камень настолько мягок, что, подобно глине, его можно разрезать любым острым инструментом и легко придать ему различные формы для возведения стен домов и крепостных

валов; но когда он пропитан достаточным количеством дождевой или колодезной воды, он превращается в кремнь, который не поддается резке самым острым инструментом; поэтому дома, построенные из него в двух городах, кажутся высеченными из одной цельной скалы и становятся тверже, чем больше они подвергаются неблагоприятным погодным условиям. Эту твердость можно с полным основанием приписать селитряной соли, которая приобретает определенную вязкость от дождя, с которым ее смешивают, и которая легко проникает в эти камни, потому что их вещество губчатое и мелового происхождения и прилипает к языку, как орешник.

Именно в этих камнях найдены не только глаза и языки змей, но также их внутренности и другие части: легкие, печень, сердце, селезенка, ребра, настолько похожие на живые и с такими естественными цветами, что можно усомниться, являются ли они произведением природы или искусства; рисунок глаз и языков очень отличается. Некоторые из них эллиптические, но по большей части круглые: одни представляют собой полусферу, другие - сегмент, третьи - гиперболу. Глоссопеты от природы имеют коническую форму, представляя собой острые, тупые, правильные и неправильной формы конусы. Они также разного цвета, особенно глаза; ибо некоторые из них пепельного цвета, другие печеночного, одни коричневые, другие черноватые; но эти, как наиболее редкие, пользуются наибольшим уважением. Из них часто изготавливают браслеты в золотой оправе: некоторые представляют целый глаз с белым зрачком, и они самые красивые. Также встречаются браслеты оранжевого цвета.

Достоинства, приписываемые мальтийцами этим глазам и языкам, а также белой земле, которая встречается на острове, особенно в пещере Святого Павла, и которая хранится для использования аптекарями, как американский боле, очень необычны; ибо они считают их не только предохраняющим средством от всех видов яда и эффективным средством для тех, кто принял яд, но и полезным при ряде болезней. Их принимают внутрь, настаивая в воде, вине или в любом другом удобном ликере; или оставляют на несколько часов в сосудах, сделанных из белой земли; или саму белую землю принимают растворенной в этих напитках. Глаза, вставленные в кольца в виде драгоценных камней, так что они сразу же касаются плоти, местные жители носят на пальцах, а языки обвивают вокруг руки или подвешивают к шее.

Пол Буккони, сицилийский дворянин, рассматривал это представление о глазах и языках змей как простую вульгарную ошибку; и утверждает, что они либо представляют собой особый вид камня, добываемого в земле или в камнях острова Мальта, как в их матрице; или что они не что иное, как окаменевшие зубы какой-то морской рыбы; этого же мнения придерживаются Фабиус Колумна, Николас Стено и другие врачи и анатомы.

Этому благородному автору кажется, что глоссопеты следует отнести к животному царству, потому что при сжигании они превращаются в золу в виде костей, прежде чем превратятся в окалину или золу, в то время как обожженные камни немедленно превращаются в окалину. Далее он говорит, что корни глоссопеты часто находят сломанными различными способами, что является очевидным аргументом в пользу того, что они не были созданы природой в том месте, откуда их выкопали, потому что природа формирует другие окаменелости, полностью включенные в их матрицу, без каких-либо повреждений или увечий. Добавьте к этому, что вещество различно в разных частях глоссопеты; твердое на кончике, менее твердое у основания, плотное на поверхности, пористое и волокнистое внутри; кроме того, полированная поверхность, вопреки обычаю природы, которая не образует камней, будь то обычных или

драгоценных, полируется; и, наконец, фигура, которая различается по-разному, а также по размеру, бывает большой, широкой, треугольной, узкой, маленькой, очень маленькой, пирамидальной, прямой, изогнутой спереди, сзади, вправо и влево, в форме пилы с небольшими изгибами. зубы, снабженные большими зазубринами и часто абсолютно пирамидальной формы без зазубрин; все эти особенности подтверждают его мнение. Но поскольку он считает, что доказал, что глоссопетыры не следует причислять к камням, то также и то, что он сказал, может доказать, что это естественные зубы тех рыб, которых литографы называют ламиями, аквилами, реквиемами (акулами) и т.д. И, следовательно, вряд ли остается какая-либо причина для дальнейших сомнений по этому поводу.

Существуют изображения курьезов, о которых мы расскажем из Эфемерид курьезного. В Батавии, на острове Ява, принято видеть изображения змей, нанесенные на скорлупу яиц, Эндрю Клейерус, известный натуралист, говорит, что, когда он был в Батавии в 1679 году, он сам видел 14 сентября яйцо, только что снесенное курицей, обычного размера, но очень точно представляющее, ближе к вершине другой части скорлупы, фигуру змеи и все ее части, на поверхности были отмечены не только очертания змеи, но и три измерения яйца. тела были такими же осязаемыми, как если бы они были выгравированы искусным скульптором или оттиснуты на воске, пластике или какой-либо другой подобной материи. Можно было очень ясно разглядеть голову, уши и раздвоенный язык, начинающийся из горла; глаза были сверкающими и блистательными и так прекрасно передавали внутреннее и внешнее строение глазных частей своим естественным цветом, что, казалось, на них с удивлением смотрели даже зрители. Чтобы объяснить это явление, можно предположить, что, когда курица была близка к несению, ее взору предстала змея, и что ее воображение, пораженное этим, запечатлело фигуру змеи на яйце, которое было готово выйти из завязи.

Не менее замечательное яйцо было снесено курицей в Риме 14 декабря 1680 года. Знаменитая комета, появившаяся тогда над головой Андромеды, вместе с другими звездами была видна изображенной на ее оболочке. Себастьян Шеффер говорит, что он видел яйцо с изображением солнечного затмения на нем. У синьора Мальябекки в его письме в академию любопытных от 20 октября 1682 года есть такие слова: "В прошлом месяце я прислал из Рима рисунок яйца, найденного в Тиволи, с изображением солнца и прозрачной кометы с закрученным хвостом".

Есть также изображения индийских орехов, или маленьких кокосовых орехов, с головой обезьяны. Орех в точности выгравирован в "Эфемеридах любопытных" как по размеру, так и по форме и покрыт скорлупой, что выражено там цифрами и другими рисунками, которые представляют тот же орех, очищенный от оболочки и демонстрирующий голову обезьяны. Этот орех очень похож на иностранный фрукт, описанный Clusius, *Exoticorum lib. a*, который Джон Баухин (*Hist. Plant. Универсальная библиотека. 3*) сохраняя описание Клузиуса, называет "орехом, напоминающим ареку", и который С. Bauhin (*Pinac. lib. II, разд. 6*) называет плод четырнадцатой пальмы, на котором растут орехи, или иностранный плод того же сорта, что и арека.

Этот плод со скорлупой, как говорит Клузиус, полтора дюйма в длину, но толщиной несколько больше дюйма. Его панцирь, или перепончатая оболочка, толщиной примерно с лезвие ножа, снаружи пепельного цвета с примесью коричневого. Клузиус был прав, сказав, что скорлупа этого ореха образована из нескольких волокнистых частей, но эти волокна скорее напоминают скорлупу кокосового ореха, чем волокнистые части спинки ореха арека. Более того, он очень

точно заметил, что эта скорлупа вооружена в своей нижней части двойной чашечкой, а противоположная часть заканчивается заострением; но необходимо заметить, что это заострение образовано не продолжением скорлупы, как, по-видимому, указывает рисунок, который он дал; но что из середины верхней части плода выступает что-то вроде маленькой иглы.

После снятия скорлупы орех оказывается твердым, одревесневшим, продолговатым, с неравномерной поверхностью, бороздчатым и каштаново-желтого цвета. Один из его концов округлый, а другой, благодаря соединению и продолжению трех видов бугорков, оканчивается точкой; эти бугорки сформированы так, что средний, расположенный между двумя другими, имеет вид носа, а два боковых бугорка напоминают плоские губы. С каждой стороны того, что образует то, что мы называем носом, виднеется небольшое отверстие или закуток, способный вместить горошину; но проникает неглубоко и окружен черными нитями, иногда похожими на брови и ресницы, так что орех с этой стороны напоминает обезьяну или зайца.

Этот *lusus naturae*, или природный спорт, обладает очень приятным эффектом, но чаще встречается в камнях, чем в других веществах. Великое множество таких редких и неповторимых творений природы можно увидеть в Британском музее, но в этом отношении нет ничего более экстраординарного, чем то, что рассказывается об агате Пирра, который, естественно, изображал Аполлона с лирой в руках и девять муз, отличающихся каждая своими атрибутами. По всей вероятности, в этом факте есть большое преувеличение, поскольку мы не видим ничего подобного этому совершенству. Однако говорят, что в Пизе, в церкви Святого Иоанна, на камне изображен старый отшельник, прекрасно нарисованный природой, сидящий у ручья и держащий в руке колокол; и что в храме Святой Софии в Константинополе можно увидеть на белом священном мраморе изображение святого Иоанна Крестителя, покрытое верблюжьей шкурой, но настолько несовершенное, что природа дала ему только одну ногу.

В "Меркурии Франции" за июль 1730 года есть заметка о некоторых любопытных забавах природы с насекомыми. Настоятель церкви Святого Иакова в Ланде, в лиге от Ренна, нашел в марте месяце 1730 года на церковном дворе разновидность бабочки, около двух дюймов длиной и полдюйма шириной, с изображением мертвой головы длиной в один ноготь, в совершенстве имитирующей те, что изображены на церковных украшениях, используемых для отпевания умерших. Два больших крыла были покрыты пятнами, похожими на покров, а все тело покрыто пухом, или черной шерстью, разнообразной черным и желтым цветами, имеющим некоторое сходство с желтым.

Эти причуды природы в равной степени распространяются как на живые, так и на неодушевленные тела; и человеческий вид, так же как и грубые создания, представляет собой многочисленные примеры не только избыточности и несовершенства ее работы, но и множества других явлений, недостаточно изученных. Однако следует надеяться, что шествие интеллекта в данном случае будет столь же успешным, как и в уничтожении домыслов астрологов и шарлатанов, которые так долго управляли судьбой и здоровьем своих менее проницательных собратьев; и когда общественность убедится в преимуществах, которые наука может извлечь из явлений, подобных тем, которые мы перечислим в следующей главе, она будет более склонна предложить их вниманию ученых.

СНОСКИ:

[114] Автор книги, озаглавленной "*Талисманы оправдания*", утверждает, что талисманом является печать, фигура, иероглиф или изображение небесного знака, созвездия или планеты, выгравированные на симпатическом камне или металле, соответствующем звезде, и т.д., Чтобы получить его влияние.

[115] Деяния Апостолов, глава. xxviii. ст. 3.

ГЛАВА XIV.

О ЦЕЛЕБНЫХ СВОЙСТВАХ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ МУЗЫКЕ ДРЕВНИМИ.

Власть музыки над человеческим разумом, а также ее влияние на создание животных подтверждались по-разному; и ее целебные свойства не менее превозносились древними. [116] Марциан Капелла уверяет нас, что песни снимали лихорадку, а Асклепиад излечивал глухоту звуком трубы. Поистине замечательно! что тот же самый шум, который может вызвать глухоту у одних, должен быть специфичным для нее у других! Это заставляет гадюку вылечивать свой собственный укус. Но, возможно, Асклепиад был изобретателем *макустикона*, или слуховой трубы, которая считается современным открытием; или говорящей трубы, которая является своего рода лекарством от глухоты на расстоянии. Это было бы замечательным доказательством музыкальной силы! [117] У нас есть свидетельство Плутарха и нескольких других древних авторов о том, что критянин Талета избавил лакедемонян от чумы сладостью своей лиры.

Ксенократ, как далее сообщает нам Марциан Капелла, использовал звуки инструментов для лечения маньяков; а Аполлоний Дисколус в своей баснословной истории (*Historia Commentitia*) сообщает нам из трактата Теофраста "Об энтузиазме", что музыка является отличным средством от упадка духа и расстройства рассудка; и что звук флейты излечивает эпилепсию и седалищно-подагрический синдром. Афинея цитирует тот же отрывок из Теофраста с тем дополнительным обстоятельством, что что касается второго из этих расстройств, то для большей уверенности в излечении флейта должна играть по-фригийски. Но Авл Геллий, который упоминает об этом средстве, по-видимому, применяет его совсем другим способом, прописывая флейтисту мягкую и щадящую мелодию, *si modulis lenibus*, говорит он, *tibicen incinet*: ибо фригийская мелодия была удивительно неистовой.

Это то, что Целий Аврелиан называет *loca dolentia decantare*, зачаровывая беспорядочные места. Он даже рассказывает нам, как в таких случаях вызывается заклятие, говоря, что боль облегчается, вызывая вибрацию волокон пораженной части тела. Гален серьезно говорит об игре на флейте для страдающих, по принципу, как мы предполагаем, лечебной паровой ванны.

Звук флейты также был характерен для укуса гадюки, согласно Теофрасту и Демокриту, авторитет которых Авл Геллий подтверждает своей верой в этот факт. Но среди добродетелей, приписываемых музыке древними, нет ничего более экстраординарного, чем то, что Аристотель описывает в ее предполагаемой способности смягчать суровость наказания. Тирренцы, говорит он, никогда не бичуют своих рабов, кроме как под звуки флейт, рассматривая это как проявление гуманности в том, чтобы как-то уравновесить боль, и думая таким отвлечением уменьшить общую сумму наказания. К этому сообщению может быть добавлен отрывок из иульского. Паллус, из которого мы узнаем, что *натриремах*, или судах с тремя рядами весел,

всегда был *тибицен*, или флейтист, не только отмечавший время или ритм для каждого взмаха весла, но и успокаивавший и подбадривавший гребцов сладостью мелодии. И исходя из этого обычая, Квинтилиан воспользовался случаем, чтобы сказать, что музыка - это дар природы, позволяющий нам более терпеливо переносить тяжелый труд. [118]

Таковы основные отрывки из античности, касающиеся лечебного действия музыки; при рассмотрении их мы полагаемся на суждение г-на Бюретта, мнение которого будет иметь большой вес, поскольку он не только долгое время изучал музыку древних, но и был врачом по профессии. Этот автор в диссертации на эту тему исследовал и обсудил многие из приведенных выше историй, касающихся влияния музыки на излечение болезней. Он допускает возможность и даже вероятность того, что музыка посредством повторяющихся ударов и вибраций, воздействующих на нервы, волокна и животный дух, может быть полезна при лечении определенных болезней; однако он ни в коем случае не предполагает, что музыка древних обладала этой силой в большей степени, чем современная музыка, скорее всего, очень грубая и вульгарная музыка так же эффективно действует в таких случаях, как и самая утонченная и совершенная. Дикари Америки делают вид, что излечивают эти болезни музыкой и жаргоном своих несовершенных инструментов; а в Апулии, где укус тарантула якобы излечивается музыкой, возбуждающей желание танцевать, это делается с помощью обычной мелодии, очень грубо исполняемой. [119]

Багливи развивает учение об эффлювии, приписывая свои методы лечения укуса тарантула особым колебаниям, которые производит любой инструмент или мелодия при взмахах в воздухе; которые, воздействуя вибрацией на внешние части тела пациента, передаются всей нервной системе и производят то благоприятное изменение в твердых телах и жидкостях, которое так эффективно способствует излечению. Сжатие твердых тел, говорит он, придает жидкостям новые математические движения и направления; в одном или обоих из них заключены все болезни и без какой-либо другой помощи, кроме сохранения веры, изменит их качество; философия столь же замечательная и запутанная, как природа яда, который она призвана изгонять; но которая, однако, подкрепляет это наблюдение, что, если частицы звука могут сделать так много, истечение амулетов может сделать еще больше.

Доверчивость, должно быть, очень сильна у тех, кто верит, что музыка способна прогнать чуму. Древность, однако, как упоминалось выше, повествует о том, что Талетас, знаменитый лирический поэт, современник Солона, был одарен этой силой; но невозможно придать достоверность этому факту, не уточнив его несколькими обстоятельствами, опущенными в этой связи. Во-первых, несомненно, что этот поэт был принят лакедемонянами во время чумы по повелению оракула: что в силу этой миссии вся поэзия гимнов, которые он пел, должно быть, состояла из молитв и прошений, чтобы отвратить гнев богов против людей, которых он призывал к жертвоприношениям, искуплениям, очищениям и многим другим актам благочестия, которые, какими бы суеверными они ни были, не могли не волновать умы толпы и производить почти такой же эффект, как публичные посты, а также другие религиозные обряды. а в католических странах процессии, как и в настоящее время, проводятся во времена опасности, возвышая мужество и вселяя надежду. Болезнь, вероятно, достигшая наивысшей степени злокачественности, когда прибыл музыкант, впоследствии, должно быть, постепенно становилась менее заразной; пока, наконец, не прекратилась сама по себе, поскольку воздух унес семена инфекции и восстановил свою прежнюю чистоту, искоренение болезни люди

приписывали музыке Талетаса, которого считали единственным посредником, которому они были обязаны своим счастливым избавлением.

Это именно то, что имеет в виду Плутарх, рассказывающий эту историю; и то, что имел в виду Гомер, приписывая музыке избавление греков от чумы во время осады Трои:

Божественными гимнами заканчивается радостный пир,
Поэмы удлиняются до захода солнца:
Греки восстановились, благодарные ноты продолжаются;
Аполлон слушает и одобряет песню. [120]

Ибо поэт в этих строках, по-видимому, только говорит, что Аполлон был благосклонен и избавил греков от напасти, которой они подверглись, вследствие возвращения Хрисеиды ее отцу, а также жертвоприношений.

Месье Бюретт считает, что легко представить, что музыка может быть действительно эффективна в облегчении, если не в устранении, более при ишиасе; и это независимо от большего или меньшего мастерства музыканта. Он предполагает, что это может быть достигнуто двумя различными способами: во-первых, путем услаждения слуха и отвлечения внимания; и, во-вторых, путем возбуждения колебаний нервов, которые, возможно, могут приводить в движение жидкости и устранять препятствия, вызывающие это расстройство. Таким образом, воздействие музыкальных звуков на волокна мозга и животный дух иногда может смягчить и облегчить страдания эпилептиков и лунатиков и унять даже самые сильные припадки этих двух жестоких расстройств. И если древность дает примеры этой силы, мы можем противопоставить им нечто подобное тому, что, как говорят, было вызвано музыкой, не самого изысканного сорта. Ибо не только месье Бюретт, но и многие современные философы, врачи и анатомы, а также древние поэты и историки верили, что музыка обладает способностью воздействовать не только на разум, но и на нервную систему таким образом, что дает временное облегчение при определенных заболеваниях и, в конце концов, даже приводит к радикальному излечению.

В "Мемуарах Академии наук" за 1707 и 1708 годы мы встречаемся со многими описаниями болезней, которые, после того как оказали сопротивление всем наиболее эффективным широко используемым средствам, в конце концов уступили место мягкому впечатлению гармонии. Г—н де Мейран в "Мемуарах той же академии", 1737 г., следующим образом рассуждает о целебных свойствах музыки: "Именно механической и произвольной связи между органом слуха и созвучиями, возбуждаемыми во внешнем воздухе, в сочетании с быстрой передачей вибраций этого органа всей нервной системе мы обязаны излечению от спазматических расстройств и лихорадок, сопровождающихся бредом и конвульсиями, которым наши мемуары дают множество примеров".

Покойный ученый доктор Бранчини, профессор медицины в Удине, собрал все отрывки, сохранившиеся у древних авторов, касающиеся медицинского применения музыки Асклепиадом; и из этой работы явствует, что она использовалась как лечебное средство древними египтянами, евреями, греками и римлянами не только при острых, но и при хронических заболеваниях. Этот автор приводит несколько известных ему случаев, когда музыка была эффективна; но внимание, равно как и честь, к которым они относятся, в большей степени принадлежат современной музыке, чем к древней.

Музыка, из всех искусств, доставляет самое универсальное удовольствие и радует дольше и чаще всего. Младенцев очаровывает мелодия звуков, а старость оживляется бодрящими нотами. Аркадские пастухи получали удовольствие от своих тростниковых зарослей; одиночество Ахилла скрашивала его лира; английский крестьянин наслаждается своей свирелью и табором; сладкозвучные звуки флейты утешают многих в часы праздности; а очарование змей и других ядовитых рептилий силой музыки хорошо засвидетельствовано среди индейцев. "Музыка и звуки инструментов, - говорит Виньель де Марвиль, - способствуют здоровью тела и разума; они способствуют циркуляции крови, рассеивают пары и открывают сосуды, так что потоотделение происходит свободнее". Тот же автор рассказывает историю об одном выдающемся человеке, который уверял его, что однажды, внезапно заболев тяжелой болезнью, вместо консультации с врачами он немедленно вызвал оркестр музыкантов, и их скрипки так хорошо подействовали на его внутренности, что его кишечник пришел в совершенную гармонию и через несколько часов гармонично успокоился.

За знаменитым певцом Фаринелли послали в Мадрид, чтобы испытать воздействие его волшебного голоса на короля Испании. Его Величество был погружен в глубочайшую меланхолию; ничто не могло возбудить в нем никаких эмоций; он жил в состоянии полного забвения жизни; он сидел в затемненной комнате, полностью отдавшись самому мучительному виду безумия. Сначала врачи велели Фаринелли петь в соседней комнате, и в течение первых двух дней это делалось, не производя никакого эффекта на королевского пациента. Наконец было замечено, что король, очнувшись от своего оцепенения, как будто прислушался; на следующий день из его глаз потекли слезы; на следующий день он приказал оставить дверь своей комнаты открытой, и, наконец, смятенный дух полностью покинул нашего современного Сола, *алечебная* музыка Фаринелли произвела то, чего не могла добиться сама медицина.

"После еды, - говорит сэр Уильям Джонс, [121] - когда процессы переваривания и всасывания дают сосудам такую нагрузку, что временное состояние умственного покоя, особенно в жарком климате, должно быть признано необходимым для здоровья, представляется разумным полагать, что несколько приятных мелодий, услышанных или сыгранных без усилий, должны оказывать все полезные эффекты сна и ни одного из его отрицательных последствий; как говорит Мильтон, *"настраивают душу"* на любые последующие нагрузки; этот эксперимент часто проводил я сам. Заслуживающий доверия свидетель заверил меня, что две дикие антилопы часто приходили из своих лесов к месту, где более свирепый зверь, Сераджуддаула, развлекал себя концертами, и что они слушали звуки с видимым удовольствием, пока чудовище, в душе которого не было музыки, не застрелило одну из них, чтобы продемонстрировать умение стрелять из лука ". Ученый туземец рассказал сэру Уильяму Джонсу, что он часто видел, как самые ядовитые змеи покидали свои норы, услышав звуки флейты, которые, как он предполагал, доставляли им особое удовольствие.

Что касается удивительного воздействия музыки, то два следующих примера, которыми мы завершим эти замечания, связаны с историей Парижской королевской академии общества.

Известный музыкант и великий композитор заболел лихорадкой, которая приняла продолжительную форму с постепенным нарастанием симптомов. На второй день он впал в очень сильный бред, почти постоянно сопровождавшийся криками, слезами, ужасами и постоянной настороженностью. На третий день бреда один из тех естественных инстинктов, которые заставляют, как говорят, больных животных искать подходящие для их случая травы,

вызвал у него горячее желание послушать небольшой концерт в своей комнате. Его врача с трудом удалось уговорить согласиться на это. Когда он услышал первые переливы, выражение его лица стало безмятежным, глаза заискрились радостным оживлением, его конвульсии полностью прекратились, он прослезился от удовольствия и затем увлекся музыкой с такой чувствительностью, какой у него никогда не было ни до, ни после, когда он выздоровел. У него не было лихорадки в течение всего концерта, но, когда он закончился, он снова впал в свое прежнее состояние.

Лихорадка и бред всегда прекращались во время концерта, и музыка становилась настолько необходимой пациенту, что по ночам он заставлял родственницу, которая иногда засиживалась с ним, петь и даже танцевать, и которая, будучи сильно огорченной, с большим трудом доставляла ему удовольствие. Однажды ночью, среди прочих, за ним присматривала только его няня, которая не умела петь ничего лучше, чем какие-то убогие деревенские баллады. Он был доволен, что смирился с этим, и даже находил в этом некоторую пользу. Наконец десять дней занятий музыкой полностью вылечили его, без какой-либо другой помощи, кроме кровопускания из стопы, которое было вторым кровотечением, назначенным ему, и за которым последовало обильное опорожнение.

Этот отчет был передан в Академию М. Додартом, который полностью удостоверил его подлинность.

Второй пример необычайного воздействия музыки связан с учителем танцев из Але, что в провинции Лангедок. Однажды, переутомившись во время Карнавала из-за занятий своей профессией, он заболел сильной лихорадкой и на четвертый или пятый день впал в летаргический сон, который продолжался у него значительное время. Придя в себя, он был поражен яростным и немым бредом, при котором он делал постоянные попытки вскочить с постели, угрожал с трясущейся головой и сердитым выражением лица тем, кто его лечил, и даже всем присутствующим; и кроме того, он упрямо отказывался, хотя и не произносил ни слова, от всех средств, которые ему предлагали. Один из ассистентов подумал, что музыка, возможно, может вызвать расстройство воображения. Соответственно, он предложил это своему врачу, который не одобрил эту мысль, но с полным основанием опасался насмешек над казнью, которая могла бы быть еще неизмеримо большей, если бы пациенту случилось умереть под действием такого средства.

Друг учителя танцев, который, казалось, пренебрег осторожностью врача и умел играть на скрипке, увидев, что скрипка пациента висит в комнате, схватил ее и сыграл непосредственно для него наиболее знакомую ему мелодию. На него кричали больше, чем на пациента, который лежал в постели, закованный в смиренную рубашку; и некоторые были готовы заставить его прекратить; когда пациент, немедленно сев, как человек, приятно удивленный, попытался пошевелить руками в унисон музыке; и когда его держали за руки, он движением головы выразил испытываемое им удовольствие. Чувствуя, однако, воздействие скрипки, он постепенно уступил движению, которое хотел исполнить, — когда, как это ни странно, его приступы ярости утихли. Короче говоря, в течение четверти часа пациент погрузился в глубокий сон, и тем временем спасительный кризис избавил его от всякой опасности.

СНОСКИ:

[116] История музыки доктора Берни.

[117] Несколько современных ученых утверждали, что глухие люди лучше всего слышат в сильном шуме; возможно, чтобы доказать, что греческий шум не мог сделать ничего такого, чего современные люди не могли бы сделать столь же эффективно: и доктор Уиллис, в частности, рассказывает нам о даме, которая могла слышать только во время барабанного боя, причем настолько, что ее муж, как говорится в отчете, нанял барабанщика в качестве ее слуги, чтобы наслаждаться ее беседой.

[118] Многие древние говорили о музыке как о рецепте от любого вида болезней, и вполне вероятно, что латинское "*praecinere*" означало "заговаривать боль", "*incantare*" - зачаровывать, а наше собственное слово "*заклинание*" произошло от медицинского использования песни.

[119] Месье Бюретт, доктор Мид, Багливи и все ученые своего времени по всей Европе, похоже, не сомневались в этом факте, который, однако, как впоследствии обнаружили философы и любознательные исследователи, был построен на обмане и ошибочности. Vide Serrao, *della Tarantula o vero falangio di Puglia*.

[120] Перевод "Илиады" Поупа, книга 1.

[121] См. любопытную диссертацию сэра У. Джонса о музыкальных способах индусов.

ГЛАВА XV.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ, ЧУДЕСА, ПРЕДЧУВСТВИЯ И Т.Д.

Распространенное мнение о том, что кометы являются предвестниками зла, является старым языческим суеверием, введенным и поддерживаемым христианами из-за их предубеждения к древности; и которое, по словам м-ра Бейля, является пережитком языческого суеверия, передававшегося от отца к сыну со времен первого обращения из язычества; также потому, что оно пустило глубокие корни в умах людей, как и потому, что христиане, вообще говоря, зашли в безумии находить предзнаменования во всем, как и сами неверующие. Легко понять, как язычников можно было убедить в том, что кометы, затмения и грозы были предвестниками бедствий, если принять во внимание сильную склонность человека ко всему чудесному и его ненасытное любопытство к будущим событиям или к тому, что должно произойти. Это желание заглянуть в будущее, как уже было показано, породило тысячи различных видов гадания, все одинаково причудливые и дерзкие, которые в руках более опытных и хитрых людей превратились в важнейшие и таинственные инструменты. Когда кто-то был достаточно жуликоват, чтобы подумать о том, чтобы заработать пенни на простоте своих соседей, и у него хватало изобретательности изобрести что-нибудь забавное, мнимая способность предсказывать грядущие события всегда была одним из самых готовых проектов. Отсюда всегда вытекает предположение о судебной астрологии. Те, кто первыми начали ориентироваться в движении небес, не имели в виду ничего другого, кроме обогащения своих умов столь благородным знанием; и поскольку их гений был направлен на поиск полезных знаний, они никогда не мечтали использовать астрологию или знание звезд для очищения карманов легковых и невежественных, преимуществом слепой стороны которых воспользовались эти сидеральные мудрецы, чтобы привлечь их к ответственности, заставив их поверить, что учение о звездах охватывает знание обо всем, что было, или есть, или когда-либо будет; так что

каждый, по своему усмотрению, должен был использовать астрологию или знание звезд. деньги могли бы прийти к ним и предсказать их судьбу.

Чтобы лучше управлять миром, звездочеты утверждают, что небеса - это книга, в которой Бог записал судьбу всего сущего; и что необходимо только научиться читать эту книгу, которая представляет собой просто построение звезд, чтобы быть способными узнать всю историю того, что должно произойти. Очень образованные люди, Ориген и Плотин среди прочих, были посвящены в тайну и так полюбили ее, что первый, [122] желая подкрепить свое мнение чем-то очень веским, ухватился за авторитет апокрифической книги, приписываемой патриарху Иосифу, где Иаков представлен говорящим своим двенадцати сыновьям: "Я прочитал в небесной книге, что произойдет с тобой и твоими детьми". [123] Но кометы были основным товаром, который в основном требовал отчета. В соответствии, однако, с внушением страха, которое странность и чрезмерная протяженность этих звезд производили на человечество, астрологи без колебаний объявили их имеющими пагубную тенденцию; и тем более когда они обнаружили, что таким образом они в какой-то степени стали необходимыми вследствие нетерпеливых заявлений, которые им делались, как из уст оракула, о том, какое конкретное бедствие предвещает такая-то комета.

Затмения давали более частые поводы для проявления их таланта. Исходя из этого достойного прецедента Судебной астрологии, другие поняли намек и изобрели новые способы гадания, такие как геомантия, хиромантия, звукоподражание и тому подобное; пока мир постепенно не стал настолько наводнен суевериями, что малейшая мелочь превращалась в предзнаменование; и тем более когда такого рода знания стали делом религии; и когда суть божественного поклонения заключалась в постановлениях Авгуров, которые, чтобы стать нужными в мире, были вынуждены поддерживать и усиливать опасения людей перед гневом божьим. Бог проявил особую заботу о культивировании комет и ввел это в пословицу, что "сколько комет, столько и бедствий". Они знали, как выражается Ливий, что лучше всего ловить рыбу в мутной воде, где, говоря о заразной болезни, которая из деревень распространилась по городу, вызванной необычайной засухой в 326 римском году, он отмечает, как, в конце концов, она заразила разум [124] благодаря руководству тех, кто жил в суевериях народа; так что ничего нельзя было увидеть или услышать, кроме какой-нибудь новомодной церемонии на каждом углу. "Дьявол, - как говорит Бейль, - который с надеждой играл на и видел в суевериях самый надежный способ заставить поклоняться себе под именем ложных богов сотней различных способов, все преступные и отвратительные в глазах суверенного Владыки небес и земли, никогда не упускал случая при появлении любого редкого метеора или необычной звезды применить свое внушительное искусство и заставить идолопоклонников поверить, что это знаки божественного гнева, и, что все они были уничтожены, если они не умиловивят своих богов жертвоприношениями людей и животных". звери".

Политики также протянули руку помощи, чтобы создать предвестникам репутацию отличной схемы либо для запугивания людей, либо для поднятия их упавшего духа. Если бы римские солдаты были свободомыслящими, Друзу, сыну Тиберия, не посчастливилось бы подавить отчаянный мятеж среди легионов Паннонии, которые наотрез отказались подчиняться его приказам; но наступившее затмение настолько сломило их непокорный дух, что Друз, который очень ловко и умело справлялся с их паническим страхом, делал с ними все, что ему заблагорассудится.

За несколько дней до битвы при Арбеле лунное затмение повергло армию Александра Македонского в такое смятение, что солдаты, полагая, что небеса против них, очень неохотно продвигались вперед; и их преданность перешла в прямое неповиновение, Александр приказал египетским астрологам, которые были глубочайшими знатоками тайны звезд, высказать свое мнение об этом затмении в присутствии всех офицеров его армии. Не утруждая себя объяснением физической причины, которую в их интересах было скрыть от народа, мудрецы заявили, что солнце было на стороне греков, а луна - на стороне персов; и что на этой планете никогда не было затмения, но это угрожало им каким-то великим бедствием: по этому поводу они привели несколько древних примеров среди персидских царей, которые после затмения всегда находили своих богов неблагоприятными в день битвы. "Ничто, - говорит Квинт Курций [125], - так не помогает сдерживать чернь, как суеверие. Какими бы непокорными и непостоянными они ни были, если однажды их умы завладеют тщеславными представлениями о религии, все они будут повиноваться прорицателю, что бы ни случилось с генералом ". Ответ египетских астрологов, распространенный среди солдат, восстановил их уверенность и мужество.

В другой раз Александр, незадолго до того, как перешел реку Граник, обратил внимание на обстоятельства времени, которыми был месяц Десий, считавшийся несчастливым для македонян со всей древности, это повергло солдат в меланхолию; он немедленно приказал назвать этот опасный месяц именем того, который ему предшествовал, хорошо зная, какую силу и влияние имеют тщетные религиозные угрызения совести на маленькие и невежественные умы. Он послал частный приказ Аристандру, своему главному прорицателю, только что совершившему жертвоприношение для счастливого перехода, написать на печени жертвы приготовленным для этой цели напитком, что боги "даровали победу Александру". Известие об этом чуде наполнило людей непобедимым рвением; и теперь они сотрясали воздух одобрительными возгласами, восклицая, что этот день принадлежит им самим, поскольку боги удостоили их столь явной демонстрации своей благосклонности. История этого могущественного завоевателя действительно дает больше подобных примеров хитрости, хотя он всегда притворялся, что побеждает просто благодаря храбрости. Но что еще более удивительно, этот самый герой, который так часто проделывал подобные фокусы с другими, сам, в свою очередь, был уличен в припадках крайнего суеверия. Мы ничего не говорим о Фемистокле, [126] который во время войны между Ксерксом и афинянами, отчаявшись силой разума убедить своих соотечественников покинуть свой город и отправиться в море, привел в действие все религиозные механизмы; подделал оракулов и нанял жрецов, чтобы они распространяли среди народа информацию о том, что Минерва бежала из Афин и выбрала путь, ведущий в порт. Филипп Македонский, чей талант заключался в том, чтобы побеждать своих врагов с помощью хорошего интеллекта, приобретаемого любой ценой, имел в своем распоряжении столько оракулов, сколько ему заблагорассудится; и поэтому Демосфен справедливо подозревал, что между Филиппом и дельфийской жрицей слишком хорошее взаимопонимание, и с такой яростью обрушивался на нее из-за ее пристрастия к этому принцу. Столь же очевидно, что те же государственные соображения, которые поддерживали народное суеверие в отношении других чудес, должны были позаботиться о том, чтобы поощрять его в отношении комет и других небесных явлений.

Панегиристы также внесли свой вклад в пропаганду суеверий, связанных с предзнаменованиями, а также в восхваление поэтов и ораторов. Когда находят героя и превозносят его, они восклицают, что *вся природа обожает его; что она прилагает все свои*

силы, чтобы служить ему; что она скорбит о его несчастьях, обещает его миру задолго до вручения; и когда мир из-за своих грехов недостойн дольше владеть им, небеса, которые зовут его домой, зажигают новые огни и т.д. Этой гиперболой М. Бальзак угостил кардинала Ришелье, добавив, что чтобы сформировать такого министра, универсальная природа была на пределе возможностей; Бог дает ему сначала обещание и делает его ожидаемым на века. За это критики напали на него, но он защищался, утверждая, что другие панегирики были на несколько нот выше: он, например, среди древних, который говорил о некоторых великих душах, что все небесные чины были созданы вместе, чтобы придумать для них прекрасную судьбу, и тот прославленный народ, который написал, что вечный разум был погружен в глубокое созерцание и полон грандиозных замыслов, когда задумал такого гения, как кардинал Ипполито д'Эсте. Почему тот же автор не мог придумать еще один пример, например, о священнике, который сказал императору Константину, что божественное Провидение, не удовлетворившись тем, что он получил право владеть миром, сформировало в его душе добродетели, которые должны были дать ему право царствовать на небесах вместе со своим единственным сыном. Таким образом, льстецы воспользовались самыми удивительными природными эффектами, чтобы усилить славу своего героя и расположить к себе великих людей. Поэты времен Августа наперебой убеждали мир, что убийство Юлия Цезаря было причиной всех последовавших за этим чудес. Гораций, например, в одной из своих од пытается доказать, что разливы рек относились к числу плохих предзнаменований; и утверждает, что Тибр совершил все эти разрушения не из-за него, а из-за его жены Илии, которая была склонна к смерти своего родственника Цезаря; и что все другие бедствия, которые впоследствии обрушились на Римскую империю или угрожали ей, были последствиями его убийства. Если верить Вергилию, [127] солнце было так встревожено смертью Цезаря, что погрузилось в глубокий траур, и так затмило свои лучи, что мир встревожился, как бы оно никогда больше не появилось. Между тем, как только была замечена комета, следовавшая за этим убийством, другая группа льстецов притворилась, что это душа Цезаря, принятая в орден Богов; и они посвятили комете храм [128] и установили изображение Цезаря со звездой на лбу.

Из проповедей древних отцов церкви явствует, что христиане того времени верили, что они приносили большое облегчение луне во время затмения, поднимая к небесам отвратительные крики, которые, по их мнению, выводили ее из обморока и без которых она неизбежно должна была умереть. Святой Амвросий, автор 215-й временной проповеди, связанной с проповедями св. Остин и святой Элой, епископ Нуайонский, особенно резко выступают против этого злоупотребления. Это также явствует из Проповедей св. Златоуст, святой Василий, святой Остин и другие, что христиане того времени черпали различные виды предзнаменований от людей, чихающих в критические моменты; от встречи с кошкой, собакой или дурно выглядящей (косоглазой) женщиной, девицей, слепоглазым или калекой; от того, что их поймали за плащ при выходе из двери или от внезапного защемления сустава или конечности.

Святой Элой ясно говорит своему народу, что тот, кто обращает внимание на то, что он встречает при своем первом выходе или входе, или на какой-либо конкретный голос, или на щебетание птицы, до сих пор остается язычником. Действительно, все это и бесчисленное множество других подобных описаний суеверий среди христиан являются пережитками древнего язычества, поскольку они были осуждены осуждениями пап, провинциальных соборов, синодальными постановлениями и другими серьезными авторитетами. И, хотя свидетелей было не так уж много, доказать, что болезнь языческого происхождения, не составило бы труда. Ибо, независимо от тех, кто проповедовал Евангелие нашего Спасителя,

никогда не распространяя подобных представлений, мы узнаем из нескольких древних источников, что язычники относились ко всем этим суевериям с величайшим уважением. Среди них существовало общее мнение, что затмения луны были следствием определенных магических слов, с помощью которых колдуны могли сорвать ее с небес и подтащить достаточно близко к земле, чтобы пена брызнула на их травы — один из основных ингредиентов их заклинаний. Чтобы спасти луну от предполагаемой пытки, которой она подвергалась, и разрушить чары, было необходимо помешать ей услышать волшебные слова, заглушив их шумом и отвратительными криками, с этой целью люди обычно собирались во время лунного затмения подгрубую музыку, такую как сковородки, медные сосуды, старые оловянные чайники и т.д. По словам Пьетро делла Вуале, персы придерживаются той же нелепой церемонии и по сей день. Аналогично, по словам Тавернье, это наблюдается в королевстве Тункин, где они воображают, что в это время луна борется с драконом. Этому же источнику мы обязаны воображаемым неистовым жаром собачьей звезды - мнимым предзнаменованиям нескольких зол, приписываемых затмениям, и всем намекам астрологии.

В трактате, написанном Абогардом, епископом Лионским, в 833 году, составленном для того, чтобы ввести в заблуждение мир людей, которые были убеждены, что существуют чародеи, способные повелевать громом, градом и бурей, уничтожающие плоды земли; и что благодаря этой тайне они вели большую торговлю с жителями некой страны под названием Магония, которые раз в год приплывали большими флотилиями по воздуху, чтобы перевозить испорченное зерно, за которое они платили чародеям наличными деньгами. В этом вопросе сомневались так мало, что однажды епископу пришлось сделать достаточно, чтобы спасти троих мужчин и женщину от забивания камнями до смерти, люди настаивали, что они только что упали за борт с одного из этих воздушных кораблей.

Мы здесь не рассматриваем, были ли в те дни люди в буквальном смысле более суеверными и легковерными, чем во времена язычества. Достаточно сказать, что в них было очень легко поверить; и поэтому люди начали писать свои истории в романтическом стиле, смешивая тысячи небылиц с деяниями великих людей, таких как Роланд, племянник Карла Великого; это настолько соответствовало вкусу эпохи, что впоследствии ни одна книга не сохранилась ни в каком другом стиле — свидетельством тому, например, является "Руководство по богослужению" Джеймса де Ворагина, архиепископа Генуи, составленное в конце XIII века; и в котором Мельхиор Канус, ученый испанский епископ, так возмущен в своем одиннадцатом труде. книга общих мест. Другой доктор богословия, [129] говоря о развращенном состоянии того времени, говорит: "Ошибкой или, скорее, безумием некоторых древних было думать, что при описании деяний выдающихся людей стиль должен ухудшиться, если только они не примешивали к нему украшения, как они их называли, поэтического вымысла или чего-то в этом роде; и, следовательно, таким образом смешивали правду с басней". Поскольку это преобладающая мода того времени, мы склонны полагать, что в истории крестовых походов представлено много апокрифических сюжетов, которые, следовательно, следует читать *сит grano salis*. Это определенно мнение отца Мамбура, [130] который после рассказа о битве при Икони, выигранной Фридрихом Барбароссой в 1190 году, говорит: "Что было главным чудом после этой битвы, так это то, что победитель почти не понес потерь, что большинством людей приписывали особой защите святого Виктора и Святого Георгия, имена, наиболее часто упоминаемые в христианской армии, которые, по словам многих из них, они видели сражающимися во главе эскадронов. То ли в действительности в этом могло быть что-то экстраординарное, что часто случалось, как сообщает нам Священное Писание; то ли, часто

слыша о появлении небесных эскадрилий в битве при Антиохии во время первого крестового похода, горячее воображение, одержимое верой и проникнутое этими идеями, создало свои собственные новые видения, но несомненно, что некто Луи Хельфенштейн, джентльмен с хорошей репутацией и далеко не провидец, подтвердил императору, согласно своей клятве и обету паломника, посвященного гробу Господню и крестовому походу, что *он часто видел, как Святой Георгий атаковал во главе эскадронов и обращал врага в бегство*; впоследствии это подтвердили сами турки, признавшие, что они видели несколько солдат в белой форме в первых рядах христианской армии, хотя на самом деле такой ливреи не было. Я знаю, что никто не обязан (продолжает П. Мамбур) верить видениям такого рода, по большей части подверженным пресловутой иллюзии: но я также знаю, что историк не обладает собственным авторитетом, чтобы отвергать их, особенно когда они подкреплены такими замечательными свидетельствами.

"И хотя он волен верить или нет, все же он не сожалеет, что, скрывая их, лишает читателя свободы, когда он встречается с отрывками подобного рода, судить так, как он считает нужным". Это размышление (говорит Бейль) столь знаменитого историка, которого не заподозришь в одобрении недоверия Хьюго, является сильным предположением с моей стороны.

Злоупотребление предчувствиями было перенесено в сами Священные Писания. Нам говорят, что манера Тамерлана благословлять двух своих сыновей, склоняя голову старшего и беря младшего за подбородок, была предзнаменованием возвышения последнего в ущерб первому и была основана на 48-й главе Книги Бытия, где Иаков изображен возлагающим правую руку на голову младшего, по вдохновению предвидя, что он будет более великим из них двоих. Между тем между этими двумя благословениями есть разница. Татарин, совершенно лишенный знания будущих событий, не разнообразил движения своих рук с целью установить предзнаменование; и Бог никогда не даровал этого знания неверующим, не направлял свои руки особым образом, чтобы сформировать предзнаменование того, что должно произойти с его детьми; тогда как Иаков, напротив, исполненный духа пророчества, посредством которого он видел судьбу своих детей, направлял свои слова и действия в соответствии с этим знанием; благодаря чему оба стали предзнаменованиями.

Предзнаменования, предчувствия и чудеса могут множиться до бесконечности. Всякий, кто читает римских историков, будет удивлен их количеством, и они часто внушали людям самые ужасные опасения. Следует признать, что некоторые из них кажутся совершенно сверхъестественными; в то время как гораздо большая часть состоит только из некоторых необычных явлений природы, которые суеверия всегда приписывали высшей причине и представляли как предсказания каких-то надвигающихся несчастий. К этому классу можно отнести появление двух солнц; [131] ночи, озаренные лучами света; виды сражающихся армий; мечи и копья, рассекающие воздух; потоки молока, крови, камней, пепла или огня; и рождение чудовищ, детей или зверей с двумя головами; или младенцев, которые имели некоторые черты, напоминающие черты животного создания. Все это были ужасные чудеса, которые повергли народ в невыразимое изумление, а всю Римскую империю - в крайнее замешательство; и какое бы печальное событие ни последовало за ними, раскаяние, несомненно, было либо вызвано, либо предсказано ими.

СНОСКИ:

[122] Евсевий. Praep. Евангелие. л. 6. с. 9.

[123] *Legi in tabulis coeli quaecunque contingent vobis et Feliis vestris.*

[124] *Nec corpora modo affecta tabo, sed animos quoque multiplex religio, et pleraque externa invasit, novos ritus sacrificando vaticinandoque, inferentibus in domos, quibus quaestui sunt capti superstitione animi.* L. 4, dec. 1.

[125] Тацит, *Annal. lib. 1, et ib. 4*, глава 10.

[126] Плутарх в своей жизни.

[127] *Georg. l. 1.*

[128] *Suetonius in vita Caesaris.*

[129] Петсеус, у Гальфредо Мониметенси.

[130] История. Крестовый поход, л. 5.

[131] Нет ничего проще, чем объяснить эти явления, которые не имеют никакого отношения к каким-либо событиям, не больше, чем кометы, которые могут случайно последовать за ними. Появление двух солнц часто происходило в Англии, а также в других местах, и вызывалось только тем, что облака располагались таким образом, чтобы отражать образ этого светила; ночные пожары, горящие копья, сражающиеся армии были не более чем тем, что мы называем северным сиянием, или воспламененными парами, плавающими в воздухе; ливни камней, пепла или огня были не чем иным, как последствиями извержения какого-нибудь вулкана на значительном расстоянии. Молочные дожди были вызваны только тем, что воздух конденсировался и придавал воде беловатый цвет и т.д.

ГЛАВА XVI.

ЯВЛЕНИЯ МЕТЕОРОВ, ОПТИЧЕСКИЙ БРЕД, СПЕКТРЫ И Т.Д.

Метеоры, известные древним, назывались [греч. *Lampdes Pithoi*] Болидами, Гранями, Глобусами и т.д. Из-за особых различий в их форме и внешнем виде, а иногда и под общим термином кометы. В философских трудах их называют, без разбора, огненными шарами или огненными метеорами; и названия аналогичного значения применялись к ним в различных языках Европы. Наиболее существенные обстоятельства, наблюдаемые при наблюдении таких метеоров, могут быть сведены к следующим разделам: 1. Их общий вид. 2. Их путь. 3. Их форма. 4. Их свет и цвет. 5. Их высота. 6. Шум, которым они сопровождаются. 7. Их огонь. 8. Продолжительность, 9. Их скорость. Под этими разными предлогами метеоры были исследованы философским исследованием, и многие суеверные представления, долгое время существовавшие относительно них, полностью развеялись. Было продемонстрировано, что все метеорные явления происходят от одной общей причины — неравномерности плотности атмосферы. Когда атмосферный флюид однороден и имеет одинаковую плотность, лучи света проходят без препятствий или изменения своей формы или направления; но когда они попадают из более редкой среды в более плотную, они преломляются или отклоняются от своего курса; и это с большим или меньшим эффектом в зависимости от различных степеней плотности в среде или

отклонения луча от перпендикуляра. Если вторая среда будет пропорционально очень плотной, луч будет как преломляться, так и отражаться; и объект, от которого он исходит, примет различные гротескные и экстраординарные формы, и иногда он будет выглядеть как отражение от вогнутого зеркала, увеличенное в размерах и измененное по положению.

Известно, что следующие поразительные эффекты проистекают из этой простой причины.

Первый - это мираж, увиденный в африканской пустыне. М. Монж, сотрудник Национального института, сопровождал французскую армию в Египет. В пустыне, между Александрией и Каиром, мираж голубого неба был перевернут и так смешался с песком внизу, что придавал безлюдной и засушливой пустыне вид самой богатой и красивой страны. Они увидели во всех направлениях зеленые острова, окруженные обширными озерами с чистой и прозрачной водой. Нельзя было представить себе ничего более прекрасного и живописного, чем этот пейзаж. На спокойной поверхности озер деревья и дома, которыми были покрыты острова, ярко отражались, и компания поспешила вперед, чтобы насладиться прохладой тени и ручья, которые предпочитали для них эти густонаселенные деревни. Когда они прибыли, озеро, на лоне которого они плавали, деревья, среди листвы которых они купались, и люди, которые стояли на берегу, приглашая их приблизиться, - все исчезло, и не осталось ничего, кроме однообразной и надоедливой пустыни из песка и неба, с несколькими голыми хижинами и чахлыми кустами. Если бы они не были обмануты их приближением, во французской армии не нашлось бы человека, который не поклялся бы, что призрачные деревья и озера действительно существуют посреди пустыни.

Точно такой же внешний вид наблюдал доктор Кларк в Рашиде, или Розетте. Город, казалось, был окружен красивой водной гладью, и его переводчик-грек, который был знаком со страной, был настолько уверен в этом факте, что был весьма возмущен арабом, который попытался объяснить ему, что это всего лишь оптический обман. Наконец, примерно за два часа они добрались до Розетты, не встретив никакой воды; и, оглянувшись на песок, который они только что пересекли, им показалось, что они только что перешли вброд огромное голубое озеро.

Подобный обман имеет место и в северных климатических зонах. Города, зубчатые стены, дома и все, что сопутствует густонаселенным местам, можно увидеть в пустынных регионах, где жизнь угасает и где никогда не ступала нога человека. При приближении они исчезают, и не остается ничего, кроме неровной скалы или бесформенного айсберга.

Капитан Скорсби во время своего путешествия в арктические регионы на побережье Восточной Гренландии постоянно видел эти города-призраки и приводит несколько весьма любопытных описаний того, что они собой представляли. Они напоминали настоящие города, которые можно увидеть на побережье Голландии, где башни, зубчатые стены и шпили, "увенчанные высокими хохлатыми деревьями", возвышаются на ровном горизонте и видны плавающими на поверхности моря. Среди оптических обманов, замеченных капитаном Скорсби, был один весьма необычного характера. Его корабль уже некоторое время был отделен льдами от корабля его отца, и он каждый день с большой тревогой искал ее. Наконец, однажды вечером, к своему крайнему изумлению, он увидел ее подвешенной в воздухе в перевернутом положении, нарисованной на горизонте самыми яркими красками и с самым отчетливым и совершенным изображением. Он поплыл в том направлении, в котором увидел это призрачное явление, и действительно нашел судно своего отца по его указанию. Он был отделен от него огромными массами айсбергов и находился на таком расстоянии, что было совершенно невозможно

увидеть корабль в его реальном положении или увидеть его вообще, если бы его спектр или изображение не был бы таким образом, подняты на несколько градусов над горизонтом в небо из-за этого самого необычного преломления, точно так же, как часто видят солнце после того, как известно, что оно село, и фактически опустилось намного ниже линии прямого видения.

The *Фата-Моргана* - еще одна иллюстрация этого оптического заблуждения. Это явление можно наблюдать в Фаро Мессины, на Сицилии, при определенных обстоятельствах. Зритель должен стоять спиной к востоку, на возвышенности за городом, откуда открывается вид на залив, а напротив него горы, похожие на стену, затемняют задний план картины; не должно быть ветра, который мог бы взъерошить поверхность моря; и воды должны подниматься течениями, как это иногда бывает, на значительную высоту в середине пролива и представлять собой слегка выпуклую поверхность. Когда возникают все эти обстоятельства, как только солнце поднимается над высотами калабрийского побережья и поворачивает под углом 45° к горизонту, все объекты на берегу в Реджо переносятся на середину пролива и отчетливо видны на поверхности воды, образуя неподвижный пейзаж из скал, деревьев и домов и подвижный пейзаж из людей, лошадей и крупного рогатого скота; они разделены на тысячи отдельных отсеков, представляющих собой самые красивые и постоянно меняющиеся картины живой и неодушевленной природы, на вздымающейся поверхности воды, разбитой течениями, на поверхности воды, покрытой растительностью. представьте отдельные пластины выпуклых зеркал, чтобы отражать их; затем они так же внезапно исчезают, как и широкое водное зеркало течения.

Иногда атмосфера настолько плотная, что объекты видны, подобно кораблю капитана Скорсби, поднятыми в воздух на высоту тридцати-сорока футов над уровнем моря, а в облачную погоду - ближе к поверхности, окаймленными яркими призматическими цветами. Иногда колоннады храмов и церквушек с увенчанными крестами шпилями изображаются плавающими по морю, и при внезапном изменении изображения колонны изгибаются в аркады, а кресты - в полумесяцы, и все здания плавучего города претерпевают самые необычные и фантастические изменения. Все эти изображения настолько отчетливы и создают объекты, кажущиеся столь же осязаемыми, сколь и видимыми, столь же ощутимыми на ощупь, сколь и зрительно, что жители страны твердо убеждены в их реальности. Они считают здания заколдованными дворцами феи Морганы, а движущиеся предметы - живыми существами, которые их населяют. Всякий раз, когда происходит оптический феномен, они собираются толпами с сильным любопытством, смешанным с благоговением и опасением, которое не рассеивается знакомством с теми естественными причинами, которыми мистер Суинберн и другие иностранные путешественники, ставшие свидетелями этой сцены, могут объяснить ее.

Озера Ирландии в равной степени подвержены возникновению этих ярких иллюзий, и воображение местных жителей, столь же живое, как и у сицилийцев, придает им такую же реальность. В этой стране едва ли найдется озеро, в котором в разное время не были бы обнаружены остатки городов; и было встречено много людей, которые могли бы торжественно поклясться, что видели, и которые, без сомнения, действительно видели, изображения городов при определенных состояниях атмосферы. Самым знаменитым является то, что происходит на озере Килларни. Это романтическое водное полотно ограничено с одной стороны полукругом скалистых гор, а с другой - плоским болотом, и пар, образующийся в массе и прерываемый горами, постоянно представляет собой самые фантастические объекты; и часто те, что находятся на берегу, переносятся в воду, подобно Фата-Моргане.

Многие скалы отличаются своим выраженным и протяженным эхом, а структура, которая в акустике отражает звуки на ухо из точки, откуда они не исходили, отражает образы для глаз, из места, сильно отличающегося от того, где находились объекты, их производившие. Часто людей, едущих верхом вдоль берега, видят так, как будто они пересекают озеро, и это дало повод для истории об О'Донного. Этот знаменитый вождь, согласно местным традициям, был наделен магическим даром, и однажды его супруга попросила его изменить свой облик, чтобы она могла увидеть доказательство этого. Он подчинился при условии, что она не испугается, поскольку такое воздействие на нее должно было оказаться для него фатальным. Однако во время эксперимента разум подвел ее, и при виде какой-то ужасной фигуры, которую он принял за существо, она вскрикнула, и он исчез через окно своего замка, нависавшего над озером. С тех пор он остается заколдованным существом, обреченным скакать на лошади, подкованной серебром, по поверхности озера, пока подковы его лошади не износятся. Каждое майское утро его можно увидеть, и толпы людей собираются на берегу, чтобы посмотреть на него. Многие утверждают, что видели его; и один человек рассказывает много подробностей о его появлении, что обман, должно быть, исходил от какого-то реального объекта, человека, едущего вдоль берега, и перенесенного на середину воды оптическим обманом Фата-Морганы.

Но, возможно, самым удивительным и явно сверхъестественным эффектом, возникающим из-за этой причины, является *призрак гор Гарц* в Ганновере. Есть один особый холм, называемый Брокен, на котором он появляется, наводя ужас на доверчивых и в высшей степени удовлетворяя любопытство. Наиболее отчетливый и интересный отчет дан мистером Хоу, который сам был свидетелем этого. Он поднимался на вершину горы тридцать раз и был разочарован, но выстоял и в конце концов был очень доволен. Солнце взошло около четырех часов на безмятежном небе, свободном от облаков, и его лучи беспрепятственно прошли над другой горой, называемой Хайншо. Примерно в четверть шестого он огляделся, чтобы посмотреть, чисто ли небо и есть ли у него хоть какой-нибудь шанс увидеть то, чего он так страстно желал, как вдруг он увидел Ахтерманшоу, человеческую фигуру чудовищных размеров, повернувшуюся к нему и свирепо смотрящую на него. Пока он смотрел на этот гигантский призрак с удивлением, смешанным с неудержимым чувством благоговения и дурного предчувствия, внезапный порыв ветра чуть не сорвал с него шляпу, и он прижал руку к голове, чтобы удержать ее, когда, к его великой радости, колоссальный призрак сделал то же самое. Затем он менял свое тело в различных позах, всем которым фигура в точности подражала, но в конце концов внезапно исчезал без какой-либо видимой причины и так же внезапно появлялся снова. Он подозревал сопровождавшего его хозяина гостиницы, чтобы тот встал рядом с ним, и через некоторое время на противоположной горе появились две соответствующие фигуры увеличенного размера. Они приветствовали их различными способами, различными движениями своих тел, на все что гиганты отвечали с безукоризненной вежливостью, а затем исчезли. Теперь к мистеру Хоу и хозяину гостиницы присоединился путешественник, и они продолжали упорно высматривать своих воздушных друзей, когда их внезапно снова появилось трое, и все они выполняли точно такие же движения, как и их зрители-корреспонденты. Продолжая так некоторое время, появляясь и исчезая попеременно, иногда слабо, а иногда более отчетливо, они, наконец, исчезли, чтобы больше не возвращаться. Они доказали, однако, что сверхъестественный призрак, который так долго наполнял страну благоговением и ужасом, не был нереальным существом, тем более существом, появление которого приостанавливало действие обычных законов Бога и Природы; что, напротив, это было простое

следствие общей причины, проявившееся необычным образом, но столь же закономерное и поддающееся объяснению, как отражение лица в зеркале.

Такое строение атмосферы и ее способность расширять объекты и изменять их положение за счет отражения и преломления легко объясняют многие явления, которые невежественные люди считали чудесными и сверхъестественными в древние века, а в наши дни - слабыми и суеверными. Вероятно, таково было происхождение крестов, которые видели Константин и Констанций в первые века христианства, и таково было происхождение креста, появившегося в небе во Франции, о чем свидетельствовали столь многие. Большой деревянный крест, выкрашенный в красный цвет, был установлен рядом с церковью как часть церемонии, которую они совершали. Зимой, когда воздух чаще всего конденсируется от холода и его различные слои имеют различную степень прочности, ясным вечером после дождя, когда частицы влаги, все еще витающие в воздухе, придают ему большую силу отражения и преломления, когда солнце садилось и его горизонтальные лучи оказывались наиболее благоприятными для возникновения метеорных явлений, спектр этого деревянного креста отбрасывался на вогнутую поверхность какого-нибудь атмосферного зеркала и таким образом отражался обратно к глазам зрителей с противоположного места, сохраняя точно ту же форму и пропорции, но увеличиваясь в размерах и меняя положение; и он был изображен в виде креста. более того, он был окрашен в красный цвет - тот самый цвет объекта, отраженным изображением которого он был. Это обманчивое видение продолжалось до тех пор, пока солнце не опустилось так далеко за горизонт, что больше не позволяло свету освещать объект, и изображение прекратилось, когда лучи перестали отчетливо отражаться.

ГЛАВА XVII.

РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ЧУДЕС.

Многие из чудес, описанных древними, допускают естественное объяснение; и внимательное изучение покажет, что небольшое количество причин, которые можно распознать и развить, послужат для объяснения почти всех из них. Есть две причины, по которым мы верим рассказам о вундеркиндах: —

1. Количество и соответствие этих отчетов, а также доверие, на которое имеют право наблюдатели и свидетели.
2. Возможность рассеять то, что удивительно, путем установления любой из основных причин, которые могли бы придать естественному факту оттенок чудесного.

Теперь, что касается первой причины, древние зафиксировали различные события: например, дождь из ртути в Риме упоминается Дионом Кассием в 197 году нашей эры, и аналогичное событие описано в правление Аврелиана. Если мы обратим внимание на явления, происходящие в наше время, такие как ливень из крови, огромные градины весом в фунт каждая, внутри которых находится камень; ливни из лягушек и другие почти необъяснимые явления, мы должны отнести их к "анналам, в которые наука включила факты, которые она признала таковыми, еще не претендуя на их объяснение".

Что касается второй причины, обманчивой видимости, которую иногда принимает природа, почти неизбежного для частично информированных наблюдателей преувеличения деталей явления или его продолжительности; неправильных, плохо понятых или плохо переведенных

выражений, образного языка и практического стиля; ошибочных объяснений символических представлений; извинений и аллегорий, принятых за реальные факты. Таковы причины, которые, по отдельности или вместе, часто заполняли страницы истории чудовищными вымыслами; и именно путем осторожного снятия этой оболочки следует искать разъяснения того, что до сих пор было неправильно и пренебрежительно отвергнуто. Несколько примеров проиллюстрируют эти несколько позиций.

Река Адонис, пропитанная в определенные сезоны года большим количеством пыли, поднятой с красной почвы той части горы Либан, возле которой она протекает, породила легенду о периодическом излиянии крови Адониса. Недалеко от острова Корфу есть скала, напоминающая корабль под парусами: древние адаптировали историю к этому явлению и узнали в ней финикийский корабль, на котором Улисс вернулся в свою страну, превращенный Нептуном в камень за то, что унес убийцу его сына Полифема. Более обширное знакомство с океаном показало, что этот вид не уникален; подобный вид на побережье Патагонии не раз вводил в заблуждение как французских, так и английских мореплавателей; и рок Дандер в Вест-Индии имеет сходство, на расстоянии столь же иллюзорное. Есть еще одна запись, сделанная капитаном Харди во время его недавних путешествий в Мексику, недалеко от берегов Калифорнии; и "история о летучем голландце" основана на подобном явлении на мысе Доброй Надежды, связанном с традицией, которая издавна бытовала там среди голландских колонистов. Другой пример дает "Химера", разгадка загадки которой, данная Овидием, столь полно подтверждена очень умным британским офицером, обследовавшим "Караманию" несколько лет назад. Сциллу, морское чудовище, пожравшее шестерых гребцов "Улисса", месье Сальверте, недавний составитель "Чудесного", склонен рассматривать как полипереростка, увеличенного оптической силой поэзии, хотя мы склонны отдать должное аллигатору или его помощнику крокодилу; и это происшествие представлено не так вымышленно, как это предполагается.

МАГИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТРАВ И Т.Д.

Перечисляя растения, обладающие магическими свойствами, Плиний упоминает те, которые, согласно Пифагору, обладают свойством скрывать воду. В другом месте, не имея доступа к магии, он приписывает конопле аналогичное качество. По его словам, сок этого растения, налитый в воду, внезапно уплотняется и застывает. Достаточно вероятно, что он указал на разновидность мальвы, болотной мальвы с конопляными листьями, слизистый сок которой до определенной степени производит этот эффект, и эффект, который также может быть получен из любого овоща, богатого слизью.

Из растительных продуктов многие оказывают опьяняющее действие, такие как ягоды ночного оттенка, [132] скаммония и различные виды грибов. Они, несомненно, были подчинены демонологическим целям, которые невежественные люди выдавали за сверхъестественные силы. Священники, которым были присущи скудные сравнительные познания темных веков, хорошо знали, как обольщать легковверных; но обман не всегда был их целью; преобладала степень благожелательности, которая предполагала облегчение их ближних, пораженных болезнью.

Египтяне утверждали, что, помимо богов, существовало множество демонов, которые общались со смертными и которые часто становились видимыми с помощью определенных церемоний и песен; что гении оказывали обычное и могущественное влияние на каждую частицу материи;

что тридцать шесть из этих существ руководили различными членами человеческого тела; и таким образом, с помощью магических заклинаний оно могло быть усилено или ослаблено, поражено болезнью или избавлено от нее. Таким образом, в каждом случае болезни сначала должным образом вызывался дух, руководящий пораженной частью тела. Но маги не доверяли исключительно своим тщетным заклинаниям; они были хорошо знакомы с целебными свойствами определенных трав, которые они мудро использовали в своих попытках исцеления. Эти травы пользовались большим уважением: такие, например, как *киноцефалия*, или, как сами египтяне называли *асириты*, [133] которые использовались как средство против колдовства; и непентес, который Елена подарила Менелаю в виде зелья и который, как считалось, обладал способностью прогонять печаль и возвращать уму привычную или даже большую жизнерадостность, были египетского происхождения. Но какими бы ни были достоинства таких трав, их использовали скорее из-за их магических, чем из-за лекарственных свойств; каждое лекарство хитро приписывалось правящим демонам, с которыми многие хвастались, что они были тесно связаны посредством своего искусства.

Как свидетельствуют самые ранние записи, не может быть никаких сомнений в том, что древние владели многими сильнодействующими лекарствами. Считается, что Мелампий Аргосский, самый древнегреческий врач, с которым мы знакомы, вылечил одного из аргонатов от бесплодия, в течение десяти дней извлекая ржавчину железа, растворенную в вине. Тот же врач применял морозник как слабительное средство дочерям царя Протея, страдавшим ипохондрией или меланхолией. Кровотечение также было средством очень раннего происхождения, и, как говорят, впервые его предложил гипопотамус, или морской конек, который в определенное время года, как было замечено, выбрасывался на берег моря и ранил себя о скалы, чтобы облегчить свое полнокровие. Подалерий, вернувшись с Троянской войны, вылечил упавшую с высоты дочь Дамаэты, пустив ей кровь на обеих руках. Опиум, особый сок мака, был известен в древнейшие века; и, вероятно, именно опиум Елена смешивала с вином и давала гостям Менелая под выразительным названием *Непента*, чтобы заглушить их тревоги и усилить веселье. Это предположение в значительной степени подтверждается тем фактом, что Непенте Гомера был приобретен в египетских Фивах, откуда, согласно номенклатуре фармакопеи, около пятидесяти лет назад производилась настойка опиума, и до сих пор известная под этим названием у более старых авторов; и, если верить доктору Дарвину, кумская Сивилла никогда не садилась на предвещающий треножник, не проглотив предварительно несколько капель сока вишнево-лаврового дерева.

Есть все основания полагать, что языческое жречество находилось под воздействием какого-то наркотического препарата во время демонстрации своей оракульской силы, но производимый эффект, по-видимому, скорее напоминает действие опиума или, возможно, страмония, чем синильной кислоты, которую, как известно, содержит вишнево-лавровая вода.

Жрецы американских индейцев, говорит Монардюр, всякий раз, когда к ним обращались за советом высокопоставленные джентльмены, или *касики*, как их называют, брали определенные листья табака и бросали их в огонь, а затем набирали в рот производимый ими таким образом дым, отчего они падали на землю. Пробыв некоторое время в таком положении в состоянии оцепенения, они пришли в себя и передали ответы, которые, как они утверждали, получили во время предполагаемого общения с миром духов.

Наркотическое или седативное действие редиса было известно с древнейших времен. В античных баснях мы читаем, что после смерти Адониса Венера, чтобы утешиться и подавить свои желания, прилегла на грядку с листьями салата. Морской лук, или кальмар, применялся египтянами при водянке под мистическим названием "око Тифона". Практика надрезов и скарификации использовалась в греческом лагере при осаде Трои; и применение спиртных напитков к ранам было понято аналогичным образом; поскольку мы находим, что Нестор прикладывал к ранам Махаона припарку, приготовленную из сыра, лука и муки, смешанной с прамносским вином.

Для того, чтобы придать какому-либо неактивному веществу репутацию, обещающую какие-то экстраординарные, более того, чудесные лечебные свойства, требуется всего лишь одобрение нескольких известных имен; и если однажды установить это на такой основе, изобретательность, аргументы и даже эксперимент могут напрасно разрядить их мощные батареи. Таким образом, все шарлатанские лекарства, когда-либо имевшие какую-либо оценку, приобрели известность. И тот же самый вульгарный предрассудок, который побуждает людей прибегать к привычному средству правовой защиты, основанному на голых утверждениях и презумпции либо невежества, либо пристрастия, будет аналогичным образом противодействовать внедрению любого новшества на практике со всей строгостью и нередко с достаточным количеством проверок и злоупотреблений, если, конечно, оно не будет поддержано авторитетами еще большего веса и соображения.

История многих диетических продуктов, а также лекарств убедительно доказывает, насколько их репутация и судьба зависели от тех или иных авторитетов. Ипекакуана импортировалась в Англию в течение многих лет, прежде чем Гельвеции под покровительством Людовика XIV удалось внедрить ее в практику во Франции; и королеве Карла II мы обязаны появлением этого популярного напитка, чая, в Англии. Табак претерпел столько же разнообразных превратностей в своей славе и характере. Ему последовательно противостояли и одобряли врачи, осуждали и восхваляли священники и короли, запрещали и защищали правительства, пока, наконец, это некогда незначительное порождение маленького острова не преуспело в распространении во всех климатических условиях и странах. История картофеля также не менее примечательна и не менее поразительно иллюстрирует властное влияние власти. Это ценное растение на протяжении более чем двух столетий встречало беспрецедентное противодействие со стороны вульгарных предрассудков, которые вся философия того времени не могла рассеять вплоть до Людовика XIV. носил букет цветов картофеля посреди своего двора, в день веселья и празднества. Тогда люди впервые подобоострастно признали его полезность и начали выражать свое удивление по поводу апатии, которая так долго царила в отношении его общего культивирования.

Другой пример чрезмерной власти, придающей лекарству известность или лишаящей его той репутации, на которую дают ему право его достоинства, можно найти в истории перуанской коры. Это знаменитое лекарство было ввезено в Испанию иезуитами, где оно оставалось семь лет, прежде чем его подвергли испытанию. Испанский священник был первым, кому его ввели в 1639 году, и даже тогда его использование было крайне ограничено; и он, несомненно, канул бы в лету, если бы не верховная власть Римской церкви, под покровительством которой он одержал временную победу над страстями и предрассудками, которые препятствовали его введению. Папа Иннокентий X. по заступничеству кардинала де Луго, который в прошлом был испанским

иезуитом, приказал должным образом осмотреть барку, и по благоприятному заключению, которое было результатом этой проверки, она немедленно приобрела высокую популярность.

Мадам Нуфлер тайно продавала в розницу корень мужского папоротника, средство от ленточного червя. Этот секрет был приобретен Людовиком XV. за значительную сумму денег. Только после этого события физики обнаружили, что то же самое средство было применено Галеном при той же жалобе. История применения народных средств для лечения подагры в равной степени иллюстрирует эту тему. Знаменитый порошок герцога Портлендского был не чем иным, как *deacintaureon* Целия Аврелиана или *antidotus et duobus centaurae generibus* Аэция, рецепт на который друг его преосвященства привез с собой из Швейцарии, в которую, по всей вероятности, его ввели первые авторы-медики, переписавшие его с греческих томов вскоре после своего прибытия в западную часть Европы. [134]

Было обнаружено, что активным ингредиентом не менее знаменитого препарата для лечения той же жалобы, *Eau medicinale* де Юссона, лекарства, введенного в моду месье де Юссоном, военным офицером на службе Людовика XVI, является луговой шафран. После поиска и опробования свойств этой травы было замечено, что аналогичные эффекты в лечении подагры были приписаны определенному растению, называемому гермодаклиллу, Орибасием (выдающийся врач 4 века) и Аэцием, который процветал в Александрии к концу 5 века, но более конкретно Александром Траллесским, врачом из Малой Азии, рецепт которого состоял из гермодаклилла, имбиря, перца, семян тмина, аниса и скаммония, которые, по его словам, позволят тем, кто их принимает, вылечиться от подагры. иди немедленно. После того, как было немедленно начато расследование по поводу открытия этого неизвестного растения, его образец был приобретен в Константинополе, и это действительно оказался вид лугового шафрана, *colchicum autumnale* Линнея.

Знаменитый порошок от лихорадки доктора Джеймса, очевидно, был не его оригинального состава, а итальянским нострумом, изобретенным человеком по имени Лайл; рецепт приготовления которого можно подробно найти в полном английском справочнике Колборна за 1756 год. Различные секретные препараты опиума, которые превозносились как открытие современности, могут быть обнаружены в трудах древних авторов. Использование синильной кислоты для лечения чахотки, недавно предложенное месье Маженди в Париже, является немногим большим, чем возрождение голландской практики лечения этого заболевания; ибо Линней сообщает нам, что дистиллированная лавровая вода часто использовалась для лечения легочной чахотки. [135]

Мы завершим эти наблюдения несколькими замечаниями о так называемых *патентованных лекарствах, ноздрах или шарлатанских лекарствах*, и об их хвастливых претензиях в целом. На самом деле существует только одно состояние совершенного здоровья, однако отклонения от этого состояния и общие виды заболеваний почти бесконечны. Отсюда легко понять, что в классах медицинских средств также должно быть большое разнообразие, и что некоторые из них имеют даже противоположные тенденции. Таковы как теплая, так и холодная ванна, рассматриваемые как медицинские средства. Хотя они противоположны друг другу по своему осязаемому воздействию, каждое из них проявляет свои медицинские достоинства, но только в таком состоянии организма, которое позволяет использовать его с пользой. Из этих предпосылок очевидно, что универсальное средство или средство, обладающее целебными свойствами для *излечения всех болезней*, на самом деле является несуществующей

сущностью, простым заблуждением, существование которого физически невозможно, поскольку сама идея такой вещи содержит противоречие. Как, например, он мог предположить, что одно и то же средство должно быть способно восстанавливать тонус мышечных волокон, когда они расслаблены, а также обладать способностью расслаблять их, когда они слишком напряжены; что оно должно свертывать жидкости, когда они находятся в состоянии рассасывания, и снова ослаблять их, когда они слишком вязкие; что оно должно умерять нервы, когда они находятся в состоянии сверхъестественной чувствительности, а также восстанавливать их до надлежащей степени раздражительности, когда они находятся в противоположном состоянии.

Вера в универсальное средство давно забыта, даже среди вульгарных людей, и давно распространилась в тех классах общества, которые не подвержены влиянию предрассудков или окрашены фанатизмом. Однако искренне жаль, что ежедневная пресса по-прежнему наводнена рекламными объявлениями; и что низший и менее информированный класс общества по-прежнему обманут группой привилегированных самозванцев, которые часто ставят интеллигентных людей в тупик, пытаясь решить, что является наиболее выдающейся чертой их характера - наглость или усердие, с которым они пытаются создать репутацию своих соответствующих ядов. В качестве иллюстрации этого последнего наблюдения можно далее заметить, что большинство лекарственных средств, рекламируемых как капли от кашля и т.д., представляют собой препараты опиума, аналогичные, но уступающие по качеству хорошо известному парегорическому эликсиру, продаваемому в магазинах, но замаскированные и ставшие более вредными из-за добавления разогревающих и ароматических смол. Вред, который может быть причинен неизбирательным применением таких лекарств, может быть очень серьезным и непоправимым, как хорошо известно каждому человеку, обладающему хоть малейшей толикой медицинских знаний. Хваленые, хотя и беспочвенные претензии некоторых неграмотных эмпириков на излечение болезней, которые ускользнули от мастерства и проницательности ученых, - это еще один абсурд, в который люди с хорошим здравым смыслом были самым прискорбным образом втянуты. Уроки опыта должны оказаться наиболее полезными, поскольку приобретаются с величайшими трудностями и затратами; но если люди решают броситься в пропасть с открытыми глазами, они не оставляют себе поводов для сожалений, а обществу - поводов для скорби из-за своего падения.

Проницательный и умный Бэкон справедливо заметил, "что размышляющий врач руководствуется не мнением, которого придерживается толпа о любимом средстве, а здравым суждением; и, следовательно, он вынужден проводить очень важные различия между теми вещами, которые только по названию сходят за медицинские средства, и другими, которые в действительности обладают целебной силой". Мы пользуемся этой цитатой, поскольку она косвенно осуждает поведение некоторых практикующих врачей, которые без колебаний рекомендуют то, что вульгарно называется патентованными и другими шарлатанскими препаратами, состав которых тщательно скрывается от общественности. Приобретая их незаслуженную репутацию по чистой случайности и пользуясь самыми изощренными уловками, чтобы ввести в заблуждение неосторожных, мы не в состоянии получить свидетельства, возможно, девяти десятых тех, кто испытал на себе их фатальные последствия и кто теперь больше не в том положении, чтобы жаловаться.

От универсальных средств или панацей до лекарств с особыми свойствами, таких, например, как притворство, что они излечивают *одну и ту же* болезнь у каждого пациента, - все это легко и

естественно. С последним также часто практикуются навязывания опасной тенденции. Можно спросить, насколько они практически допустимы, и в каких случаях они совершенно бесполезны? Ответ несложен. При тех заболеваниях, которые во всех случаях зависят от одной и той же причины, как при лихорадке, оспе, кори и многих других заразных чумках, возможность специфики, в ограниченном смысле, может быть рационально, хотя и гипотетически допущена. Но при обеих болезнях, причины которых зависят от множества других сопутствующих обстоятельств и для излечения которых у разных людей часто требуются совершенно противоположные средства, как, например, при водянке, различных видах простудных заболеваний, почти бесконечном разнообразии потребления и т.д., Конкретное средство является навязыванием здравому смыслу человечества. Те, кто лишь несовершенно знаком с различными причинами, по которым одно и то же расстройство возникает у разных людей, никогда не смогут принять столь вульгарное и опасное представление. Они легко поймут, как много зависит от точного определения локализации и причины жалобы, прежде чем какое—либо лекарство может быть представлено с безопасностью или пользой: - даже жизнь и смерть, мы с сожалением должны добавить, слишком часто решаются первыми шагами. Различная конституция, различные симптомы и стадии заболевания - все это требует более или менее отдельного рассмотрения. Что может быть более естественным, чем довериться средству правовой защиты, которое, как известно, приносит облегчение другим людям с таким же состоянием здоровья? Пациент с тревогой расспрашивает о человеке, страдавшем тем же недугом; ему не терпится узнать о лекарстве, которое было успешно использовано; его друг или сосед делится с ним желаемыми сведениями; он полон решимости честно испытать лекарство и принимает его с уверенностью. Из того, что было сказано, нетрудно понять, что, если его случай не в точности соответствует случаю его друга, любое *случайное* средство может оказаться чрезвычайно опасным, если не смертельным.

Отсюда становится очевидным, что не следует ни зависеть от результатов, ни рисковать шансом. Врач вынужден использовать всю свою проницательность, подкрепленную как его собственным опытом, так и опытом его предшественников; и все же он часто сталкивается с необходимостью обнаруживать по ходу болезни то, чего он не мог извлечь из самых тщательных исследований. Как же тогда можно ожидать, что новичок в искусстве врачевания добьется большего успеха, когда весь его метод лечения является либо сиюминутным импульсом, либо результатом его собственной доверчивости? Поэтому можно с уверенностью сказать, что жизнь и смерть часто вверяются случаю!

Покойный доктор Хаксхэм, врач довольно выдающийся в свое время, говоря об Асклепиаде, римском эмпирике, говорит: "Этот человек издекламатора превратился *physician*, and set himself up to oppose all the physicians of his time; and the novelty of the thing bore him out, as it frequently doth the quacks of the present time; and everwill while the majority of the world are fools" .,, В другом месте он с любопытством противопоставляет слишком робкую практику некоторых обычных врачей опасному лечению, которое является главной чертой шарлатанов: "Робкая, низкая, безвкусная практика одних почти так же опасна, как смелый, необоснованный эмпиризм других; время и возможность, которые никогда не будут восстановлены, часто теряются первыми; в то время как со вторыми, благодаря смелому толчку, вас в одно мгновение отправляют со сцены".

Из сказанного можно с уверенностью утверждать, что универсальное средство по-прежнему остается столь же желанным, как философский камень; и то и другое может завоевывать доверие

только у слабоумных, легковверных или фанатиков. Одним из самых прискорбных обстоятельств в истории таких лекарств является вкрадчивый и опасный метод, с помощью которого о них становится известно. И поскольку у нас мало того благотворного эффекта, который они должны оказывать ежедневно, будучи применяемыми беспорядочно, люди обращают внимание только на экстраординарные случаи, возможно, не в одном из пятидесяти, когда они приносили временное или кажущееся облегчение. Хорошо известно, что чем сильнее лекарство, тем более постоянным и опасным должно быть его воздействие на организм; особенно если оно вводится, как многие патентованные лекарства, путем почти неограниченного увеличения дозы. Есть еще одно соображение, которое не может прийти в голову тем, кто не знаком с законами животноводства. Когда предполагается вызвать какое-либо заметное изменение в системе организованного организма, необходимо использовать такие средства, которые могут способствовать осуществлению этого изменения, не оказывая слишком сильного воздействия на живые силы или не доводя их действие до неподобающей продолжительности. Действительно, пациент может постепенно привыкнуть практически к любому раздражителю, но за счет паралитического инсульта при нарушении конституции. Таковы печальные последствия обмана и доверчивости! "Если бы было возможно, - говорит ученый авторитет, - собрать все случаи жертвоприношений таинственному увлечению, то, вероятно, их количество превысило бы огромный хаос, произведенный порохом или мечом". Другой уважаемый писатель делает следующее краткое замечание по этому поводу: "При нынешнем положении дел, - говорит он, - легче обманом лишить человека жизни, чем шиллинга, и почти невозможно ни обнаружить, ни наказать преступника. Несмотря на это, люди по-прежнему закрывают глаза и принимают на веру все, что назначает любой претендующий на звание врача, не осмеливаясь спросить его о причине какой-либо части его поведения. Безоговорочная вера, повсюду служащая объектом насмешек, здесь по-прежнему священна".

СНОСКИ:

[132] Ягоды белладонны, или смертоносного паслена, при употреблении в пищу вызывают яростное помешательство, за которым следует сон, длящийся двадцать четыре часа. Такие наркотики, которые вызывают умственное одурманивание, не ослабляя физических сил, возможно, и породили рассказы о превращении людей в животных, столь частые у тех, кого называют авторами басен, в то время как мимолетные, но изысканные радости противоположного описания, предвкушение того, что безоговорочное повиновение обеспечит им вечность, породили слепых, яростных, преданных приверженцев любого философского спекулянта, который отважился бы на столь отчаянный эксперимент.

[133] Рябина, или рябина ясеневая, используется шотландскими крестьянами с той же целью; и ее маленькую веточку зашивают в хвост коровы, чтобы уберечь животное и его продукты от влияния ведьм и чернокнижников.

[134] См. "Фармакология" доктора Пэриса.

[135] Смотрите "Amenetates Academicae", том 4.

ГЛАВА XVIII.

ПРАКТИКА ОБЕА, ИЛИ НЕГРИТЯНСКОГО КОЛДОВСТВА—ЧАРЫ—ИХ ЗНАНИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ ЯДОВ—ТАЙНОЕ ОТРАВЛЕНИЕ.

Обеах, мнимый вид колдовства, проистекающий из суеверной доверчивости, преобладающей среди негров, всегда считался наиболее опасной практикой, для пресечения которой в наших вест-индских колониях были приняты самые суровые законы. Обаах считается мощным и наиболее неотразимым заклинанием, иссушающим и парализующим преданную жертву неописуемыми ужасами и необычными ощущениями. Один негр, который желает отомстить другому и боится открыто и мужественно напасть на своего противника, обычно прибегает к этой практике. Подобно ведьминому котлу в "Макбете", это сочетание многих странных и зловещих вещей. Земля, собранная с могилы, человеческая кровь, кусок дерева, скрепленный в форме гроба, перья ворона кариона, зуб змеи или аллигатора, кусочки яичной скорлупы и другие безымянные ингредиенты составляют смертельную смесь. Все эти предметы, возможно, и не считаются абсолютно необходимыми для завершения очарования, но два или три, по крайней мере, незаменимы. [136]

Конечно, следует понимать, что практика ОБАА может иметь мало эффекта, если негр не осознает, что она применяется к нему, или не думает так; [137] ибо, поскольку все зло заключается в ужасах суеверного воображения, не имеет большого значения, практикуется это или нет, если он только воображает, что это так. Но если заклинанию не удастся завладеть разумом запрещенного человека, прибегают к другому и более надежному средству — тайному введению ему яда. Это спасает репутацию колдуна и приводит к достижению цели, которую он имел в виду.

Мужчина или женщина ОБЕА (поскольку его практикуют оба пола) - очень опасная личность на плантации; и по закону его применение считается уголовным преступлением, караемым смертью, если был применен яд, и транспортировкой, если были использованы только чары. Но многие были охвачены этим увлечением и могут быть уничтожены до того, как преступление будет раскрыто; ибо, каким бы странным это ни казалось, негры настолько благоговеют перед этими *профессорами Обеах*, настолько боятся их злобы и власти, что, хотя и знают, какой хаос они учинили и продолжают творить, они боятся открыть их белым; а другие, возможно, находятся в союзе с ними в зловещих целях причинения вреда и мести.

Негр, увлеченный Обеахом, может излечиться от своих страхов, только став христианином: откажите ему в этом благе, и он станет мучеником воображаемого зла. Короче говоря, негр считает, что он больше не находится под влиянием этого колдовства, когда становится христианином. И известны примеры негров, которые, будучи доведены фатальным влиянием Обеаха до самого низкого состояния уныния и немощи, из которого было мало надежд на выздоровление, были удивительно и быстро восстановлены к здоровью и жизнерадостности, приняв крещение христианами. Негры также верят в привидения и испытывают перед ними великий страх, полагая, что они запрещают смерть или какое-либо другое великое зло тем, кого они посещают; короче говоря, что духи умерших приходят на землю, чтобы отомстить тем, кто причинил им зло при жизни. Таким образом, мы видим, что не только с самой глубокой древности, но даже среди рабов и варваров вера в сверхъестественные силы была популярным верованием, фактически не ограничиваясь какой-либо отдаленной расой или племенем

людей; и, что еще более удивительно, существует исключительная и наиболее примечательная идентичность в понятии их адского служения.

В Британской Вест-Индии негров наветренного побережья называют *мандинго*, название, которое здесь взято для описания особой расы или нации. Однако, по-видимому, есть основания полагать, что *мандинго* или человек-мандинга, по сути, одно и то же с человеком-оби. Покойный путешественник по Бразилии рассказывает нам следующие анекдоты о *мандинге* и *мандингейру* негров в этой стране. "Однажды, - рассказывает мистер Костер, - старик (негр по имени Аполлинарио) пришел ко мне с выражением смятения на лице, чтобы показать мне клубок листьев, перевязанный растением под названием *суро*, который он нашел под парой досок, на которых он спал, во флигеле. Мяч был размером примерно с яблоко. Я не мог себе представить, что вызвало его тревогу, пока он не сказал, что это была *Мандинга*, которая была создана с целью убить его; и он горько оплакивал свою судьбу, что в его возрасте кто-то может желать ускорить его смерть и унести его из этого мира, прежде чем Богоматерь сочтет нужным послать его. Я знал, что две чернокожие женщины враждовали, и подозрение пало на одну из них, которая была знакома со старой *Мандингейру* из Энгенхо-Велью; поэтому за ней послали. Я рассудил, что *Мандинга* предназначалась не для Аполлонарио, а для негритянки, в обязанности которой входило подметать уборную. Я пригрозил заточить подозреваемую женщину в Гару, если она не раскроет все дело. Она сказала, что Мандингу поместили туда, чтобы заставить одну из негритянок невзлюбить своих товарищей-рабынь и предпочесть ее другой. Шар из *мандинги* был сделан из пяти или шести видов листьев деревьев, среди которых был лист граната; также там были два или три кусочка тряпки, каждый особого вида; пепел, который был костями каких-то животных; и, возможно, были и другие ингредиенты, но это было то, что я смог распознать. Эта женщина либо не могла по незнанию, либо не захотела дать никакой информации относительно нескольких вещей, из которых состоял бал. Я серьезно отнесся к *мандинге*, зная веру в нее не только многих негров, но и некоторых мулатов. У этого вида чар есть другое название; оно называется *feitiço*, а посвященных называют *feitiçeros*; раньше на плантации Святого Жоама был один, которого так боялись, что хозяин продал его, чтобы отправить в Маранхам".

Говоря о зеленых бусах (*contas verdas*), которые являются еще одним объектом суеверий в Южной Америке, и о том, что валентозны полагаются на них, беззаконном описании людей среди колонистов Бразилии; тот же автор дает нам следующий взгляд на *мандингуэйрос* и их очарование. "Эти люди, - говорит он, - носили на шеях нитки зеленых бус, которые либо доставлялись с побережья Африки и обладали чудесным свойством безопасно переносить своих обладателей через всевозможные опасности, либо были очарованы мандингуэйрос, африканскими колдунами, которые были привезены в Бразилию в качестве рабов и тайно продолжали запрещенную практику передачи им этой силы. Винсенте был знаком с некоторыми из этих людей и был твердо убежден в достоинствах зеленых бус. Когда я выразил свои сомнения в эффективности бус против метко направленной мушкетной пули, его гнев усилился, но к нему примешивалась жалость.

Лабат привозит эти камни из Орельяны, или реки Амазонок. "Мне сообщили, - говорит наш автор, - что *Контас вердас* прибыл из Африки; но некоторые из них добрались сюда из Орельяны и были реквизированы *мандингуэйрос*." М-р Саути также рассказал о "зеленых камнях Амазонок" в своей "Истории Бразилии", т. 1. стр. 107.

В другом месте какой-то путешественник знакомит нас с *Мандингейросом* в новом персонаже "Заклинателя змей". "Мандингуэйро славятся, помимо прочего, умением обращаться с ядовитыми змеями и могут с помощью определенных звуков или мелодий вызвать этих рептилий из их нор и заставить их собраться вокруг себя. Эти колдуны утверждают, что делают безвредными укусы змей для людей, которые поддаются их чарам и церемониям. Один из способов, который используется для этой цели, заключается в том, чтобы позволить ручной змее проползти по голове, лицу и плечам человека, который должен быть *curado do cobras*, излечен от змей, как они это называют. Владелец змеи повторяет определенное количество слов во время операции, значение которых, если они таковое содержат, известно только посвященным. Говорят, что гремучая змея, из всех других видов, наиболее восприимчива к мелодиям мандингуэйрос." Приведенные выше рассказы я бы не стал пересказывать, опираясь на авторитет одного или двух авторов, я слышал, как их повторяли несколько человек, и даже некоторые образованные люди говорили о предполагаемой эффективности ручных змей мандингуэйрос, как будто они были несколько поколеблены в своей вере в это. "Эти люди, безусловно, проделывают странные трюки, и очень ловко". Тот же автор также отмечает: "У одного из негров, которых я нанял на плантацию Ягуариби, одна нога была намного толще другой. Это было вызвано, как он сказал мне, укусом гремучей змеи; он сказал, что был излечен от укусов змей неким *куратором кобры*, или Мандингейру, и поэтому не умер; но поскольку "луна была сильной", он не избежал получения некоторых повреждений от укуса".

Бивер в своих Африканских записках говорит: "Есть другой сорт людей, которые путешествуют по стране, называемые людьми мандинго (это мусульмане); они не работают; они переходят с места на место, и когда они находят каких-либо вождей или людей, из которых, по их мнению, они могут что-то сделать, они иногда останавливаются у них и делают *григри*, а иногда бросают от них семя, за которое заставляют их платить".

В этом и других случаях слово *gree-gree* применяется к дому, откуда доставляются оракулы, но оно также используется для обозначения амулета или оби. "Сами они (туземцы побережья), - говорит последний цитируемый автор, - всегда носят *гри-гри*, или амулеты, которые они покупают у *мандинго*, чтобы уберечь их от воздействия определенного оружия или яда и на которые они полностью полагаются. У них есть один против яда; другой против мушкета; третий против шпаги; и еще один против ножа; и, действительно, почти против всего, что, по их мнению, может причинить им вред. Священник мандинго, или *торговец гри-гри-гри*, то есть продавец амулетов, которые носили при себе и защищали владельца от любых напастей, таких как яд, убийство, колдовство и т.д. Этому священнику я сделал несколько красивых подарков, а он, в свою очередь, подарил мне двенадцать гри-гри и заверил меня, что они неизбежно защитят меня от всякой опасности, в то же время он дал мне указания, как ими распорядиться. Некоторые из них я должен был носить при себе; по одному тайно повесить над каждой аркой; еще одно я держал под подушкой, а еще одно - под дверью дома, который я тогда строил". Бьюги относятся к этим людям с большим почтением и говорят, что они "разговаривают с Богом".

М-р Лонг в своей "Истории Вест-Индии" утверждает, что под общим названием Оби-мен также понимается класс *мьялов*, или тех, кто с помощью наркотического яда, приготовленного из сока травы (говорят, что это Калалуэ ветвистый, разновидность паслена), который вызывает транс определенной продолжительности, пытается убедить введенных в заблуждение зрителей в своей способности оживлять мертвые тела.

Дополнительные сведения об этом суеверии, сохраненные Лабатом, Эдвардсом и другими, должны быть объединены с теми, которые представлены сейчас; [138] но, в конце концов, вопросы, которые необходимо решить, заключаются в том, являются ли *Оби*, *Мандинга игри-гри*, обычно словами одинакового значения, и все ли те, кто знаком с ними, одинаковы, являются священниками одной системы религиозной веры и богослужения, или же одно не относится к поклонению доброй силе, а другое - к поклонению злой.

Примечательно, что в то время как этимологию *Оби* искали в именах древних божеств Египта и в названии змеи на языке побережья, фактическое название злого божества или *дьявола* на том же языке, по-видимому, ускользнуло от внимания. Это имя написано мистером Эдвардсом, *Оббони*; и его носитель описывается как злобное божество, творящее все зло, насылающее вечные болезни, гнев которого можно унять только человеческими жертвоприношениями. Это злое божество - сатана нашей собственной веры; и именно поклонение сатане во всех частях света составляет сущность колдовства.

Если это название *Obboneu* имеет какое-либо отношение к *Ob* в Египте, и если *Ob*, как в древности в Египте, так и по сей день на западе Африки, означает "змея", что, на наш взгляд, это открывает, кроме того, что сатана носит имя змея как у негритянских народов, так и у европейских? Что касается того, как случилось, что змей, который в одних системах является эмблемой доброго духа, в других является эмблемой злого, то это тема, которая относится к более обширному исследованию. Этого достаточно для нашего нынешнего удовлетворения, чтобы вспомнить, что исповедание и вера в колдовство предполагает существование двух божеств, одного, творца добра, а другого - творца зла; одному поклоняются хорошие люди за хорошие поступки и с благими целями, а другому - плохие люди за плохие поступки и с дурными целями; и что это поклонение является колдовством, а верующие - колдунами.

Выше будет видно, что, поскольку африканские чары предназначены для предотвращения зла, а другие - для его усиления, первые относятся к поклонению и происходят от силы доброго духа; а вторые происходят из противоположного источника. Таким образом, следует заключить, что суеверие *Оби* есть не что иное, как практика поклонения *Оббони* или *Обони*, злему божеству африканцев, змею Африки и Европы, древнему змею и сатане Священных Писаний, и что колдовство негров, очевидно, такое же, как и наше собственное, и вера в него. Действительно, можно было бы далее показать, что у последних есть свои временные превращения людей в аллигаторов, волков и тому подобное, подобно тому как у французов есть свои *loups-garoux*, у немцев - свои боевые волки, люди-волки и все остальное. [139]

Негры, практикующие оба, знакомы с некоторыми очень сильными растительными ядами, которые они используют в этих случаях и благодаря которым они приобрели широкую известность. Их фетиши - это их домашние боги, или домашние божества; предполагается, что один из них правит целой провинцией, а другой - каждой семьей. Этот идол - дерево, голова обезьяны, птицы или что-либо подобное, что может подсказать их воображение. Негры издавна славились тайным или медленным отравлением.

Если сомнения и трудности сопровождают открытие ядов, отличительной чертой которых является быстрота их действия, то насколько большей должна быть неопределенность, когда от нас требуется установить применение так называемых медленных ядов. Этот предмет,

действительно, так тесно переплетен с народными суевериями, что трудно отделить правду от лжи. В Италии, например, раньше говорили, что яды изготавливались для уничтожения жизни в любой установленный период — от нескольких часов до года. Это, однако, оказывается всего лишь фикцией; и, как хорошо известно, мы не знаем никаких веществ, которые вызывали бы смерть в определенную эпоху. Следующий случай с покойным принцем Чарльзом Августенбургским, тем не менее, показывает, что идея медленного яда все еще очень распространена даже среди врачей континентальной Европы.

Принц Чарльз Августенбургский, наследный принц Швеции и предшественник Бернадотта на этом посту, упал замертво с лошади 22 мая 1810 года во время смотра войск в Скании. Его смерть в тот бурный период общественных событий привлекла большое внимание, и вскоре за границей распространилось мнение, что он был отравлен. Король распорядился провести судебное расследование; и оказалось, что доктор Росси, врач покойного принца, без каких-либо указаний приступил к осмотру тела через двадцать четыре часа после смерти; что он выполнил эту операцию с большой небрежностью, упустив многое из того, что предусмотрено законом, что предложили врачи, оказывавшие помощь, и что было необходимо для того, чтобы сделать ее удовлетворительной; и, наконец, что оболочки желудка, вместо того чтобы быть сохраненными и подвергнутыми химическому анализу, были, по его собственному признанию, выброшены. Королевский трибунал постановил лишить его должности и изгнать из королевства. Это решение, конечно, не уменьшило бы уже возникших подозрений; и среди других врачей, с которыми консультировались по этому случаю, М. Лодин, профессор медицины в Линчепинге, представил два мемуара, в которых он изложил это как свое мнение, что принцу был введен *медленный яд* растительной природы, вероятно аналогичный *aqua tofania*, и что это вызвало апоплексический удар, от которого он скончался. Его причинами были:

1. Что принц всегда отличался хорошим здоровьем до своего прибытия в Швецию и, действительно, не болел до тех пор, пока не съел холодный пирог в гостинице в Италии. Вскоре после этого у него началась сильная рвота, в то время как остальные члены компании не почувствовали никаких побочных эффектов.
2. Принц от природы был очень сдержан.
3. С тех пор, как он прибыл в Швецию, у него пропал аппетит, сопровождавшийся желчнокаменной болезнью и диареей; и
4. Что при вскрытии была обнаружена селезенка черного цвета в состоянии разложения, а печень затвердевшая и темного цвета. Хотя при жизни он не испытывал симптомов, соответствующих этим проявлениям. Доктор Лодин признался, однако, что он не был знаком с эффектами, указывающими на применение медленного яда, но думал, что предыдущие симптомы были такими, каких от него можно было ожидать.

К чести профессии, это предположительное мнение встретило решительное осуждение со стороны других медиков. Оказалось, что принц в течение нескольких дней до этого был подвержен головокружению и боли в голове, и что все симптомы легко можно было отнести к простому случаю апоплексического удара, в то время как проявления при вскрытии свидетельствовали о быстрой тенденции к гниению, которая часто наблюдается в подобных случаях.

Общественность в большом долгу перед профессором Бекманом за очень подробную статью, в которой он сосредоточил почти все, что известно *отайных отравлениях*. Здесь мы представим нашим читателям аннотацию, специально адаптированную к демонологии медицины, дополненную некоторыми фактами из других источников.

Профессор Бекман считает бесспорным, что древние были знакомы с этим видом яда, и думает, что это может быть доказано из свидетельств Плутарха, Квинтилиана и других уважаемых авторов. В первом говорится, что Арату Сикионскому был введен медленный яд, вызывавший жар, кашель, кровохарканье, чахотку и умственную слабость. Теофраст говорит о яде, приготовленном из аконита, действие которого можно было смягчить таким образом, чтобы оно действовало через два-три месяца или по истечении года или двух; и он также сообщает, что Фрасий открыл способ приготовления из других растений яда, который при приеме в малых дозах вызывал определенную, но легкую смерть, без каких-либо болей, и который можно было сдерживать в течение длительного времени, не вызывая слабости или разложения. Последний яд широко использовался в Риме, примерно за двести лет до христианской эры. В более поздний период женщина по имени Локуста участвовала в приготовлении этих ядов, и таким образом она уничтожила по наущению Нерона Британика, сына Агриппины.

Карфагеняне, по-видимому, также были знакомы с этим актом дьявольского отравления; и говорят, что они, по свидетельству Авла Геллия, дали немного его римскому военачальнику Регулу. Современные писатели, однако, следует добавить, не упоминают об этом.

Основные яды, известные древним, готовились из растений, в частности из аконита, болиголова и мака, или из веществ животного происхождения; и среди последних нет более замечательного, чем тот, который получают из морского зайца (*Lepus marinus* или *Apylsia depilans* из system of nature). Говорят, что после этого Тит был отправлен Домицианом. Похоже, они не были знакомы с обычными минеральными ядами.

В 1659 году, во время понтификата Александра VII, в Риме было замечено, что многие молодые женщины овдовели и что многие мужья умерли, когда стали неуютны своим женам. Правительство проявило большую бдительность, чтобы обнаружить отравителей, и подозрение в конце концов пало на общество молодых жен, президентом которого оказалась пожилая женщина, которая делала вид, что предсказывает будущие события, и которая часто очень точно предсказывала смерть многих людей. С помощью хитрой женщины их действия были раскрыты; все общество было арестовано и подвергнуто пыткам, а старуха, которую звали Спара, и еще четверо были публично повешены. Эта Спара была сицилийкой и, как говорят, получила свои знания от Тофании в Палермо.

Топания, или Тофания, была печально известной женщиной, которая жила сначала в Палермо, а затем в Неаполе. Она продавала яд, который от нее получил название Aqua della Toffana (его также называли *Акветта ди Наполи*, или только *Акветта*), но она раздавала свой препарат в качестве благотворительности тем женам, которые хотели иметь других мужей. От четырех до шести капель было достаточно, чтобы уничтожить человека; и утверждалось, что доза может быть настолько пропорциональна, чтобы действовать в течение определенного времени. Лабат говорит, что Тофания раздавала свой яд в маленьких стеклянных флакончиках с надписью "*Манна святого Николая Бавийского*" и украшенных изображением святого. Она дожила до

глубокой старости, но в конце концов ее вытащили из монастыря, в котором она укрывалась, и подвергли пыткам, после чего она призналась в своих преступлениях и была задушена.

Однако ни в одной стране искусство отравления не привлекало большего внимания, чем во Франции примерно в 1670 году. Маргарет д'Обре, жена маркиза де Бринвилье, была главным действующим лицом в этом ужасном деле. Нуждающийся авантюрист по имени Годен де Сент-Круа, познакомившийся с маркизом во время их кампании в Нидерландах, стал в Париже постоянным гостем в его доме, где за короткое время нашел способ снискать расположение маркизы. Это было незадолго до того, как этот маркиз умер; однако не раньше, чем их совместное состояние было растрачено. Ее поведение, когда она открыто поддерживала этот роман, побудило ее отца арестовать Сент-Круа и отправить его в Бастилию. Здесь он познакомился с итальянцем по имени Экзили, у которого научился искусству приготовления ядов.

После года заключения Сент-Круа был освобожден, когда прилетел к маркизе и обучил ее этому искусству, чтобы она могла использовать его для улучшения положения обоих. Она приняла облик монахини, раздавала еду бедным, ухаживала за больными в Отель-Дье и незаметно испытывала силу своих ядов на этих несчастных. Она подкупила некоего Шоссе, слугу Сент-Круа, чтобы он отравил ее собственного отца, после того как устроил его к себе на службу, а также своего брата и попыталась отравить свою сестру. Возникло подозрение, что они были отравлены, и тела были вскрыты, но на данный момент никаких обнаружений не последовало. Их злодейские действия были раскрыты следующим образом: — Сент-Круа при приготовлении яда имел обыкновение носить стеклянную маску; но, поскольку однажды она случайно упала, он задохнулся и был найден мертвым в своей лаборатории. Правительство распорядилось провести экспертизу имущества этого человека, у которого не было семьи, и составить их список. При обыске была обнаружена небольшая шкатулка, к которой Сент-Круа прикрепил письменную бумагу, содержащую просьбу, чтобы после его смерти "она могла быть передана маркизе де Бринвилье, проживающей на улице Нев-Сен-Поль, поскольку все, что в ней находится, касается ее и принадлежит только ей; и поскольку, кроме того, в ней нет ничего, что могло бы пригодиться кому-либо, кроме нее; и в случае, если она умрет раньше меня, сжечь ее и все, что в ней находится; ничего не открывая и не изменяя; и чтобы никто не мог использовать ее". кто-то может сослаться на невежество, но я клянусь Богом, которого я боготворю, и всем самым священным, что я не продвигаю ничего, кроме истины. И если мои намерения, какими бы справедливыми и разумными они ни были, будут сорваны в этом пункте, я обвиняю в этом их совесть, как в этом мире, так и в следующем, чтобы я мог выразить свою, заявляя, что это моя последняя воля. Совершено в Париже 25 мая 1672 года во второй половине дня. *De Sainte Croix*"

Ничто не могло послужить большим стимулом для вскрытия конверта, чем это странное прошение, и, когда оно было сделано, в нем было обнаружено огромное количество ядов всех видов с этикетками, на которых было отмечено их действие, доказанное экспериментами на животных. Однако основным ядом был едкий сублимат. Когда маркиза услышала о смерти своего возлюбленного и наставника, она пожелала заполучить шкатулку и попыталась завладеть ею, подкупив судебных приставов; но так как ей это не удалось, она покинула королевство. Ла Шоссе, однако, остался в Париже, предъявил права на собственность Сент-Круа, был схвачен и заключен в тюрьму, сознался в большом количестве злодеяний, чем подозревало, и в результате был заживо повешен на колесе в 1673 году — маркиза бежала в Англию, а оттуда в Льеж, где нашла убежище в монастыре. Дегре, судебный исполнитель, был

послан в погоню за ней и, переодевшись аббатом, ухитрился выманить ее из этого привилегированного места. Среди ее вещей в монастыре были найдены признание и полный перечень всех ее преступлений, написанный ее собственной рукой. Ее доставили в Париж, осудили и 16 июля 1676 года публично обезглавили, а затем сожгли.

Практика отравления, однако, не была пресечена этой казнью, и утверждалось, что священникам постоянно делались признания подозрительного характера. Наконец, в 1697 году был учрежден суд для наблюдения, обыска и наказания заключенных под названием *палата ядов*, или *палата яда*. Вскоре это было использовано в качестве государственного механизма против тех, кто был неприятен двору, и имена лиц первого ранга, как мужчин, так и женщин, были искажены. Две женщины, ла Вигре и ла Вуазон, были сожжены заживо по приказу этого суда в феврале 1680 года. Но в том же году это было отменено.

Профессор Бекман рассказывает следующее, сообщенное ему Линнеем: "Карл XI, король Швеции, разорив несколько знатных семей, захватив их имущество, и после этого совершив путешествие в Торнео, он заболел чахоткой, которую не могло вылечить никакое лекарство. Однажды он очень серьезно спросил своего врача, в чем причина его болезни. Врач ответил: "На ваше величество обрушилось слишком много проклятий". — "Да, - ответил король, - я молю Бога, чтобы не произошло сокращения поместий знати и чтобы я никогда не предпринимал поездки в Торнео". После его смерти было обнаружено, что в его кишечнике полно мелких язв.

Существовало большое разнообразие мнений относительно природы этих ядов. Вода, приготовленная Тофанией, по-видимому, была прозрачной и безвкусной, а продажа *aqua fortis* в течение долгого времени была запрещена в Риме, потому что она считалась основным ингредиентом. Это, однако, маловероятно.

В Париже предполагалось, что знаменитое *средство для наследования* (также секретный яд) одно время состояло из алмазной пыли, измельченной в чрезвычайно мелкий порошок; а в другое время в качестве основного ингредиента содержался свинцовый сахар. Халлер придерживался этого последнего мнения. В шкатулке Сент-Круа были обнаружены сублимат, опиум, регул сурьмы, купорос и большое количество готового яда, основные ингредиенты которого врачи не смогли обнаружить. Гарелли, врач Карла VI, короля Обеих Сицилий, в то время, когда была арестована Тофания, писал знаменитому Хоффману, что *Aqua Tofania* представляет собой не что иное, как кристаллизованный мышьяк, растворенный в большом количестве воды в виде отвара с добавлением (но с какой целью, мы не знаем) травы *Цимбалариум* (вероятно, *Antirrhinum Cymbalaria*). И эта информация, которую он отмечает, была сообщена ему самим его императорским величеством, которому была передана судебная процедура, подтвержденная признанием преступника. Но против этого мнения возразили, что оно отличается от обычного действия мышьяка тем, что никогда не проявляет себя каким-либо особым действием на организм человека.

Аббат Гальяни, с другой стороны, утверждает, что это смесь опиума и кантаридов, и что ликер, полученный из ее состава, прозрачен, как минеральная вода, и не имеет вкуса. Его действие происходит медленно и почти незаметно. Бекман, по-видимому, поддерживает эту идею и предполагает, что подобный яд используется на Востоке под названием *rowst*, представляющий собой воду, простоявшую ночь над соком маков. Оно дается принцам, которых хотят отправить частным образом; и приводит к потере силы и понимания, так что в конце концов они умирают вялыми и бесчувственными. [140]

Следующий отрывок покажет, что тайное отравление проникло в леса Америки. "Знаменитый вождь омавхау, *Черный Дрозд*, приобрел большую репутацию знахаря; его противники быстро падали перед его могущественными чарами. Его лекарством был мышьяк, которым снабдили его для этой цели подлые торговцы". [141]

СНОСКИ:

[136] Для слова "оби" были предложены различные этимологии. Мистер Лонг в документе, переданном несколько лет назад агентами Ямайки Комитету лордов Тайного совета и приложенном последним к отчету о работоторговле, высказывается по этому поводу следующим образом: "Из комментария ученого мистера Брайанта к слову ОРН мы получаем весьма вероятную этимологию термина; "змея" на египетском языке называлась *Ауб* или *Об*. "*Обион*" до сих пор является египетским именем змея". "Моисей, во имя Бога, запрещает израильтянам спрашивать демона *Об*, что в нашей Библии переводится как заклинатель или волшебник, *Прорицатель или колдунья*". Женщину Эндора зовут *Оуб* или *Об*, что переводится как Пифонисса; а *Убауа* (он цитирует Гора Аполлона) - это имя Василиска или царственного змея, эмблемы солнца и древнего африканского божества-оракула. Их этимология, если ее признать, связывает современные суеверия запада Африки с древними суевериями востока этого континента, из источника которых они также распространились в Европе. Это скромные части великой системы, украшенной баснями об Осирисе и Исиде; и они включают в себя не только африканские Оби, но и колдовство нашей собственной страны. Это суеверие повсюду связано с поклонением змее, луне и кошке. Черепа и зубы кошек являются одними из основных ингредиентов африканских талисманов или *Obies*.

[137] Мистер Лонг дает следующий отчет об убранстве дома женщины-оби, или африканской ведьмы на Ямайке: "Вся внутренняя часть крыши (которая была соломенной) и каждая щель в стенах были забиты орудиями ее ремесла, состоящими из тряпок, перьев, кошачьих костей и тысячи других предметов. При дальнейшем исследовании большой глиняный горшок или кувшин, плотно закрытый, содержал огромное количество круглых шариков из земли или глины различных размеров, больших и маленьких, выбеленных снаружи и по-разному составленных, некоторые из них были покрыты шерстью и тряпками или перьями всех видов и крепко перевязаны бечевкой; другие были смешаны с верхней частью черепа кошки или украшены кошачьими зубами и когтями, или зубами человека или собаки, и несколько стеклянных бусин разных цветов. Было также очень много яичной скорлупы, наполненной вязким или клейким веществом, свойства которого не были изучены; и множество маленьких мешочков, наполненных различными предметами, детали которых невозможно припомнить по прошествии такого большого промежутка времени". Шекспир и Драйден оставили нам поэтические описания состава европейских *послушаний* или чар, с которыми, а также с другими историческими описаниями, можно сравнить вышесказанное. Полуночные часы профессоров Оби также можно сравнить с ведьмами Европы. Следовательно, Оби - это поклонение змеям. Пифия в Дельфах была женщиной-Оби. К поклонению змеям присоединяется поклонение солнцу и луне как правителям видимого мира и эмблемам мужской и женской природы божества; а кошке, из-за ее ночных крадущихся прогулок, приписывается таинственная связь с луной. Собака и волк, несомненно, по одной и той же причине, находятся в схожих обстоятельствах.

[138] Суеверие оби обычно не упоминалось в Британской Вест-Индии до 1760 года, когда после восстания негров Коромантина или Золотого берега на Ямайке выяснилось, что оно было превращено в инструмент для разжигания беспорядков. Старый негр из Коромантина, главный подстрекатель и предсказатель повстанцев прихода Святой Марии, в котором вспыхнуло восстание, который принес заговорщикам *Фетиш*, или торжественную клятву, и снабдил их магическим препаратом, который должен был сделать их неуязвимыми, был в то время схвачен и наказан, и был издан закон о пресечении этой практики, в соответствии с которым было приведено несколько примеров, но в течение многих лет никакого уменьшения зла, которое требовалось исправить, не производилось.

[139] В книге Костерса "Путешествия по Бразилии" мы читаем о негре, который, по словам одного из его товарищей, иногда становился *лобас хоменом*, или человеком-волком. "Я попросил его, - сказал автор, - объяснить, когда он сказал, что человек временами превращался в животное размером с теленка с фигурой собаки"; а в "Африканских записках" есть рассказ о негре, который заявлял и даже верил, что обладает способностью превращаться в аллигатора, в этом состоянии он пожирал людей. На вопрос капитана Бивера он ответил: "Я могу превратиться в аллигатора и часто это делал". Но хотя это могут быть подлинные африканские суеверия, а не те, что были привнесены португальцами, все же несомненно, что нет такой части Европы, к которой они не относились бы в равной степени.

[140] Бекман, том 1, стр. 74-103.

[141] См. Экспедицию майора Лонга, том 1. стр. 226.

ГЛАВА XIX.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СУЕВЕРНОМ ВЛИЯНИИ КОЛЕЦ.

Древние маги, среди прочего претендовавшие на экстраординарные способности творить удивительные вещи благодаря своему превосходному знанию тайных сил природы, свойств растений и минералов, а также движения и влияния звезд, придавали немалую степень мистического значения кольцам, происхождение которых, их материал и применение, вместе с предполагаемыми свойствами вставленных в них камней, представляют собой предмет, настолько соответствующий нашему замыслу и заслуживающий внимания любознательных, что нет необходимости в извинениях за обсуждение их.

Согласно рассказам языческих мифологов, Прометей, который в первые времена открыл множество секретов, освободившись от чар, которыми он был прикован к горе Кавказ за кражу огня с небес, в память или в знак признания милости, оказанной ему Юпитером, сделал себе из одной из этих цепей кольцо, в канте которого он изобразил часть скалы, где он был заключен, — или, скорее, как говорит Плиний, вставил его в обломок той же скалы и надел себе на палец. Это было первое кольцо и первый камень. Но мы узнаем, что использование колец очень древнее, и египтяне были их первыми изобретателями; что, кажется, подтверждается личностью Иосифа, который, как мы читаем (Бытие, глава xi), за то, что истолковал сон Фараона, получил не только свободу, но и был вознагражден кольцом своего принца, золотым ошейником и управлением Египтом.

Иосиф Флавий в третьей книге "Еврейских древностей" говорит, что израильтяне пользовались ими после перехода через Красное море, потому что Моисей, вернувшись с горы Синай,

обнаружил, что они выковали золотого тельца из колец своих жен, украшенных драгоценными камнями. Тот же самый Моисей, более чем за 400 лет до Троянских войн, разрешил священникам, которых он основал, использовать золотые кольца, украшенные драгоценными камнями. Первосвященник носил на своем эфode, который представлял собой что-то вроде камаила, богатые кольца, служившие застегивками; крупный изумруд был оправлен в оправу и на нем были выгравированы таинственные имена. Кольцо, которое он носил на пальце, обладало неоценимой ценностью и небесной силой. Разве у Аарона, первосвященника евреев, не было кольца на пальце, в котором бриллиант по своим свойствам совершал удивительные поступки? Ибо он сменил свой яркий блеск на темный цвет, когда евреи должны были быть наказаны смертью за свои грехи. Когда они должны были пасть от меча, он казался кровавого цвета; если они были невиновны, он сверкал, как обычно.

Примечательно, что древние евреи пользовались кольцами даже во времена Троянских войн. Царица Иезавель, чтобы уничтожить Нават, как об этом рассказывается в первой Книге Царств, использовала кольцо Ахава, царя израильтян, своего мужа, чтобы запечатать поддельные письма, предписывавшие смерть этого несчастного человека. Разве Иуда, как упоминается в 38-й главе книги Бытия, не надругался над своей невесткой Фамарь, которая переоделась, подарив ей свое кольцо и браслеты в качестве залога веры, которую он обещал ей?

Хотя Гомер умалчивает о кольцах как в своей "Илиаде", так и в "Одиссее", они, несмотря на это, использовались во времена греков и троянцев; и от них они были получены несколькими другими народами. Лакедемоняне, как рассказывает Александр, ав. Александр, по приказу их царя Ликурга, носил только железные кольца, презирая золотые; таким образом, их царь либо хотел ограничить роскошь, либо запретил ими пользоваться.

Некоторые народы считали кольцо символом щедрости, уважения и дружбы, особенно среди персов, и никому не разрешалось носить его, за исключением случаев, когда его дарил сам царь. Это то, что также можно отметить в личности Аполлония Тьянея, как знак особого уважения и щедрости, полученный им от великого Иархаса, князя гимнософистов, которые были древними жрецами Индии и жили в лесах, как наши древние барды и друиды, где они занимались изучением мудрости и размышлениями о небе и звездах. Этот философ с помощью этого кольца каждый день постигал тайны природы.

Хотя кольцо, найденное Гигесом, пастухом лидийского царя, содержит в себе больше вымысла, чем правды, однако не лишним будет пересказать то, что сказано о Геродоте, Целии, после Платона и Цицерона, в третьей книге его Служебных обязанностей. Этот Гигес после великого наводнения попал в очень глубокую впадину в земле, где, найдя в брюхе медного коня с большим отверстием человеческое тело огромных размеров, он снял с одного из пальцев кольцо удивительного свойства; ибо камень на цанге делал того, кто носил его, невидимым, когда цанга была повернута к ладони, так что присутствующие могли видеть, оставаясь невидимыми, всевозможных людей и предметы. Гигес, испробовав его эффективность, пришел к выводу, что это было бы средством для восхождения на трон Лидии и завоевания с его помощью царицы. Он преуспел в своих замыслах, убив Кандавла, ее мужа. Мертвое тело, которому принадлежало это кольцо, принадлежало древнему брахману, который в свое время был главой этой секты.

Кольца древних часто служили печатями. Александр Македонский после смерти и поражения Дария использовал свое кольцо для запечатывания писем, которые он отправлял в Азию, и свое

собственное для писем, которые он отправлял в Европу. В Риме принято, чтобы жених посылал невесте перед свадьбой железное кольцо без камня или цанги, чтобы обозначить, насколько прочным должен быть их союз и какую бережливость они должны соблюдать вместе; но роскошь здесь вскоре завоевала популярность, и возникла необходимость умерить ее. Гай Марий не носил золотых колец до своего третьего консульства; а Тиберий, как говорит Светоний, ввел некоторые правила в отношении ношения колец; ибо, помимо свободы рождения, он требовал значительного дохода как со стороны отца, так и со стороны деда.

В словаре полиглота, опубликованном в 1625 году Джоном Миншью, наше внимание привлекли следующие наблюдения под статьей "БЕЗЫМЯННЫЙ ПАЛЕЦ.—Vetus versiculus singulis digitis Annulum trebuens Miles. Меркатор. Stultus. Maritus. Amator. Pollici adscribitur Militi, seu Doctor. Mercatorem á pollice secundum, stultorum, tertium. Nuptorum vel studiosorum quartum. Amatorum ultimum."

Из чего следует, что пальцы, на которых в древности носили кольца, направлялись призыванием или особенностями партии. Было ли это

Солдату или врачу приписывали большой палец.

Моряку - палец рядом с большим.

Дурак - средний палец.

Женатый или прилежный человек - четвертый или безымянный палец.

Любовник, последний или мизинец.

Лекарственная сила колец многочисленна и, как само собой разумеющееся, основана на воображаемых качествах. Таким образом, считается, что трение обручального кольца о маленький нарыв, называемый ячменем, который часто можно увидеть на предплюснах глаз, удаляет его. Определенные кольца носят в качестве талисманов либо на пальцах, либо подвешивают к шее; эффективность их действия может быть отнесена к эффектам, обычно производимым этими амулетами.

ГЛАВА XX.

НЕБЕСНЫЕ ВЛИЯНИЯ—ПРИМЕТЫ—КЛИМАКТЕРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД—ПРЕОБЛАДАНИЕ—СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТЛИВЫЕ ДНИ—ЭМПИРИКА И другие.

Астрологи, помимо прочих ухищрений, приложили все усилия и применили все правила своего искусства, чтобы сделать те годы нашего века, которые они называют климактерическими, опасными и грозными.

Слово "климактерический" происходит от греческого, что означает "по шкале" или "лесенке" и подразумевает критический год или период в возрасте мужчины, когда, согласно физиологическим манипуляциям, в организме происходят какие-то заметные изменения, и человек находится под большой угрозой смерти. Первый климактерический период приходится на седьмой год жизни мужчины; остальные кратны первому, например 21, 49, 56, 63 и 84, причем два последних называются великими климактерическими периодами и опасность более несомненна. Основание этого мнения объясняется Марком Фичими следующим образом:

— Он говорит нам, что каждой планете отведен год для управления телом человека в каждый его поворот; теперь, поскольку Сатурн является самой *вредоносной* (злокачественной) планетой из всех, каждый седьмой год, который выпадает на его долю, становится очень опасным; особенно шестьдесят третий и восемьдесят четвертый, когда человек уже преклонных лет. Согласно этой доктрине, некоторые придерживаются установленного климактерического периода каждый седьмой год; но другие допускают право собственности только на те, которые получены путем умножения климактерического периода на нечетное число, 3, 5, 7, 9, & в. Другие наблюдают климактерический период каждый девятый год.

Некоторые утверждают, что климактерические годы являются фатальными для политических органов, что, возможно, можно признать, когда будет доказано, что они являются таковыми в большей степени, чем для естественных; ибо должно быть очевидно, что причина такой опасности никоим образом не может быть обнаружена, равно как и связь, которую она может иметь с любым другим из вышеупомянутых чисел.

Хотя в пользу этого мнения говорит большая древность; Авл Геллий говорит, что оно было заимствовано у халдеев, которые, возможно, могли позаимствовать его у Пифагора, чья философия изобиловала цифрами и который представлял в числе 7 очень необычное достоинство. Основными авторами по вопросам климактерического периода являются Платон, Цицерон, Макробий, Авл Геллий. Среди древних — Аргал, Магирус и Солматей. Среди современных — святой Августин, святой Амвросий, Беда и Боэций, все поддерживают это мнение.

Существует сохранившаяся, хотя и довольно скудная, работа Гевелия под названием "*Annus Climactericus*", в которой он описывает потерю, которую он понес из-за своей обсерватории и т. Д., Будучи сожженным; что, по-видимому, произошло во время его великого климактерического периода, которого он чрезвычайно опасался.

Астрологи также подвергли проверке и регулируют дни в году, которые они предполагали делить на *счастливые* и *несчастливые* дни; для этой цели они призвали на помощь даже священные писания и общепринятые верования христиан прошлых веков. Они утверждают, что четырнадцатый день первого месяца был благословенным днем среди израильтян, что подтверждается, как они утверждают, несколькими отрывками из книги Исход, ст. 18:

"В первый *месяц*, в четырнадцатый день месяца вечером, ешьте опресноки до двадцатого дня вечера", ст. 40. Итак, пребывание сынов Израилевых, которые жили в Египте, длилось сорок лет.

41. "И было так, что по прошествии четырехсот тридцати лет, в тот самый день, было так, что все воинство Господне вышло из земли Египетской".

42. "Это ночь, которую следует особо чтить Господу за то, что он вывел их из земли Египетской; это та ночь Господня, которую следует чтить всем сынам Израилевым в их поколениях".

51. "И было так, что в тот же самый день Господь вывел сынов Израилевых из земли Египетской с их войсками". Также *Левит, глава 23, ст. 5*. "Вечером, в четырнадцатый день первого месяца, совершается пасха Господня". *Числа, глава 28, ст. 10*. "По истечении четырехсот тридцати лет их пребывания в Египте, в тот же день они покинули его".

Что касается злых дней и времен, астрологи ссылаются на *Амоса. глава 5, ст. 13*: "Поэтому благоразумные должны хранить молчание в то время, ибо это злое время", и *глава 6, ст. 3*: "Вы, которые отдаляете злой день и приближаете место насилия"; также *Псалом 37, ст. 19*: "Они не будут посрамлены в злое время; и во дни голода они будут сыты"; и *Иеремия, глава 46, ст. 21*: "И наемники ее находятся посреди нее, как откормленные тельцы". , ибо они также повернули вспять и бежали прочь вместе; они не устояли, потому что настал для них день их бедствия и время их посещения". И *к Иову*, проклинающему день своего рождения, с первого по одиннадцатый стих. В подтверждение этого можно также процитировать календарь, извлеченный из нескольких древних римско-католических молитвенников, написанный на пергаменте до изобретения книгопечатания, в который были вставлены неудачные дни каждого месяца, приводить которые здесь было бы излишне. [142]

Римская история достаточно доказывает, что природа счастливых и несчастных дней обязана своим происхождением язычеству; где упоминается, что в тот самый день четыре года назад гражданские войны были начаты Помпеем, отцом; Цезарь положил им конец своим сыном, Цнеем Помпеем, который был убит; и что римляне считали 13 февраля несчастным днем, потому что в этот день они были свергнуты галлами при Альбе; и Фабии, атаковавшие город Реции, все были убиты, за исключением одного человека; также из календаря римлян. "Fastorum" Овидия, *Априлис эрат менсис греческий благоприятный*; и из Горация, книга 2-я, ода 13, проклинающий дерево, которое чуть не упало на него; *ille nefasto posuit die*.

Язычники верили, что были определенные месяцы и дни, которые несли в себе что-то роковое; например, те, в которые государство, возможно, проиграло великую битву; и под этим впечатлением они никогда не предпринимали никаких предприятий в эти дни и месяцы. Двадцать четвертое февраля в Бисекстильные годы считалось настолько несчастным, что Валентиниан (*Аммиан. Марцелл. lib. 26. cap. 1.*) будучи избран императором после этого, не осмеливался появляться на публике из опасения пострадать от роковых событий этого дня. Можно привести множество других особых дней, в которые генералам армий постоянно сопутствовала удача. Тимолеон (*Кукуруза. Непосс*) выиграл все свои знаменитые сражения в свой день рождения. Солиман (*Дювердье. История. des Turcs*) выиграл битву при Мохаче и взял крепость Белград, а также, по мнению некоторых историков, остров Родос и город Буда 26 августа. Но точно так же мы обнаруживаем, что в один и тот же день одним и тем же людям везет и не везет. Вентидий во главе римской армии разбил парфян и убил их молодого царя Пакора, который командовал ими, в тот же день, когда Красс, другой римский военачальник, был убит, а вся его армия разрублена на куски теми же людьми. Лукулл напал на Тиграна, царя Армении, несмотря на тщеславную щепетильность его военачальников, которые желали, чтобы он остерегался сражения в тот день, который был отмечен в римском календаре как несчастливый со времен рокового поражения римлян кимврами; но он (Лукулл), презрев суеверие, выиграл одно из самых запоминающихся сражений, зарегистрированных в римской истории, и изменил судьбу дня, как он и обещал тем, кто хотел отговорить его от этого предприятия. А несчастным днем для Валентина был тот, в который Карл V, еще один римский император, пообещал себе наилучшую судьбу. Пятница считается неудачным днем для ведения какого-либо конкретного бизнеса, и мало найдется капитанов судов, которые в этот день недели отплыли бы из любого порта в пункт назначения.

Рыбаки, живущие на побережье Балтийского моря, никогда не используют свои сети между улицами Всех святых и Святого Мартина; тогда они были бы уверены, что не поймают ни одной

рыбы в течение всего года: они никогда не ловят рыбу в день Святого Блеза. В Пепельную среду женщины не шьют и не вяжут, боясь навлечь несчастье на свой скот. Они ухищряются не пользоваться огнем в день Святого Лаврентия; принимая эту предосторожность, они считают себя защищенными от огня до конца года.

Этот предрассудок о счастливых и несчастных днях существовал во все времена и у всех народов; но если знания и цивилизация не устранили его, они, по крайней мере, уменьшили его влияние. Однако в Ливонии народ более чем когда-либо пристрастился к самым суеверным представлениям на этот счет. В рижском журнале (*Rigaische Stadtblatter*, № 3657, 1822 г., под редакцией М. Зонтаг) есть несколько отрывков, относящихся к письму с небес, которое является не чем иным, как перечнем счастливых и несчастных дней. Это письмо широко распространено; каждый носит его с собой, и, хотя оно строго запрещено полицией, копии размножаются так обильно, что увеличивают зло, которое все попытки уничтожить до сих пор терпели неудачу. Среди деревенских жителей эта идея эквивалентна доктрине фатальности; и если они совершают ошибки или даже преступления в дни, отмеченные как несчастные, они не считают себя виноватыми, потому что они были предопределены.

Полет определенных птиц или встреча определенных животных при их первом утреннем выходе на улицу являются для них хорошими или плохими предзнаменованиями. Они не охотятся в день Святого Марка или Святой Екатерины, опасаясь потерпеть неудачу всю оставшуюся часть года. Чихнуть на Рождество - хороший знак. Большинство из них настолько не любят пятницу, что никогда не решают в этот день никаких важных дел и не заключают выгодных сделок; в некоторых местах они даже не одевают своих детей. Они не любят визитов по четвергам, потому что это признак того, что всю неделю у них будут неприятные гости.

В некоторых районах Эстонии, расположенных выше по течению Балтийского моря, когда пастух впервые весной приводит свои стада с пастбища, его обрызгивают водой с головы до ног, убеждая, что это способствует процветанию скота. Считается, что злобность хищных зверей можно предотвратить, называя их не именами собственными, а некоторыми из их атрибутов. Например, они называют лисухаллу (серая шуба) медведицей, лайятык (широкая лапа) и т.д. и т.п. Они также воображают, что могут заставить волка выбрать другое направление, посыпав его путь солью. Вой волков, особенно на рассвете, считается очень плохим предзнаменованием, предвещающим голод или болезни. В более древние времена считалось, что эти животные таким образом просили своего бога дать им пищу, которую он сбрасывал им с облаков. Когда волк захватывает какой-либо из их коров, они могут заставить его бросить свою добычу, уронив монетку, трубку, шляпу или любой другой предмет, который у них есть при себе в этот момент. Они не разрешают часто упоминать о зайце, опасаясь привлечь его на свои кукурузные поля. Чтобы заставить кур нести яйца, они взбивают их старой метлой. В семьях, где жена является старшим ребенком у своих родителей, было замечено, что они всегда продают первых телят, будучи убеждены, что, если их оставить, они не будут процветать. Говорить о насекомых или озорных животных во время еды - верный способ сделать их более прожорливыми.

Если вспыхнет пожар, они думают остановить его ярость, бросив в пламя черную курицу. Эта идея искупительной жертвы, приносимой злобной и покровительствующей силе, является пережитком язычества. Различные другие следы этого встречаются у эстонцев; например, в

начале трапезы они намеренно роняют кусок свежего хлеба или несколько капель ликера из бутылки в качестве подношения божеству.

Для крестьян очень оскорбительно, когда кто-либо заглядывает в их колодцы; они думают, что это приведет к пересыханию колодцев.

Когда манну везут на поля, то то, что падает с телеги, не собирают, чтобы на кукурузу не напали вредные насекомые и гниль.

Когда из старого дома переезжают в новый, они внимательно следят за тем, какое животное умирает первым. Если это животное с волосатыми лапами, знак хороший; но если с голыми лапами, например, какая-нибудь домашняя птица, в доме будет траур; это знак несчастья и неудач во всех начинаниях. Они, со скрупулезным соблюдением счастливых и несчастливых дней, являются преобладающими народными суевериями в трех герцогствах; многие из них, особенно среди эстонцев, связаны с их древней мифологией.

Читая эту замечательную книгу покойного сэра Хамфри Дэви, озаглавленную "*Салмония*", невозможно не быть пораженным его замечанием относительно предзнаменований, на которое здесь вкратце обращено внимание, с описанием других, которые, как предполагается, еще не попали в печать, чтобы объяснить такие кажущиеся абсурдными.

"Поиск пищи, [143] как мы договорились в предыдущем случае, является основной причиной, по которой животные меняют свои места. Различные племена болотных птиц всегда мигрируют, когда собирается дождь; и я помню, как однажды в Италии, в конце марта, я долго ждал прибытия двойного бекаса в римской кампанье; большая стая появилась третьего апреля, а на следующий день начался сильный дождь, который сильно помешал моей охоте. Гриф, руководствуясь тем же принципом, следует за армиями; и я не сомневаюсь, что предсказания древних были в значительной степени основаны на наблюдении за инстинктом птиц. Существует множество суеверий вульгарных людей, проистекающих из того же источника. Для рыболовов весной всегда неприятно видеть одиноких сорок; но двух всегда можно рассматривать как благоприятное предзнаменование; и причина в том, что в холодную и ненастную погоду одна сорока в одиночку покидает гнездо в поисках пищи, другая остается сидеть на яйцах птенцов; но когда двое выходят вместе, это происходит только тогда, когда погода мягкая и теплая и благоприятствует рыбной ловле.

Это рассуждение, в общем, будет признано правильным и может быть применено для разрешения многих суеверий в стране; но случай с сорокой заслуживает немного большего рассмотрения. Пианнет, как мы называем ее на Севере Англии, самая невезучая из всех птиц, которую можно увидеть поодиночке в любое время; это, однако, случается нечасто, за исключением короткого периода высиживания; они появляются либо парами, либо семьями; но даже это последнее появление вызывает не меньшую тревогу у наших бабушек. Следующий отрывок показывает, что предвещает каждый из них: "Одно горе, два веселья, три свадьбы, четыре смерти". Эта птица, действительно, кажется, заняла у нас то же место как дурное предзнаменование, что и сова у древних. Часто можно услышать, как медсестра заявляет, что потеряла все надежды на свою подопечную, когда заметила на крыше дома пьянчужку.

"Еще один предрассудок, которому потворствуют даже наши добрые жены, заключается в том, что они уничтожают перья голубей вместо того, чтобы сберегать их для набивки кроватей и т. Д. Они говорят, что если бы они поступили так, это только продлило бы страдания на смертном

одре; и когда они более, чем обычно, тяжелы, это приписывается этой причине, и приводимая причина "потому что у птицы нет желчи" является для них вполне убедительной, но для меня совершенно неуместной и неудовлетворительной. Вера среди мальчиков, что причинять вред или тревожить гнезда краснозобика или ласточки - к несчастью, кажется очень распространенной по всему королевству; и заядлый любитель птиц, который гордится количеством яиц, сдутых и нанизанных в виде бусин, здесь часто приходит в ужас, обнаруживая, что его трофеи уничтожены хозяйкой, которая считает, что их присутствие влияет на сохранность ее посуды для крокери. Эта вера, возможно, поощрялась, если не была изобретена, с гуманной целью: но как мы можем объяснить эффективность ирландского камня в лечении опухолей, вызванных ядовитыми рептилиями, простым натиранием пораженной части тела? Самая полная вера в эту практику, по-видимому, господствовала в стране в недалеком прошлом и все еще далека от исчезновения. Ласточку и кукушку обычно приветствуют как предвестников весны и лета, но, возможно, многие из наших читателей не знают, что только к счастью услышать кукушку впервые за сезон на мягкой земле, в отличие от твердых дорог, и с деньгами в кармане, которые юноше мудро советуют обязательно перевернуть. Возможно, время года может удовлетворительно объяснить все эти обряды. Упоминается несколько суеверных обычаев, касающихся пчел, некоторые из которых не практикуются на севере; тем не менее, существует полное убеждение, что гибель ульев слишком часто предвещает бегство пчеловодов. Влажные холодные годы, неблагоприятные для насекомых, в равной степени неблагоприятны и для фермера на тонких глинистых участках, граничащих с вересковыми пустошами, где в основном содержатся пчелы. Рассматривалось ли когда-либо использование рябины, "рябинового дерева" [*Pyrus aucuparia*, Гертнер,] в качестве заклинания против колдовства? Вера в его действенность, должно быть, очень древняя, если мы хотим доверять некоторым комментаторам Шекспира, которые дают это слово как истинное прочтение в "Макбете", вместо "Прощай, ведьма!"

"Часто случается, что неосторожный наблюдатель впервые вынужденно обращает свое внимание на какое-нибудь явление природы в силу случайных обстоятельств: если он вообще суеверен, он немедленно предсказывает самые катастрофические последствия того, что, как он убедился бы при небольшом наблюдении, было всего лишь явлением, чуть более заметным, чем обычно. Говорят, что северное сияние вызвало большой переполох при первом наблюдении; и в последнее время на него стали смотреть с большим, чем обычно, интересом, как явствует из "*Ньюкасл Кроникл*", прошлой осенью (1830 г.), когда оно было более ярким, чем обычно, некоторые жители Уэрдейла были убеждены, что однажды они очень отчетливо видели фигуру человека на белом коне с красным мечом в руке, движущуюся по небу; и, без сомнения, теперь уверены, что это предвещало нынешние богатые событиями времена. Даже это убеждение можно объяснить такими случайными совпадениями или даже философски, приняв за факт, что это явление является результатом электрического изменения в атмосфере, и что такое изменение обычно предшествует дождю. Теперь, если это происходит весной или летом, и до того, как выпадает такое количество дождей, которое, как выясняется, влияет на урожай, это слишком часто может предвещать дефицит, недовольство и беспорядки, поскольку именно в это время все обиды, реальные или мнимые, предъявляются для устранения. Происхождение суеверия моряков прибавлять подкову гвоздями к мачте для меня необъяснимо, если только это не могло быть подобно следующему испытанию доверчивости суеверных, проведенному кем-то для развлечения: "Моряки иногда идут на значительные денежные жертвы ради

приобретения детского халатика, ношение которого должно безошибочно уберечь их от утопления.

"Несколько лет назад довольно обширный район был встревожен сообщением о фасоли [*Faba vulgaris* var. *equina*] в тот год его неправильно уложили в капсулу, что, несомненно, предвещало, что через короткое время произойдет что-то ужасное, и это вызвало большой ужас среди тех, кто позволяет своему воображению разгуляться. Все ужасное предзнаменование заключалось в следующем: глазок боба находился в стручке ближе к верхушке, вместо того чтобы быть ближе к ножке, как могло показаться на первый взгляд, в его естественном положении; и некоторые едва ли были убеждены, что это естественное положение бобов в стручке с момента сотворения мира, даже когда им показали стручок предыдущего года с семенем в том же положении.

"Однако пока, боюсь, мы должны подвести итог словами Дэви: —

"*Физ.* Но как вы можете объяснить такие нелепости, как то, что пятница - несчастливый день, и ужас перед рассыпанной солью или встречей со старухой?

"*Poiet.* Все это, а также предзнаменования смертных часов, сны и т.д. Основаны на некоторых случайных совпадениях; но рассыпание соли по необычному поводу может, как я знаю, быть следствием предрасположенности к апоплексическому удару, проявляющемуся в начинающемся онемении руки, и может быть фатальным симптомом; и люди, удрученные дурными предзнаменованиями, иногда готовят путь к несчастью, поскольку уверенность в успехе является отличным средством его обеспечения. Сон Брута перед битвой при Филиппах, вероятно, вызвал некоторую нерешительность и уныние, которые были главной причиной его поражения в битве; и я слышал, что прославленный спортсмен, о котором вы только что упомянули, всегда стрелял плохо, потому что стрелял небрежно после одного из своих удручающих предзнаменований.

"*Хэл.* В жизни я сталкивался с несколькими вещами, которые считал невозможными объяснить либо случайными совпадениями, либо естественными связями, и я знал умы очень высокого класса, затронутые ими, — людей, привыкших рассуждать глубоко ".

Ряд замечательных событий, произошедших в определенные дни, были основным средством подтверждения как язычников, так и христиан в их мнениях по этому вопросу. Например, Александр, родившийся шестого апреля, победил Дария и умер в тот же день. Император Басиан Каракалла родился и умер шестого апреля. Август был усыновлен 19 августа, начал свое консульство, победил триумвиров и умер в тот же день. Христиане заметили, что 24 февраля было четырежды удачным для Карла Пятого. Та среда была счастливым днем для папы Сикста пятого; ибо в среду он родился, в этот день постригся в монахи, в тот же день стал генералом своего ордена, в тот же день был произведен в кардиналы, в тот же день избран папой, а также в тот же день состоялась инаугурация. Тот четверг стал роковым днем для Генриха восьмого, короля Англии, и его потомства, поскольку он умер в четверг; король Эдуард шестой - в четверг; королева Мария - в четверг; и королева Елизавета - в четверг.

Французы заметили, что праздник Пятидесятницы был удачным для Генриха III, короля Франции, поскольку в этот день он родился, в этот день его избрали королем Польши, и в этот день он сменил своего брата Карла IX на троне Франции.

Врачи наблюдают критические дни при продолжающейся лихорадке, что подтверждается объединенными показаниями Де Хаена и Каллена; и это 3-й, 5-й, 7-й, 9-й, 11-й, 14-й, 17-й и 20-й дни. Под критическими днями подразумеваются любые из вышеупомянутых дней, в которые лихорадка спадает или заканчивается благоприятно, или в которые она обостряется или заканчивается смертельно.

Естественная астрология ограничивается изучением природных эффектов, и в этом смысле она считается частью натурфилософии. Именно исходя из этой точки зрения, мистер Гоуд, мистер Бойл и доктор Мид выступали за его использование. Первая пытается объяснить разнообразие времен года ситуациями, привычками и движениями планет, а также объяснить бесконечное количество явлений с помощью созерцания звезд. Достопочтенный мистер Бойль признавал, что все физические тела находятся под влиянием небесных тел; и мнение доктора Мида в его трактате о силе солнца, луны и т.д. Свидетельствует в пользу этой доктрины. Но эти предсказания и влияния высмеиваются и полностью опровергаются наиболее уважаемыми современными философами, с ученым образцом которых читатель может ознакомиться в книге Рохо "Трактат". Физика, часть II. с. 27.

Предполагалось, что болезни мужчин, женщин и детей иногда вызываются более непосредственным влиянием семи планет. Чтобы понять эту взорванную доктрину, мы приведем здесь предполагаемые периоды правления и дни, в которые они, как предполагается, оказывают наибольшее влияние:

[Символ: Сол] Сол, или солнце, правит в воскресенье.

[Символ: Луна] Луна, или луна, понедельник.

[Символ: Марс] Марс, вторник.

[Символ: Меркурий] Меркурий, среда.

[Символ: Юпитер] Юпитер, четверг,

[Символ: Венера] Венера. Пятница.

[Символ: Сатурн] Сатурн, суббота.

Считается, что правящий Сатурн вызывает простудные заболевания, такие как подагра, проказа, паралич, квартальная лихорадка, водянка, катары, простуда, ревматизм и т.д.

Юпитер вызывает судороги, онемение, воспаления печени, головные боли, боли в плечах, метеоризм, воспалительные лихорадки и все болезни, вызванные гниением, апоплексией и квинси.

Марс, острые лихорадки и шотландская лихорадка, постоянные и перемежающиеся лихорадки, самозванец, эрисепелас, карбункулы, фистулы, дизентерия и подобные болезни, связанные с жарой и засухой.

Соль вызывает слезотечение, ощущение холода в желудке и печени, обморок, катары, гнойничковые высыпания, истерику, сыпь на нижних конечностях.

Венера вызывает язвы, селезенку, истерию, тошноту в желудке, от холода и сырости, расстройства печени и легких.

Ртуть вызывает охриплость и расстройства чувств, затруднения речи, падучую болезнь, кашель, желтуху, рвоту, катары.

Луна вызывает паралич, желчнокаменную болезнь, водянку, пародонтит, дизентерию и все болезни, возникающие из-за нарушения кровообращения.

Средства, предусмотренные для профилактики этих заболеваний, достаточно рациональны, по крайней мере, некоторые из них, такие как воздержание, умеренное кровотечение (указано это или нет, нам не говорят), использование слабительных в подходящее время года, когда доминирует дружественная планета, противоположная злой планете, под которой вы родились, что значительно ослабит эффект ее влияния, и сила, данная природе для противодействия ее злонамеренности, которая, "при правильном подходе, может стать главной профилактикой опасных заболеваний". Таким образом, каждая планета на небесах несет в себе болезненный аспект, не обладая, как могло бы показаться, какими—либо отталкивающими или оздоравливающими способностями для исправления или отражения болезненного влияния, которое она, как предполагается, оказывает на жизнь и конечности немощных смертных; что, в смысле этой абсурдной доктрины, или, скорее, жаргона, когда Юпитер будет править, необходимо будет пускать кровь и принимать каломель, чтобы защититься от воспаления печени (не атаковать его, когда оно уже произошло); а когда правит Марс, немедленно послать за Ван Батчелом, чтобы отпугнуть немощного смертного. воображаемый свищ - абсурдная и нелепая бессмыслица, слишком распространенная даже в наши дни; ибо что можно назвать кровотечением и лечением весной и осенью года, как не операции без причины, под предполагаемым влиянием звезд. "Наблюдайте также за тем, чтобы собирать все ваши лечебные травы в час дружественной планеты, который совпадает с тем, при котором вы родились, и при этом у них будет больше силы, мощи и добродетели для использования в лекарствах; но ни лекарства, ни кровотечения не назначаются третьего января, последнего апреля, первого июля, первого августа и последнего и второго числа октября; поскольку те астрологи, к которым присоединяются врачи, считают это опасным из-за плохого влияния, царящего в то время; и если это не изменит болезнь в другую, еще худшую, это усилит его и подвергнет участников большой смертельной опасности, *если им или ей в этом случае не повезет спастись*". Было бы пустой тратой слов предлагать единственный комментарий к таким вопиющим вещам — "не пускать кровь третьего января", ни в такой-то день (как будто может быть указано время для кровотечения, выходящее за рамки тех, на которые указывает наличие болезни и требующее такого откачивания) - это практика, которая, как мы считаем, свойственна только астрологам и тем, кто верит в подобный демонологический бред. Не менее, однако, примечателен тот факт, что люди, отличающиеся во всех других отношениях своей ученостью, особенно увлекались суеверием судебной астрологии. В настоящее время вера в такие предметы может существовать только у тех, о ком можно сказать, что у них вообще нет веры; ибо о простых традиционных чувствах вряд ли можно сказать, что они приравниваются к вере.

Именно астрономия дала начало судебной астрологии, которая, предоставляя широкое поле для энтузиазма и обмана, с энтузиазмом использовалась многими, кто не ставил перед собой научных целей. Это было связано с различными жонглерскими трюками и обманом, использовало малопонятный жаргон языка и проникало во все, что касалось надежд и страхов человечества. Профессорами этой мнимой науки поначалу были, как правило, людисреднего образования, в которых низкая хитрость заменяла знания. Большинство из них занимались

эмпирической практикой врачевания, а некоторые, благодаря доверчивости того времени, даже достигли в ней определенных высот; и все же, хотя вся основа их искусства была глупостью и обманом, они, тем не менее, приобрели много прозелитов и простофиль, как среди хорошо информированных, так и невежественных.

Примерно в середине семнадцатого века страсть к гороскопам и толкованию звезд возобладала во Франции среди людей первого ранга. Новорожденного ребенка обычно представляли обнаженным толкователю звезд, который читал первые морщины у него на лбу и поперечные линии на руках, а затем записывал его будущую судьбу. Сообщалось о нескольких людях, известных своими астрологическими способностями, которые добровольно умерли только для того, чтобы подтвердить свои собственные предсказания. Любопытно наблюдать за изменениями, которым часто подвергались эти мудрецы, когда их предсказания не подтверждались. Когда-то знаменитым знатоком этого искусства были предсказаны сильные ветры, но поскольку никаких необычных штормов не произошло, чтобы спасти репутацию искусства, предсказание было применено в переносном смысле к некоторым революциям в государстве, примеров которых в то время было предостаточно.

"Жизнь знаменитой астрологини Лилли и Сидрофела Батлера", написанная им самим, представляет собой любопытное произведение, содержащее много бесхитростного повествования, но в то же время так много явного обмана, что трудно понять, когда он говорит то, что действительно считает правдой. В очерке состояния астрологии в его время адепты, чьи характеры он нарисовал, были самыми низкими негодьями города. Все они, действительно, отзываются друг о друге как о мошенниках и самозванцах; среди них были Букер, Джордж Уортон и Гэдбери, которые зарабатывали на жизнь, играя на доверчивости даже образованных людей с 1650 по 18 век. В жизнеописании Эшмоула можно прочитать рассказ об этих искусных самозванцах. Большинство из них взлетели на воздух у позорного столба, а другие вызвали в воображении себя на виселице.

Для астрологов 17 века шарлатаны и самозванцы начала 19 века ничем не уступают. Шарлатанство и астрология, последняя из которых часто служила маской для первой, по-видимому, были когда-то чем-то вроде Кастора и Поллукса; шарлатанство, однако, похоже, пережило астрологию, поскольку гораздо больше тех, кто проглотил бы ноздреватую настойку шарлатана, чем газообразный болтун гадалок. У обоих до сих пор есть свои приверженцы. Некто Григг, птицевод из Суррея, был прикован к позорному столбу в Кройдене, (временный прим. ред. IV,) и снова в Округе за обман людей на их деньги, делая вид, что лечит их с помощью чар, просто наблюдая за пациентами или применяя методы, еще более абсурдные и сомнительные. В таких врачах недостатка нет. Такого рода практика предлагает одно из лучших полей для обмана любого вида эмпирических заблуждений, предлагаемых публике в наши дни. Увлечение и доверчивость невежд таковы, что, как нас уверенно уверяют, известный немецкий шарлатан за один год потратил столько полгины, что заработал 2000 фунтов стерлингов; и что стеклянные бутылки, в которых драгоценные духи доставлялись из святой святынь лживого эмпирика из верхней Германии, который дебютировал в этой стране, продавая голландские капли, стоили столько же двух пенсов. Тем представителям обоих полов, которые достаточно слабоумны, чтобы доверить свою жизнь опрометчивым уловкам невежественного притворщика, который делает вид, что обнаруживает в телосложении пациента некое оккультное качество, указывающее на наличие некоего внутреннего недуга, выходящего за рамки того, что менее двусмысленные симптомы в достаточной степени представляют глазу и знанию обычного

практикующего врача, — мы можем только сказать, что, по нашему мнению, они понесли справедливое наказание в виде потери своих денег и последующего разрушения своего здоровья.

В "Хронике Стоу" мы находим, что один из этих упомянутых джентльменов был посажен верхом лицом к хвосту, который он держал в руке на манер уздечки, в то время как с ошейником, обозначающим его преступление, болтающимся у него на шее, он совершил публичный въезд в лондонский сити под руководством Джека Кетча, который впоследствии удостоил себя чести выпороть и заклеить самозванца, прежде чем быть изгнанным, что завершило его наказание. В царствование Якова I была произведена ужасная зачистка среди шарлатанов и рекламного дворянства. Совет направил магистратам Лондонского сити ордер на арест всех известных шарлатанов и передачу их цензорам колледжа для проверки того, насколько они квалифицированы, чтобы им можно было доверить конечности или жизни подданных его величества. Это все, что требуется на сегодняшний день. Пусть законодательный орган управляет этим департаментом вместо коллегии врачей, которая, как орган, может похвастаться такой же большой долей лицензированного невежества, как и любая существующая корпоративная группа людей. Мы ничего не говорим о хирургии, поскольку эта отрасль знания в целом оставляет миру пищу для размышлений, поэтому так мало претендентов на нее; но медицина скрывает все свои недостатки вместе с несчастной жертвой.

Страна, даже в наш век прогрессирующей мудрости, наводнена шарлатанскими лекарствами, которые, как говорят доверчивые люди, направлены не против конституции, а только против кармана, и что они слишком безвкусны, чтобы приносить пользу или вред; но если бы это было так, не было бы повода для показательных наказаний, которым, как известно, в разное время подвергались шарлатаны всех мастей. Да будет известно, что не может быть изобретена человеком такая вещь, как универсальное средство для предотвращения или излечения всех видов болезней; потому что то, что соответствовало бы одной конституции, не соответствовало бы другой, устроенной по-другому; и шарлатанское средство, подобное тому, которое мы видим в ежедневной рекламе, безусловно, может сработать на одной стадии болезни, но может привести к смерти пациента на другой. Кроме того, все эти хваленые особенности были признаны либо инертными, неэффективными, либо опасными, и каждый претендующий на них, во времена, менее просвещенные общим прогрессом интеллекта, был уличен либо в грубом невежестве, либо в нечестности. Никто не может с уверенностью поручиться за какой—либо конкретный вид лекарства, что оно подойдет тому или иному индивидууму, пока не ознакомится с его особым телосложением; следовательно, это верх абсурда - назначать лекарства человеку, не зная таких обстоятельств, которые могли бы направить его. Амулеты, талисманы, чары и заклинания невинны и безвредны и могут воздействовать только на доверчивость без каких-либо других неблагоприятных последствий, оставляя пациента в том же состоянии, в котором он был найден; но этого нельзя сказать о шарлатанах и знахарских лекарствах, которые часто выводят своих обманутых жертв далеко за пределы досягаемости ни медицины, ни философии.

Говорят, что Батлер является автором следующего романа "Персонаж шарлатана"; и кто может читать его, не удивляясь пророческому уму, которым он изобилует, и который, к сожалению, допускает слишком тесную аналогию с некоторыми очень недавними и неприятными событиями в анналах современного эмпиризма. "Он торговец лекарствами, проверяющий квитанции и доктор Эпидемии; он постоянно подвергает их испытанию своими лекарствами и очень часто признает их ВИНОВНЫМИ В НЕПРЕДУМЫШЛЕННОМ УБИЙСТВЕ, но все же у них

есть какой-нибудь трюк, чтобы избежать сожжения от руки палача. Он печатает свои испытания мастерства и бросает вызов смерти из стольких видов оружия; что, хотя он уверен, что все его остановят, его это не волнует: потому что, *если он только сможет раздобыть денег, он обязательно выйдет сухим из воды*; потому что это всего лишь объявление о болезнях трусов во всех общественных местах города и вызов им встретиться с ним снова, и его кредит у черни такой же справедливый, как и прежде. Он ничего не делает * * * * *;— но уилл возьмется вылечить их и свяжет одну руку за спиной с такой легкостью и свободой, что его пациенты смогут объедаться и напиваться так часто, как им заблагорассудится, и заниматься своими делами без каких-либо неудобств для своего здоровья или поводов; и выздоравливать в такой тайне, что они никогда не узнают, как это происходит. Он исповедует принцип "нет лечения - нет оплаты", насколько это возможно, потому что, если природа выполняет работу, ему за это платят; если нет, он ни выигрывает, ни проигрывает; и, подобно хитрой ладье, делает свои ставки так искусно, что, будь что будет, он либо выигрывает, либо спасает. Он обманывает богатых ради их денег, а бедных ради благотворительности, и, если кому-то из них это удастся, довольны оба, и он прослышет очень справедливым и добросовестным человеком: поскольку те, кто ничего не платит, должны, по крайней мере, хорошо отзываться о своих развлечениях, их свидетельство уступает место тем, кто в состоянии заплатить и за то, и за другое. Он обнаруживает, что у него нет репутации среди тех, кто его знает, и боится, что у него никогда не будет такой репутации, и поэтому выставляет свои счета, чтобы посмотреть, сможет ли он лучше преуспеть среди тех, кто ничего о нем не знает. Он постоянно занимает свой пост и возьмет на себя обязательство поддерживать его вопреки всем бедствиям Египта. Он устраивает свое ремесло на столбе или на углу улицы — это его склады, где можно увидеть все, что у него есть, и гораздо больше; ибо тот, кто смотрит дальше, вообще ничего не находит".

АБСУРДНОСТИ ПАРАЦЕЛЬСА И ВАН ГЕЛЬМОНТА.

Хотя некоторые из первых химиков были людьми разумными и образованными, все же после того, как химия вошла в моду, были некоторые из ее профессоров, которые, хотя и обладали незаурядной гениальностью, были такими же большими энтузиастами как в химическом, так и в медицинском искусстве, какими когда-либо были любые другие люди в религии. Они не только делали вид, что превращают некоторые из неблагородных металлов в золото, вопреки природе вещей, — и если бы они могли преуспеть в этой невозможной работе, это сделало бы золото таким же обильным, дешевым и менее ценным, чем железо, потому что оно менее пригодно для инструментов и механических применений, — но они также делали вид, что безошибочно излечивают все болезни с помощью некоторых из недавно изобретенных ими химических машин; — вещь столь же невозможная, как и другая, и демонстрировали свое незнание причин и природы болезней. Поскольку самые невежественные люди, как правило, являются величайшими хвастунами, мы обнаруживаем, что никто из них не был большим хвастуном, чем тот тщеславный, хвастливый, парадоксальный энтузиаст Парацельс, который приобрел огромное богатство, излечив определенную болезнь ртутной мазью, знание секрета которой он, как говорят, украл у Якобуса Беренгариуса из Кайпо во время своих путешествий туда. К тому же он был настолько неграмотен, что говорил, что философию нельзя преподавать ни на каком другом языке, кроме верхнедолландского; но истинная причина заключалась в том, что он не понимал ни философии, ни какого-либо другого языка. Он также хвастался, что у него есть средство, которое продлевает жизнь человека до возраста Мафусала, хотя сам он умер в возрасте сорока семи лет. Он жил в пятнадцатом веке. Исцеления, которые он совершал, считались настолько удивительными в ту эпоху, что предполагалось, что он прибегал к

сверхъестественной помощи. На его картине в замке Ламли он изображен в облегающей черной мантии, держащимся обеими руками за огромный меч, на рукояти которого начертано слово Азот. Так звали его *знаемого* духа, которого он держал взаперти в паммеле, чтобы консультироваться в экстренных случаях. Батлер таким образом намекает на это обстоятельство: —

Бомбастес держал Птицу Дьявола
Закрытой ударами своего меча;
И научил его всем хитрым проделкам,
прошлых и будущих шарлатанов.

Парацельсу наследовал его ученик ван Гельмонт, который обладал гораздо большей образованностью, но был таким же большим энтузиастом как в области химии, так и в медицине, как и его учитель, и разделял большинство его парадоксальных мнений; и, владея большим количеством технических терминов, он часто использовал их скорее для того, чтобы ослепить и запутать понимание своих читателей, чем для обоснования их суждений. Придавая таким образом своим писаниям мистический вид мудрости, он делал их неясными, а иногда и непонятными; следовательно, ему было легче навязывать их широкой публике как возвышенные и полезные истины. Он также тщетно хвастался, что может вылечить любую лихорадку за четыре дня, пропотев пациента одним глотком своего знаменитого лекарства, *Praecipitatus Diaphoreticus Paracelsi*; и далее добавляет, "что ни один человек не может заслужить имя врача, который не может вылечить никакую лихорадку за четыре дня". Он, однако, признает, что иногда добавлял в него немного териаки (патоки) и вина; последнее, по его словам, "является не только отличным сердечным средством, но и как средство передвижения, является подходящим посыльным для отправки с таким поручением, поскольку оно знает дорогу, его хорошо принимают, куда бы оно ни направлялось, и с готовностью впускают в самые укромные уголки человеческого тела". Следовательно, мы верим, что вино - это не только добродушное, но и разумное существо; хотя иногда оно на время лишает людей рассудка, когда они принимают его слишком много; и поэтому мы также видим образец метода рассуждений и письма нашего автора.

Ван Гельмонт, подобно своему великому учителю, также хвастался, что может вылечить все воспалительные и другие лихорадки и даже плеврит без кровотечения, рвоты, промывания, клизм или волдырей; и он так сильно ссорился с двумя последними, что называет клизму "отвратительным средством" и говорит, что волдыри изобрел злой дух, которого он называет Молоз, хотя Вельзевул мог бы быть таким же подходящим именем, поскольку доктор Байнард остроумно заметил, что, по его мнению, он всего лишь демон. великий кантарид. И Гельмонт, и Доктор были настолько правы, что пузырями тогда, как и сейчас, сильно злоупотребляли; и, по правде говоря, их применяют гораздо чаще, чем это необходимо или полезно.

Таким образом, эти два выдающихся химика и слишком многие из их последователей часто навязывали свои труды неосторожному читателю, а самих себя - простонародью, выдавая их за людей, обладающих глубокими познаниями в медицинском искусстве и великих адептов химии; и, возгордившись высоким мнением, которое они питали о своем новом искусстве или новых лекарствах, и своей собственной великой мудрости, они отвергли философскую теорию медицины Галена и Авиценны, которая тогда была так популярна. Они были правы, поступая так,

и могли бы оказать большую услугу человечеству, если бы вместо нее не создали свою собственную воображаемую химическую теорию, которая не была основана ни на наблюдениях, ни на природе, ни на разуме и существовала только в их собственном тщеславном воображении. Таким образом, они предположили злокачественность, вызывающую все болезни, а также воспалительные, как и другие лихорадки, и которая должна была выводиться из организма потоотделением с помощью их горячих терапевтических средств; поэтому они атаковали все лихорадки этим химическим оружием и пытались бороться с ними огнем и бурей, прописывая *praecipitatus diaphoreticus* и режим потоотделения, которые, должно быть, были смертельными для многих, и, без сомнения, были бы таковыми еще для многих, если бы ван Гельмонт не разрешал своим пациентам разбавлять лекарство умеренной диетой, что делало лечение более эффективным. калорический метод менее смертелен. Но, как рассудительно замечает ученый доктор Френд, если кто-то и спасся после такого горячего режима, то только через огненное испытание.

Таким образом, химики, без какой—либо рациональной теории или уважения к природе и к тому, что она указывала или делала; — без должного рассмотрения того, как должно быть приготовлено болезненное вещество, вызвавшее болезнь, и как его можно вывести с помощью какой—либо критической эвакуации; или как помочь природе вызвать этот кризис в соответствии с методом Гиппократов; - без учета пользы рациональной, охлаждающей, противовоспалительной практики арабов - вместо этого они ввели свой потогонный режим; и этот режим вскоре после этого был введен в употребление в Англии и большинстве других стран, где это продолжало практиковаться много лет спустя, как могут видеть авторы того времени, пока рассудительный и честный доктор Сайденхэм мудро не отверг и не взорвал это, представив рациональный метод Гиппократов и режим охлаждения арабов, которые он, по-видимому, скорее позаимствовал *ex ipsa re et ratione* из природы и разума, чем из работ арабских врачей, с которыми он, по-видимому, не был знаком, поскольку никогда о них не упоминает.

У Ван Гельмонта было несколько других знаменитых лекарств, с помощью которых он якобы творил чудеса, как это делали шарлатаны во все века, и как некоторые делают сейчас: ибо эмпиризм никогда не был в такой моде, как в наши дни, а химическое искусство снабдило их гораздо большим количеством тайн и лекарств, чем у древних во всех их противоядиях, териакх и т.д. С тех пор, как химия была поставлена на службу медицине. Ван Гельмонт, тем не менее, был образованным человеком и приобрел громкое имя и репутацию, по крайней мере, на какое-то время; но, поскольку ни его теория, ни его практика не были основаны на природе и разуме и не соответствовали им, более рассудительные врачи вскоре увидели свои ошибки, а также ошибочность недавно изобретенных им химических терминов и бессмысленных фраз, которые содержали лишь тень, а не суть медицинской науки; поэтому и его химическая теория, и горячий режим вместе с его трудами вскоре после его смерти были преданы заслуженному забвению.

Несмотря на то, что наука химия была значительно усовершенствована этими выдающимися людьми, которые изобрели или открыли множество полезных средств, которые они внедрили в медицинскую практику не менее выдающимся образом и тем самым указали другим путь следования им, все же мы должны признать, что с тех пор более способные и образованные химики значительно обогатили и усовершенствовали *materia medica*, проведя множество любопытных экспериментов и открыв таким образом несколько новых и очень эффективных

лекарств не только из полуметаллов, ртути и сурьмы, и различных химических препаратов из них, но и из более совершенных металлов и некоторых других минеральных тел. , а также от большого разнообразия лекарственных средств, которые готовятся как из растительных, так и из животных субстанций, таких как соли, масла, эссенции, спирты, настойки, эликсиры, экстракты и многие другие, которые излишне здесь упоминать, но все они известны врачам. За все это мы в долгу перед химиками, которые первыми изобрели и внедрили их в практику; хотя использование, а также методы назначения их больным для лечения различных других заболеваний, отличных от тех, от которых они использовались впервые, были значительно усовершенствованы несколькими образованными и изобретательными врачами.

СНОСКИ:

[142] См. "Демонологию" Дж. С.Ф., стр. 40.

[143] См. Журнал естественной истории, апрель 1830г.

ГЛАВА XXI.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭМПИРИЗМ.

В одном отношении у нас очень мало поводов превозносить наш собственный просвещенный век за счет тех эпох, которые так часто и справедливо называют *темными*. Мы ссылаемся на смелые и коварные схемы самозванства, и в частности на *медицинское самозванство*. Ежедневно можно видеть, как неграмотные и дерзкие эмпирики играют жизнями доверчивой публики, которая, кажется, упрямо решила заткнуть свои уши перед всеми подсказками разума и опыта. Сонм эмпириков, шарлатанов и самозванных гигантов, наводняющий мегаполис, а также настойки, настои, пилюли, бальзамы и эссенции, которые так превозносят их розничные продавцы и которые проглатывает публика, на самом деле являются столькими доказательствами легковерия века, что, мягко говоря, продвижение интеллекта, очевидно, совершило *бестактность* в этом направлении.

Небесные кровати, чарующая магнетическая сила, привнесенная в эту страну немецким шарлатаном Мессмером и его многочисленными учениками, преобладающее безразличие ко всем диетическим предписаниям, странное навязчивое поведение многих женщин, заставляющее их носить инертные пояса из ароматика, странное увлечение богатых платить пять гиней за паруметаллических тракторов, не стоящих и шести пенсов, столы для кровопускания и другие нелепости, до сих пор помещаемые в популярных альманахах (вопреки всем правилам здравого смысла), - все это ни в чем не уступает абсурдным и суеверным представлениям, передаваемым посредством астрологии, сновидений и других нелепостей, хотя и по гораздо более внушительным и интересным каналам. Храм чаек теперь переполнен приверженцами в той же степени, в какой раньше был храм суеверий; человеческий разум все еще остается рабом самых тиранических предрассудков; и, конечно, нет более простого способа привлечь всеобщее внимание и восхищение, чем иметь дело с таинственным и чудесным. Визионерская система Якоба Бемана в последнее время была возрождена в некоторых частях Германии. Призраки и привидения, исчезнувшие со времен Томазиуса и Сведенборга, снова покинули свои могилы, к великому ужасу фанатизма. Новые пророки объявляют о своей божественной миссии и, что еще хуже, находят скрытых верующих!

Изобретатели секретных лекарств вознаграждаются патентами и приобретают немалую известность; в то время как некоторые из более добросовестных, но менее удачливых адептов пытаются развлечь публику популярными системами медицины.

Одним из самых ослепительных и успешных изобретателей современности был Мессмер, который начал свою карьеру странствующего рыцаря-медика в Вене. Его дом был средоточием светской жизни, местом встреч геев, где молодежь и состоятельные люди оживлялись и развлекались постоянными концертами, раутами и иллюминациями. За большие деньги он ввез в Германию первую *гармонику* из этой страны; он установил шкафы с диковинками природы и постоянно и тайно работал в своей химической лаборатории; так что он приобрел репутацию великого алхимика, философа, усердно занимающегося самыми полезными и важными исследованиями. В 1766 году он впервые публично объявил о цели и характере своих тайных трудов: —все его открытия были сосредоточены на *магните*, который, согласно его гипотезе, был лучшим и безопасным средством, до сих пор предлагавшимся против всех болезней, поражающих человеческий организм.

Это заявление Мессмера привлекло всеобщее внимание, тем более что примерно в то же время он основал больницу в своем собственном доме, в которую он принял несколько пациентов *бесплатно*. Такое бескорыстие, как и следовало ожидать, немало прибавило к его славе. Кроме того, ему посчастливилось склонить к своему мнению многих знаменитых врачей, которые расточали величайшие похвалы его новому искусству и сыграли важную роль в доведении до сведения общественности ряда успешных экспериментов. Это, по-видимому, превзошло ожидания Мессмера и побудило его расширить свой первоначальный план дальше, чем, вероятно, он предполагал вначале. Мы находим его вскоре после того, как он принял более догматичный и таинственный вид, когда, исключительно с целью сияния, он предстал в образе *волшебника*: его гордость и эгоизм не потерпели бы ни равных, ни соперников.

Обычный магнетит, или минеральный магнит, который так хорошо известен, не казался ему достаточно важным и таинственным — он изобрел необычный магнетизм, эффекту которого дал название "*животный магнетизм*". После этого он перешел к все еще сохраняющемуся предположению, повсюду раздавая его, что непостижимые силы этого тончайшего флюида сосредоточены в его собственной личности. Итак, началась мона-драма, и Мессмер, одновременно герой и хорист пьесы, виртуозно исполнил свою роль. Он сажал самых нервных, истеричных и ипохондрических пациентов напротив себя и единственным действием - вытягиванием вперед пальца - заставлял их испытывать самые сильные потрясения. Действие этой чудесной силы вызвало всеобщее изумление; ее действие и проникновение были подтверждены неоспоримыми свидетельствами, из которых явствовало, что удары, подобные тем, которые наносятся тупым железом, могли наноситься оператором, в то время как сам он был отделен двумя дверями, нет, даже толстыми стенами. Сама внешность этого принца жонглеров обладала силой вызывать болезненные судороги у его доверчивых и предрасположенных пациентов.

Этот чудесный прилив успеха побудил его неутомимого гения к более смелым попыткам, тем более что он не подвергался суровой критике со стороны суеверной толпы. Он решительно утверждал то, чему не представил ни малейшей тени доказательств и за истинность чего у него не было других гарантий, кроме его собственной высокой репутации. В одно время он мог передавать свою магнетическую силу бумаге, шерсти, шелку, хлебу, коже, камням, воде и т.д., В

другое время он утверждал, что некоторые люди обладают большей степенью восприимчивости к этой силе, чем другие. Однако следует признать, что многие из его современников считали своим долгом противостоять его экстравагантным претензиям и опровергать его догматические утверждения самыми убедительными аргументами. Тем не менее, он долго наслаждался триумфом от того, что его поддерживали слепые последователи, и их растущее число полностью пересилило голос разума.

Мессмер, наконец, понял, что в своей родной стране он никогда не сможет достичь точки, на которой он остановился, как на завершении своей магнетической карьеры. Немцы начали дискредитировать его напыщенные заявления; но только после неоднократных неудач в некоторых обещанных лекарствах он оказался перед необходимостью искать защиты в Париже. Там он встретил самый лестный прием, был обласкан и обожаем нацией, которая всегда была экстравагантно увлечена всем новым, причудливым и таинственным. Мессмер хорошо знал, как обратить эту природную склонность к наибольшему преимуществу. Он обращался особенно к слабым; к тем, кто хотел, чтобы их считали людьми глубоких знаний, но кто, когда они были вынуждены молчать из-за действительного невежества, находил убежище за непроницаемым щитом тайны. Модное легкомыслие, непреодолимое любопытство и своеобразный склад ума парижан, всегда стремящихся найти что-нибудь интересное для разговора, дать волю своему активному воображению, в точности соответствовали гению и талантам изобретателя животного магнетизма. Поэтому нам не нужно удивляться, что он воспользовался их моральным и физическим обликом, чтобы обеспечить им безоговорочную веру в свои доктрины и успех своих мнимых экспериментов: на самом деле, он находил друзей и почитателей везде, где появлялся. Его первая реклама была выдержана в следующих высокопарных выражениях:

"Узрите открытие, которое сулит невыразимые преимущества человечеству и бессмертную славу его автору! Узрите зарю всемирной революции! Возникнет новая раса людей, которая распространится по земле, украсит ее своими добродетелями и сделает плодородной благодаря своему трудолюбию. Ни порок, ни невежество не остановят их активной карьеры; они будут знать о наших бедствиях только из исторических хроник. Продолжительная продолжительность их жизни позволит им планировать и осуществлять самые похвальные начинания. Будут восстановлены спокойные, невинные наслаждения той первобытной эпохи, когда человек трудился без труда, жил без печали и скончался без стога! Матери больше не будут подвергаться боли и опасностям во время беременности и родов: их потомство будет более крепким и храбрым; ныне изрезанный и трудный путь воспитания станет гладким и легким; а наследственные заболевания будут навсегда изгнаны из будущей благоприятной расы. Отцы, радующиеся видеть своих отпрысков в четвертом и пятом поколениях, упадут, как полностью созревшие плоды, только в самом преклонном возрасте! Животные и растения, не менее восприимчивые к магнетической силе, чем человек, будут освобождены от упреков в бесплодии и разрушительных последствиях болезни. Стада на полях и растения в садах будут более сильными и питательными, а деревья будут приносить более красивые и благодарные плоды. Человеческий род, однажды наделенный этой элементарной силой, вероятно, возвысится до еще более возвышенных и удивительных проявлений природы: кто в самом деле способен с уверенностью сказать, как далеко может простираться это благотворное влияние?"

"Какие великолепные обещания! Какие богатые перспективы! Мессмер, величайший из философов, добродетельнейший из людей, врач человечества, милосердно раскрывает свои объятия всем своим собратьям-смертным, которые нуждаются в утешении и помощи.

Неудивительно, что дело магнетизма под руководством такого ревностного апостола быстро набирало обороты, и с каждым днем число его обращенных значительно увеличивалось. Веселым, нервным и распущенным людям всех рангов и возрастов он давал самые лестные обещания. Люди первой респектабельности интересовались этой новой философией; они предвосхищали в идее более счастливую и энергичную расу, которая будет развиваться, так сказать, по волшебству, благодаря чудесным импульсным силам животного магнетизма. Французы были настолько соблазнены этими лестными представлениями, что предложили немецкому авантюристу *тридцать тысяч ливров* за сообщение о его тайном искусстве. Однако он, по-видимому, лучше понимал свои собственные интересы, чем таким образом распоряжаться своей гипотетической собственностью, которая при более тщательном расследовании может быть оспорена как состоящая из нечестно приобретенных предметов. Поэтому он дал доверчивым французским министрам следующий ответ:

"Что доктор М. считает свое искусство слишком важным и злоупотребления, к которым оно может привести, слишком опасными для него в настоящее время, чтобы предавать его огласке; что поэтому он должен оставить за собой право выбора времени его публикации и способа введения его в общее употребление и наблюдение — что сначала он примет надлежащие меры для возбуждения или подготовки умов людей, возбуждая в них восприимчивость к этой великой силе; и что затем он предпримет постепенное раскрытие своей тайны, что он намеревался сделать без надежды на вознаграждение".

Мессмер, слишком политичный, чтобы расстаться со своим секретом за столь небольшую премию, имел в виду лучшие перспективы; а его кажущаяся незаинтересованность и нерешительность служили лишь для того, чтобы возбудить чрезмерное любопытство публики, привлечь больше жертв к своим обманчивым практикам и еще тверже удержать их в их безоговорочной вере. Вскоре после этого его легко уговорили основать частное общество, в которое никого не допускали, кроме тех, кто связал себя обетом вечной секретности. Этим учеников он согласился посвятить в свои важные тайны при условии, что каждый заплатит ему *сто луидоров*. В течение шести месяцев, имея не менее трехсот таких учеников, он сколотил состояние в *тридцать тысяч луидоров*.

Однако, похоже, что ученики Мессмера не придерживались своего обязательства: мы обнаруживаем, что они постепенно отделяются от своего профессора и основывают школы для распространения его системы, без сомнения, с целью возместить себе расходы на собственное посвящение в искусство магнетизации. Но немногие из них понимали термины и таинственные доктрины своего иностранного учителя, и каждый новый адепт прилагал все усилия, чтобы превзойти своих товарищей по работе в дополнительных объяснениях и изобретениях; другие, у которых не было или не могли выделить сумму в сто луидоров, усердно пытались раскрыть секрет с помощью своей собственной изобретательности; и так возникло великое множество магнетических сект. В конце концов, однако, авторитет Мессмера оказался под подозрением; его денежные приобретения стали печально известны, и на нашего *гуманного и бескорыстного философа* со всех сторон обрушились критические и сатирические нападки. Плодотворность его метода для медицинских целей, а также плохие последствия, которые он может повлечь с моральной точки зрения, вскоре стали предметом общих разговоров и, в конечном счете, даже вызвали опасения правительства. Одним из опасных последствий магнетических ассоциаций было то, что молодые сластолюбцы начали использовать это искусство для продвижения своих либидозных и разрушительных замыслов.

Поскольку дело приняло такой серьезный оборот, французское правительство, к его чести, направило четырех уважаемых и непредубежденных людей, к которым впоследствии были добавлены еще четыре человека с большой образованностью и способностями, изучить и оценить достоинства нового открытия животного магнетизма. Эти философы, среди которых мы находим прославленные имена Франклина и Лавуазье, действительно признавали очень удивительные явления в физическом состоянии намагниченных индивидуумов; но они высказали свое мнение, что эти эффекты вызваны силой воображения, а не животным магнетизмом. Чувствуя превосходящее влияние, которое воображение может оказывать на человеческое тело, когда на него эффективно воздействуют, они поняли после ряда экспериментов и часто повторяемых фактов, что *контакт*, или прикосновение, *воображение*, *имитация* и *возбужденная чувствительность*, были реальными и единственными причинами этих явлений, которые так сильно сбивали с толку неграмотных, легковверных и восторженных; что этот хваленый магнетический элемент на самом деле не существовал в природе, следовательно, сам Мессмер был либо отъявленным самозванцем, либо введенным в заблуждение человеком. фанатик.

Тем временем эта магнетическая тайна достигла немалого прогресса в Германии. Ряд периодических и других публикаций подтвердил его притязания на общественную благосклонность и внимание; и некоторые литераторы, которые заслуженно прославились своими прежними произведениями, теперь выступили как смелые и рьяные поборники этой мистической доктрины. Изобретательный Лафатер предпринял длительные путешествия для распространения магнетизма и сомнамбулизма: [144] и что, манипуляции и другие нелепости не практиковались на истеричных молодых леди в городе Бремене? Далее, заслуживает внимания, что выдающийся врач из тех мест в недавней публикации не постеснялся причислить магнетизм к медицинским средствам! Тем не менее, следует признать, что большая часть ученых по всей Германии пыталась путем сильной и беспристрастной критики выступить против животного магнетизма, рассматриваемого как медицинская система, и опровергнуть его. И как должно быть иначе, ведь в высшей степени нелепо воображать, что сильное возбуждение, спазмы, конвульсии и т.д. которые, очевидно, являются симптомами болезненного состояния организма и которые должны усиливать, а не уменьшать предрасположенность к нервным заболеваниям, могут быть средствами улучшения конституции и, в конечном счете, продления человеческой жизни? Каждый внимательный человек должен был заметить, что слишком частые сношения между нервными и ипохондрическими пациентами заразительны; и если это так, то общественные собрания для демонстрации намагниченных личностей не могут быть ни безопасными, ни уместными. Немалым доказательством здравого смысла людей этой страны, хотя они в разное время впадали в почти сходные заблуждения, является то, что профессора животного магнетизма недолго стояли на своем; вскоре они подверглись публичному осмеянию на сцене и вскоре были уничтожены в своих собственных нелепостях.

Заслуживают внимания и другие планы продления жизни, немногим менее абсурдные, чем животный магнетизм, которые, как и всякий другой обман, "оттягивали свой час". Французы и немцы долгое время занимали выдающееся положение в эмпирическом мире, хотя заслугу в изобретательных и более правдоподобных проявлениях гениальности можно справедливо отнести к последним. Животный магнетизм; физиогномика, рациональная, хотя и ошибочная наука; френология, доктрина, изобилующая множеством необычных проявлений и претендующая на то, что ее нельзя опровергнуть простой силой предубеждения, - все они немецкого происхождения.

Граф Сен-Жермен, француз, заработал большие суммы, продавая искусственный чай, состоящий в основном из желтого сандерса, листьев сенны и семян фенхеля, который выпускался под благовидным названием *Чай для продления жизни*; в то время его с такой жадностью поглощали по всему континенту, что мало кто мог обойтись без него. Его слава длилась недолго, и никто так и не прожил достаточно долго, чтобы осознать его последствия.

Шевалье д'Айлу, еще один авантюрист с бесстыдным лицом, подарил миру порошок, который пользовался такой широкой и быстрой распродажей, что вскоре у него скопилось денег, достаточных для покупки целого графства. Однако хорошо известно, что этот знаменитый порошок, вместо того чтобы стать дополнением к средствам, обеспечивающим долгую и здоровую жизнь, вызывает постоянное недомогание и в конце концов приводит к самой мучительной смерти; он состоит из определенных лекарств ядовитой природы, хотя и медленно действующих.

Граф Калиостро, которого называли светилом современных самозванцев и развратников, приготовил очень распространенный желудочный эликсир, который продавался по самой непомерной цене под названием "*бальзам жизни*". С беспримерной наглостью утверждалось, что благодаря использованию этого лекарства граф прожил более 200 лет и что он стал неуязвимым для всех видов ядов. Эти смелые утверждения не могли не привлечь самого широкого внимания. Во время его пребывания в Страсбурге, когда он в большой и респектабельной компании рассуждал о достоинствах своего противоядия, его гордость подверглась весьма унижительному испытанию. Присутствовавший при этом врач, принимавший участие в разговоре, покинув комнату наедине, отправился в аптеку и, заказав приготовить две пилюли одинаковой величины в соответствии с его указаниями, внезапно снова появился перед графом и обратился к нему со следующими словами: "Вот, мой достойный граф, две пилюли; одна содержит смертельный яд, другая совершенно безвредна; выберите одну из них и проглотите, а я обязуюсь принять ту, которую вы оставите. Это будет рассматриваться как решающее доказательство вашего медицинского мастерства и позволит общественности убедиться в эффективности вашего хваленного эликсира". Граф забил тревогу, принес ряд извинений, но его так и не удалось уговорить прикоснуться к таблеткам. Врач немедленно проглотил и то, и другое, и его аптекарь доказал, что их можно принимать совершенно безопасно, поскольку они приготовлены только из обычного хлеба. Несмотря на позор этого разоблачения, Калиостро все еще сохранял многочисленных сторонников, распространяя необоснованные слухи и скрывая свой истинный характер с помощью различных уловок.

Вдохновенный отец Гасснер из Баварии приписывал все болезни, хромоту, паралич и т.д. Действию дьявола, утверждая на основании истории Иова, Савла и других, записанных в священных писаниях, что сатана, как главный враг человечества, обладает способностью озлоблять и укорачивать нашу жизнь болезнями. Огромное количество легковверных и слабоумных людей стекалось к этому фанатику с целью получения помощи, на которую у него никогда не было средств. Множество пациентов, страдающих нервными и ипохондрическими расстройствами, осаждали его ежедневно; все они, подстегиваемые буйным воображением, стремились увидеть и признать деяния сатаны! Люди, прославившиеся своими литературными достижениями, даже натурфилософы Баварии, были унесены потоком и полностью ослеплены освященным обманом.

Не менее удивительно, чем верно, что еще в 1794 году граф Тун из Лейпцига утверждал, что совершает чудесные исцеления больных подагрой, ипохондриками и истериками простым наложением своих священных рук. Однако Он не смог воспитать большое количество учеников в месте, которое изобилует таким количеством скептиков и неверующих.

Начало девятнадцатого века было в равной степени чревато самозванством. Заблуждения Джоанны Сауткоут слишком свежи в воспоминаниях наших читателей, чтобы требовать здесь упоминания; и все же, как ни странно, у этой фанатичной старухи были свои приверженцы и ученики; многие из них в других отношениях были проникательными и здравомыслящими людьми; и это заблуждение не исчезло полностью, хотя секта ни в коем случае не является могущественной; первые впечатления все еще сохраняются у ее наполовину безумных и нелепых приверженцев, которых можно встретить только среди самых низших и неграмотных слоев общества.

Фарс с обращенным из Ньюхолла, близ Челмсфорда, относится к еще более позднему времени. Здесь мы имеем дело с чудом, совершенным святым князем Гогенлоэ на расстоянии по меньшей мере трехсот миль от присутствия его пациента. Услышав о чудесных исцелениях, совершенных этим принцем, одна из монахинь вышеупомянутого монастыря, которая в течение значительного времени страдала отеками и воспалениями, простиравшимися от подушечки большого пальца до предплечья и доходившими до подмышечной впадины, написала принцу Гогенлоэ, которого ранее посещали самые выдающиеся врачи Лондона без какой—либо видимой пользы, письмо с просьбой облегчить ее страдания. Он охотно взялся это сделать, но сопроводил свое согласие предписанием, чтобы она возносила свои молитвы в определенный день (3 мая 1824 года), почитаемый католиками, и в определенный час, пообещав, что он будет на своей молитве в то же время. Всем этим занималась страдающая монахиня; сразу после молитвы она почувствовала покалывание в руке, и с этого момента лечение быстро продвигалось вперед, пока больная конечность не стала такой же здоровой, как и другая.

Можно было надеяться, что дни жречества и суеверий быстро прошли перед лучами науки, даже в тех странах, где религиозное жонглирование было наиболее развито и практиковалось. Но для любого человека в этой стране вера в то, что такое чудо может быть совершено человеком, сама по себе является ужасно убедительным доказательством того, что он незнаком со Священными Писаниями и что его собственный разум, вероятно, станет добычей самых диких химер. Однако дурная слава принца Гогенлоэ как чудотворца распространилась не только на Ньюхолл. Его могучая доблесть распространилась на изумрудный остров; и несколько исцелений были совершены на таком же большом расстоянии или даже на большем расстоянии, чем то, что было совершено в Ньюхолле, и просто при звуке его молитв. Мы не слышим ни о каких чудесах, творимых протестантами или над ними; следовательно, мы оставляем их во мраке монастыря, откуда они произошли, и где только они могут быть полезны в деле, для поддержки которого требуется помощь стратагемы.

Вкус ко всему чудесному, по-видимому, присущ человеку на любой ступени общественного развития и почти в любой период жизни; поэтому не может вызывать особого удивления тот факт, что с самых ранних эпох мира встречались люди, которые, будучи более праздными и изобретательными, чем другие, пользовались этой склонностью, чтобы легко зарабатывать на жизнь, собирая пожертвования на любопытство публики. Следует ли рассматривать этот вкус как доказательство слабости нашего суждения или врожденной любознательности, которая

побуждает нас расширять сферу наших знаний, должно быть предоставлено решению метафизиков; для нашей настоящей цели достаточно знать, что он породил многочисленный класс самозванцев в виде шарлатанов, шулеров, глотателей ядов, пожирателей огня и торговцев пилюлями.

Существует еще один класс адептов, таких как исполнители трюков с ловкостью рук, танцоры на канате, обучающие животных выполнять экстраординарные трюки; короче говоря, те люди, которые обманывают чувства и практикуют безвредный обман зрителей, входят в общее название жонглеров. Если эти искусства не служили никакой другой цели, кроме простого развлечения, они все же заслуживают определенной степени поощрения, поскольку обеспечивают одновременно дешевое и невинное развлечение; фокусники этого класса часто проводят поучительные эксперименты в области натуральной философии, химии и механики: так, солнечный микроскоп был изобретен на основе инструмента для отражения теней, которым савояр забавлял немецкое население; а знаменитый сэр Ричард Аркрайт, как говорят, придумал идею прядильных машин, которые в значительной степени способствовали процветанию хлопчатобумажных мануфактур в этой стране, на основе игрушки, которую он купил для своего ребенка в магазине странствующий шоумен. Эти обманы, кроме того, действовали как приятное и мощнейшее противоядие от суеверий и от той популярной веры в чудеса, колдовство, волшебство и ворожбу, которая преследовала умы наших предков; а эффекты теней, электричества, зеркал и магнита, некогда грозных инструментов в руках заинтересованных лиц, удерживающих в страхе простолюдинов, были лишены своего ужаса и больше не являются устрашающими в своих самых устрашающих формах.

О ПЕРЕЛИВАНИИ КРОВИ ОТ ОДНОГО ЖИВОТНОГО ДРУГОМУ.

В то время, когда короткость человеческой жизни приписывалась воспалительному состоянию крови; когда все болезни приписывались этой причине, не обращая внимания на все то, что относится ко всей моральной и физической природе человека, легко было прийти к выводу, что радикальное удаление испорченной крови и полное обновление всей массы путем замещения было практичным и эффективным. Спекулятивный ум человека не замедлил изобрести средства для достижения этой желанной цели; и, несомненно, в это время была предпринята одна из самых смелых, самых экстраординарных и изобретательных попыток, когда-либо предпринимавшихся продлить период человеческой жизни. Мы ссылаемся здесь на известную схемупереливания крови, или введения крови одного животного в кровь другого. Это любопытное открытие приписывается Андреасу Либавиусу, профессору медицины и химии университета Галле, который в 1615 году публично рекомендовал провести экспериментальные исследования для подтверждения этого факта.

Либавий был честным и энергичным противником теософской системы, основанной напыщенным Парацельсом, и поддерживаемой многочисленным племенем доверчивых и неистовых последователей. Хотя он не был полностью свободен от безумств того века, поскольку верил в трансмутацию металлов и внушал своим ученикам чудесную силу питьевого золота, все же он отличал рациональную алхимию от известных в то время фанатичных систем и ревностно защищал первую от учеников Галена, а также Парацельса. Он сделал ряд важных открытий в химии и, несомненно, был первым профессором в Германии, который читал лекции по химии, посвященные чистым принципам аффинити, не связанным с экстравагантными представлениями теософов.

Первые эксперименты, связанные с переливанием крови, по-видимому, были проведены, и весьма пристойно, на низших животных. Кровь молодых, здоровых и энергичных переливалась старым и немощным с помощью тонкой трубки, помещенной в вену, открытую для этой цели. Эффект от этой операции был удивительным и важным: вскоре было замечено, что старые и дряхлые животные стали более оживленными и двигались с большей легкостью и скоростью. Неустанными усилиями Лоуэра в Англии, Денниса во Франции и Моулза, Хоффмана и других в Германии этот искусственный способ обновления жизни и духов был успешно продолжен и даже доведен до некоторой степени совершенства.

Для переливания крови использовали вену, обычно вскрываемую на руке пациента; в нее вводили маленькую трубку в перпендикулярном направлении; затем ту же вену вскрывали у здорового человека, но чаще у животного, в которое вводили другую трубку в наклонном направлении; затем обе маленькие трубки вставляли одна в другую, и в таком положении безопасно выполнялось тонкое искусство переливания крови. По завершении операции вену перевязывали таким же образом, как при кровопускании. Иногда у пациента брали определенное количество крови до проведения эксперимента. Однако, поскольку было мало людей, которые согласились бы отдать свою кровь другим, обычно прибегали к помощи животных, и чаще всего к теленку, ягненку и оленю. Когда их укладывали на стол и привязывали так, чтобы они не могли двигаться, операция производилась описанным выше способом. В некоторых случаях положительные результаты этих экспериментов были очевидны и многообещающи, в то время как они вселяли самые большие надежды на будущее совершенствование и прогресс этого нового искусства. Но непрекращающиеся злоупотребления, практикуемые смелыми и неопытными авантюристами, вместе с большим количеством дел, которые оказались безуспешными, побудили различные правительства Европы полностью положить конец этой практике путем строжайших запретов. И действительно, хотя конституции и образ жизни людей различаются так существенно, как сейчас, это было и всегда должно оставаться чрезвычайно опасным и двусмысленным, если не отчаянным средством. Кровь каждого индивидуума имеет особую природу и близка по составу только тому организму, которому она принадлежит и в котором вырабатывается. Следовательно, наша надежда на продление человеческой жизни с помощью искусственных эвакуаций и инъекций неизбежно должна быть обманута. Не следует, однако, предполагать, что этим и подобными занятиями в течение веков, о которых мы рассказываем, а также теми, которые увенчались успехом, занимались исключительно или главным образом простые авантюристы и фанатики. Величайшие гении тех времен упражняли свой ум в общении с самыми образованными и выдающимися людьми, которые считали это делом отнюдь не недостойным их внимания.

Метод лечения больных зубов, хотя и долгое время остававшийся в стороне из-за опасности, с которой была сопряжена эта практика передачи болезни от нездорового человека здоровому, одно время был в такой же моде, как и переливание крови. Эта практика, несмотря на возражения, которые ей противопоставляются, могла бы, тем не менее, быть успешно применена во многих случаях, если бы было обнаружено, что люди, находящиеся в здоровом состоянии тела, отвечают этому требованию, каким бы неестественным оно ни казалось. Несколько неблагоприятных случаев вскоре подняли шумиху против продолжения этой практики, как, например, при переливании крови, хотя последнее недавно было предпринято в случае с человеком, истощенным чрезмерной герметизацией, с успехом, который оправдал ожидания. Нет никаких сомнений в том, что и переливание крови, и приживление или

пересадка зубов способны, при разумном подходе и разборчивости, быть полезными в самых разных случаях; хотя шансы на общий успех сводят на нет эти эксперименты; ибо неизменный план природы заключается в постепенном проведении своих операций; всякое безобразие и экстравагантность противоречат ее установленным законам.

СНОСКИ:

[144] Искусство возбуждения сна у лиц, находящихся под влиянием животного магнетизма, с целью получения или, скорее, вымогательства во время этого искусственного сна их словесных заявлений и указаний по лечению болезней как тела, так и разума. Действительно, ярость распространения этой мистической чепухи была такова, что даже к кафедре иногда прибегали, чтобы воспитать не честных кающихся, а честных прозелитов.

ГЛАВА XXII.

РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ Или ТЕОСОФЫ.

Эта замечательная секта была основана на доктринах Парацельса во второй половине шестнадцатого и начале семнадцатого веков. Общество было известно под названием розенкрейцеры или Rosencrucians; и поскольку оно не обходилось без своих последователей и пропагандистов в различных формах даже до настоящего времени, мы здесь представим читателю краткий отчет о происхождении и догматах этой фанатичной секты.

Первое упоминание о существовании этого ордена мы находим в книге, опубликованной на немецком языке в 1614 году со следующим названием: *"Всеобщая реформация мира вместе с рассказом о знаменитом братстве розенкрейцеров"*. Работа содержит намек на то, что члены общества были тайно помолвлены в течение столетия, предшествовавшего этому, и что они пришли к знанию многих великих и важных секретов, которые, если бы были раскрыты миру, способствовали бы счастью человека.

Говорят, что авантюрист по имени Кристиан Розенкройц основал этот орден в четырнадцатом веке после того, как был предварительно посвящен в возвышенную мудрость востока во время своих путешествий по Египту и Фесу. Из того, что мы смогли узнать из этой работы, намерением основателя и конечной целью общества, по-видимому, было накопление богатств с помощью секретов, известных только членам общества; и путем надлежащего распределения этих сокровищ между князьями и властителями продвигать грандиозный план общества, производя "всеобщую революцию всего сущего". В их "исповедании веры" содержится много смелых и необычных догм; среди прочих, о том, что конец мира близок; что всеобщее преобразование людей и нравов произойдет быстро; что нечестивые будут изгнаны или покорены, евреи обращены, а учение Христа распространено по всей земле. Розенкрейцеры не только верили, что эти события должны произойти, но и пытались ускорить их неустанными усилиями. Своим верным приверженцам и последователям они обещали изобилие небесной мудрости, несказанные богатства, избавление от болезней, бессмертие человека в состоянии вечно цветущей юности и, прежде всего, *философский камень*.

Обучение и совершенствование ума считались этим порядком излишними и презирались. Все знания они черпали в Библии; однако предполагалось, что это скорее предлог для снятия выдвинутого против них обвинения в неверии в христианскую религию. Истина в том, что они воображали себя выше божественного откровения и полагали, что каждое полезное

приобретение, каждая добродетель проистекают из влияния Божества на душу человека. В этом, как и во многих других отношениях, они кажутся последователями Парацельса, которого, по их словам, они почитают как Посланника божества. Подобно ему, они притворяются, что излечивают все болезни; с помощью *веры* и силы воображения излечивают самые смертельные расстройства прикосновением или даже простым взглядом на пациента. Универсальное средство также было великой тайной ордена, открытие которой было обещано всем его верным членам.

Было бы излишне перечислять еще какие-либо подобные нечестивые фантазии, если бы основатель этой все еще скрывающейся секты, ныне частично возрожденной, не утверждал с поразительной наглостью, что человеческая жизнь способна продлеваться, подобно огню, поддерживаемому горячим веществом, и что он владеет секретом, который может подтвердить это утверждение. Однако из показаний Либавиуса, человека бесспорной правдивости, очевидно, что этот отважный поборник медицинской химии или, скорее, алхимии, Парацельс, несмотря на свои смелые утверждения, умер, как уже отмечалось, в Зульцбурге в Германии, в больнице Святого Стефана в 1541 году; и что его смерть была главным образом вызвана странным и пустынным образом жизни, которого он вел в течение длительного времени. Когда не хватает компетентных знаний об экономике человеческого организма, позволяющих человеку различать внутренние и внешние причины и следствия, будет невозможно установить различные причины, из-за которых нарушается наше здоровье, или противодействовать им. Очевидно, так было в случае с Парацельсом и многими другими сторонниками продления жизни, которые пришли ему на смену; и если удачливый человек когда-либо заикнется на лекарстве, обладающем способностью останавливать болезнь или продлевать человеческое существование (ожиданию, которому никогда не суждено сбыться), он будет обязан своим открытием только случаю. Так было во все века и остается до сих пор.

Время от времени изобретались лекарства не только для того, чтобы служить лекарствами от всех болезней, но и для того, чтобы якобы продлевать жизнь. Методы последнего рода применялись с целью противостоять или сдерживать многие действия природы, которые незаметно поглощают жизненное тепло и другие жизненные силы, такие как дыхание, мышечное раздражение и т.д. Таким образом, из-за скрытой доверчивости одних и буйного воображения других были умножены наблюдения и эксперименты, какими бы несовместимыми они ни были со здравым смыслом и философией, с общепризнанным намерением установить доказательства или репутацию того или иного абсурдного мнения. Таким образом, фанатизм и обман искажали самые простые истины или подделывали самые необоснованные и нелепые утверждения; до такой степени, что одно вопиющее несоответствие использовалось для борьбы с другим, и безумие следовало за безумием, пока потомству не был передан фонд материалов, достаточный для составления краткой истории по этому предмету. Люди вообще века справедливо ценили жизнь; и соразмерно средствам наслаждения эта ценность ценилась в большей или меньшей степени. Если бы удовлетворение чувственного аппетита составляло главную цель жизни, ее продление было бы для эпикуреца столь же желанным, как перспектива существования за пределами могилы для моралиста и верующего.

Стремление к долголетию, по-видимому, присуще всей одушевленной природе, и особенно человеческой расе; мы глубоко лелеем его на протяжении всего нашего существования и часто поддерживаем и усиливаем не только оправданными средствами, но и различными видами сговора. Живя в эпоху, когда каждая отрасль человеческого знания сведена к популярным

системам; когда бдения разума освящены в святилище эксперимента и наблюдения; — хотя мы видим в огромном разнообразии вещей полную бесполезность попыток восстановить разрушенное строение или улучшить здоровое, чтобы оно продержалось дольше определенного периода; мы, тем не менее, замечаем, что в непостижимой трате элементарных частиц преобладает строжайшая экономия. Ничто не производится напрасно, ничто не потребляется без причины. Мы ясно осознаем, что вся природа объединена неразрывными узами, что каждая отдельная вещь существует ради другой и что никто не может существовать без сопутствующего ей. Отсюда мы приходим к выводу, что сам человек - не изолированное существо, а необходимое звено в великой цепи, которая соединяет вселенную. Природа - наш надежный проводник, и она будет вести себя так с большей уверенностью, по мере того как мы будем лучше знакомиться с ее действиями, особенно в отношении тех деталей, которые в большей степени касаются нашего физического существования. Таким образом, откроется источник многих и очень обширных преимуществ; таким образом, мы достигнем нашей первоначальной цели, а именно — долгой жизни и крепкого здоровья, к которым, при условии соблюдения чистоты нравов, можно питать наилучшие надежды на счастливое состояние в будущем мире, где его обитатели никогда не умрут.